

А. А. ПЕЧЕНКИН

**СТАЛИН
И ВОЕННЫЙ СОВЕТ**

МОСКВА – 2007

А. А. ПЕЧЕНКИН

СТАЛИН И ВОЕННЫЙ СОВЕТ

МОСКВА – 2007

ББК 63.3(2)621

П 24

ПЕЧЕНКИН А.А.

Сталин и военный совет – М.: ВЗФЭИ, 2007. – 160 с.

Рецензенты:

Кафедра Истории России Вятского государственного университета,
доктор исторических наук, профессор Коваленко Н.А

Книга посвящена изучению процесса формирования советской военной элиты и ее гибели в годы «ежовщины». На основе уникальных рассекреченных документов рассматриваются взаимоотношения И.В.Сталина и военной элиты, деятельность Военного совета при наркому обороны, народного комиссара обороны СССР и его заместителей, командующих военными округами и армиями. Основное внимание уделено расширенному заседанию Военного совета при наркому обороны, проходившему в Кремле с 1 по 4 июня 1937 года. На нем обсуждались вопросы о заговоре маршала М.Н.Тухачевского. Эти материалы впервые использованы в таком объеме. Проанализирован ход и масштабы репрессий против высшего начальствующего состава Красной Армии в 1937 – 1938 годах.

Книга рассчитана на специалистов – историков и всех интересующихся отечественной военной историей.

© ПЕЧЕНКИН А.А., текст, 2007

© РИО ВЗФЭИ, 2007

© ВЗФЭИ филиал в г. Кирове,
оригинал – макет, оформление 2007

ISBN 5 – 93877 – 058 - 0

ВВЕДЕНИЕ

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ. Исследование такой специфической социальной и профессиональной группы как советский генералитет, под руководством и при решающем участии которого одержана победа над сильнейшей армией Западной Европы, является актуальным. Изучение особенностей формирования советской военной элиты и тех перемен, которые произошли в этой профессиональной группе накануне войны, позволит лучше понять, почему Красная Армия терпела военные неудачи в 1941 – 1942 годах и одержала победу в войне.

Предметом настоящего исследования является советская военная элита 1937 года. К военной элите относятся руководители народного комиссариата обороны СССР (НКО), члены Военного совета при наркому обороны, командующие войсками военных округов, армий и командиры соединений.

Цели и задачи исследования. Проанализировать процесс взаимодействия Сталина с высшим военным руководством страны. Определить какие факторы способствовали служебному росту военачальников, занятию ими высших должностей, а также кого и за что репрессировали в 1937-1938 годах.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ. В монографии рассматриваются события 1937 года. В 1934 г. был создан и активно работал Военный Совет при наркому обороны СССР. В 1937 – 1938 годах военнослужащие, особенно высший комсостав подверглись массовым репрессиям, в результате чего понесли серьезные потери. Произошла ротация военной элиты. Красные командиры получили в этот период современный боевой опыт, сражаясь в Испании, Китае и на Хасане. Начал работу Главный Военный совет РККА. В этот период нарастала военная угроза, вызванная усилением агрессивности Германии и Японии. Начался стремительный численный рост Советских Вооруженных Сил. Все эти обстоятельства, события и явления, произошедшие в рамках данного периода, придают ему особую значимость.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ. При раскрытии избранной темы автор руководствовался принципами историзма, объективности, комплексности. Использовались и общие методы исторического исследования: конкретно-исторический, историко-сравнительный анализ, историческое описание.

ИСТОРИОГРАФИЯ

При жизни И.В.Сталина деятельность Военного совета при наркому обороны в научных работах не рассматривалась. Считалось, что время для этого еще не пришло. Со второй половины 50-х годов, после известных

решений о культе личности Сталина, начался этап научной разработки отечественной военной истории. В Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС был создан специальный отдел для написания шеститомной истории Великой Отечественной войны. Стала расширяться источниковая база исторических исследований. Ученые получили доступ ко многим ранее засекреченным документам, которые позволили провести строго научные исследования. В то время проходил бурный процесс реабилитации военачальников, погибших в годы «ежовщины». Вышли статьи, брошюры, сборники воспоминаний о репрессированных военачальниках 30-х годов: И.Э.Якире¹, Я.Б.Гамарнике², В.К.Блюхере³, М.Н.Тухачевском⁴, И.П.Уборевиче⁵, Р.П.Эйдемане⁶, И.Ф.Федько⁷ и многих других. В этих брошюрах и сборниках воспоминаний приводились интересные факты из жизни военачальников, рассказывалось, об их участии в гражданской войне, а также на примере главных героев говорилось о репрессиях в Красной Армии. Архивные же материалы по периоду тридцатых годов использовались мало. В опубликованной в первой половине 60-х годов Истории Великой Отечественной войны отмечалось негативное влияние репрессий на командный состав РККА, приводились некоторые цифры репрессированных командиров и политработников, назывались отдельные имена погибших в годы «ежовщины» военачальников. Однако, проблема репрессий в Красной Армии, их причин, хода и результатов в тот период не была достаточно глубоко научно проанализирована.

В 1963 году Главное управление кадров Министерства обороны СССР подготовило фундаментальный аналитический труд «Военные кадры советского государства в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»⁸. В этой книге приводился огромный статистический материал об офицерах Красной Армии, их образовании, стаже службы, возрасте, национальности. Как это следует из названия в работе рассматривался период 1941 – 1945 годов, а проблемы высшего комсостава 30-х годов затрагивались лишь вскользь. Сталинские репрессии в этой книге осуждались, но не стали

¹ Командарм Якир Воспоминания друзей и соратников. – М., 1963; Бабенко П.М. И.Э.Якир (Очерк боевого пути). – М.: Политиздат, 1964.

² Салехов Н.И. Ян Борисович Гамарник (Очерк о жизни и деятельности). – М.: Политиздат, 1964; Ян Гамарник. Воспоминания друзей и соратников. - М.: Воениздат, 1978.

³ Душенькин В.В. От солдата до маршала. Жизнь и боевой путь Маршала Советского Союза В.К.Блюхера. – М.: Госполитиздат, 1960.

⁴ Тодорский А.И. Маршал Тухачевский. – М.: Политиздат, 1966.

⁵ Севастьянов В., Егоров П. Командарм первого ранга Уборевич И.П. – М., 1966;

⁶ Панков Д.В. Комкор Эйдеман. – М.: Воениздат, 1965; Панков Д.В. В моем сердце – Отчизна одна. – М.: ДОСААФ, 1977.

⁷ Обертас И.Л. Командарм Федько. – М.: Воениздат, 1965.

⁸ Военные кадры советского государства в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг – М.: Воениздат, 1963.

предметом углубленного изучения. После 1965 года критика культа личности Сталина сменилась кампанией против «очернительства» героического прошлого и перегибов в освещении военной истории. Прекратились публикации о репрессированных военачальниках. Началось повторное возвеличивание Сталина. Выход в свет исторической и мемуарной литературы был поставлен под жесткий идеологический контроль. Специально созданная комиссия беспощадно вымарывала из рукописей все нежелательные факты, неудобные имена, отдельные страницы и даже целые главы.

В 60-е - 80-е годы появилось немало работ по истории Советских Вооруженных Сил. Вышли в свет «Советская военная энциклопедия» (СВЭ)⁹ и «История второй мировой войны»¹⁰. В СВЭ приведены биографические справки на многих советских военачальников, но полностью замалчивалась проблема репрессий в РККА. Однако проблема формирования руководящих военных кадров в тридцатые годы не нашла должного отражения в научной литературе. Написаны статьи, очерки, книги о жизни отдельных полководцев и военачальников. Но это коснулось лишь небольшой части высших военных руководителей. В последние годы была издана новая военная энциклопедия (ВЭ)¹¹ и ряд биографических справочников¹².

В конце 80-х и в 90-е годы появилось большое количество статей¹³ и несколько книг о репрессиях в РККА, но большинство из них носили публицистический характер¹⁴. Архивные материалы в этих публикациях использовались мало. Например, вышедшая в 1985 году за рубежом и в 1995 году переизданная в России книга В.Н.Рапопорта и Ю.А.Геллера «Измена Родине»¹⁵ базировалась на открытых публикациях, а также слухах, легендах,

⁹ Советская военная энциклопедия: В восьми томах. – М.: Воениздат, 1976 – 1980; Великая Отечественная война 1941 – 1945: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – 832 с.: 35 л. ил.

¹⁰ История второй мировой войны: В двенадцати томах. – М.: Воениздат, 1973 – 1982.

¹¹ Военная энциклопедия: В восьми томах. Т. 1 - 8. – М.: Воениздат, 1994-2004.

¹² Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. / Пред. Ред. Коллегии И.Н.Шкадов. – М.: Воениздат, 1987 -1988; Лурье В.М. Адмиралы и генералы Военно-Морского Флота СССР в период Великой Отечественной и советско-японской войн (1941 – 1945) – СПб. : Изд-во «Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ», 2001; Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934 – 1941: Справочник / Общество «Мемориал», РГАСПИ, ГАРФ. Под ред. Н.Г.Охотина и А.Б.Рогинского. – М.: Звенья, 1999; Расстрельные списки. Москва, 1937 – 1941 «Коммунарка», Бутово. Книга памяти жертв политических репрессий. – М.: Общество «Мемориал» - Изд-во «Звенья», 2000.

¹³ Геллер Ю. Неверное эхо былоего // Дружба народов. 1989. № 9. С. 229-244.

¹⁴ Колпакиди А. Прудникова Е. Двойной заговор. Stalin и Гитлер: Несостоявшиеся путчи.-М., 2000; Зенькович Н.А.Маршалы и генсеки.-Смоленск, 1997; Парнов Е.И.Заговор против маршалов. В 2-х кн. М., 1997.

¹⁵ Рапопорт В.Н. Геллер Ю.А. (Ю.Алексеев) Измена Родине. М., 1995.

рассказах немногих очевидцев. Данная работа отражает уровень знаний семидесятых годов, когда она писалась, несет большой публицистический заряд и содержит много неточностей и фактических ошибок.

Очередной опус В.Б.Резуна (В.Суворова) - «Очищение»¹⁶ по степени лживости, подтасовок и тенденциозности ничем не отличается от его предыдущих творений. Автор «Очищения» утверждает, что Сталин был гениален, а убитые им генералы – бездарными, алчными и кровожадными. Следовательно, их уничтожение не ослабило, а укрепило боеспособность РККА накануне Великой Отечественной войны.

В последние годы, когда ученые получили доступ к архивным материалам, вышли в свет первые серьезные исследования о репрессиях. Наибольший вклад в исследование проблемы репрессий в Красной Армии внес О.Ф.Сувениров¹⁷. Его работы, вышедшие в конце восьмидесятых и в девяностые годы носят строго научный характер, базируются на огромном фактическом материале¹⁸. Им впервые составлен наиболее полный список лиц высшего командно-начальствующего состава РККА, погибших в результате репрессий в 1937 – 1941 годах.

В 90-е годы вновь вспыхнул интерес к судьбе наиболее яркой личности среди репрессированных полководцев Михаила Николаевича Тухачевского. Были изданы биографические книги, статьи и воспоминания о нем¹⁹. Причем авторы высказывают резко полярные мнения об этом человеке. Одновременно разгорелась дискуссия о том, почему Сталин в 1937 году уничтожил военную верхушку, существовал ли «заговор генералов» и почему он сложился²⁰. Некоторые авторы, не отрицая сам факт репрессий в

¹⁶ Суворов В. Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? – М., 1998.

¹⁷ Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937 – 1941. – М.: ТЕРРА, 1998.

¹⁸ Сувениров О.Ф. Наркомат обороны и НКВД в предвоенные годы // Вопросы истории. 1995. № ; Его же Если б не та вакханалия // Военно-исторический журнал. 1989. № 2. С. 51-59; Его же «Приказ отменять не будем» // Там же. 1989. № 4. С. 32-39; Его же Всеармейская трагедия // Там же. 1989. № 3. С.39-47; Его же За честь и достоинство воинов РККА (Из истории сопротивления личного состава Красной Армии произволу органов НКВД в 1937 – 1941 гг) // Они не молчали. – М.: Политиздат, 1991. С. 372 – 387; Его же Трагедия первых командармов // Отечественная история. 1996. № 4. С. 170-181; Его же Трагедии не избежал никто: Судьба первых армейских комиссаров РККА // Кентавр. 1992. № 6. С. 41-58.

¹⁹ Иванов В.М. Маршал М.Н.Тухачевский. М., 1985; Кровавый маршал. СПб: Корона прнт, 1997; Минаков С.Т. За отворотом маршальской шинели. – Орел, 1999; Смирнов Г.В. Правде о кровавом маршале // Кровавый маршал. – СПб: «Корона прнт», 1997. С. 228 – 377; Соколов Б.В. Михаил Тухачевский: Жизнь и смерть «Красного маршала». – Смоленск: Русич, 1999; его же Истребленные маршалы. Смоленск: Русич, 2000; Карпов В.В. Расстрелянные маршалы. – М.: Вече, 1999.

²⁰ Плимак Е.Г. Антонов В.С. Накануне страшной даты // Октябрь. 1997. № 2; они же Тайна «Заговора Тухачевского» (Невостребованное сообщение советского разведчика) // Отечественная история. 1998. № 4; Они же Реплика по поводу дискуссии вокруг статьи «Тайна «Заговора Тухачевского» // Там же. 1999. № 6; Мельтиюхов М.И. Репрессии в

Красной Армии, заявляют, что масштабы этого явления и его негативное влияние на боеспособность Вооруженных Сил сильно преувеличены²¹. Точка в этом споре еще не поставлена.

Большой интерес представляют работы Н.М.Якупова, С.Минакова, Н.С.Черушева²². При написании этих монографий авторы привлекли большое количество архивных документов Наркомата обороны, Главной военной прокуратуры и Военной коллегии Верховного суда СССР, но к сожалению не получили доступа к документам высших партийных органов тридцатых годов, стенограмме самого заседания ВС НКО 1-4 июня 1937 года, к личным фондам И.В.Сталина и К.Е.Ворошилова. Книга Юлии Кантор «Война и мир Михаила Тухачевского» выгодно отличается от аналогичных работ привлечением широкого круга ранее секретных архивных документов, в том числе хранящихся в Центральном архиве ФСБ РФ.

В советское время вопросы функционирования ВС НКО в исторической литературе почти не затрагивались. В трудах по истории Вооруженных Сил СССР говорилось о создании этого органа и упоминалось о некоторых его решениях. Считалось нецелесообразным привлекать излишнее внимание к совету, 90% членов которого были репрессированы. Стенограммы заседаний ВС НКО в течение десятилетий были недоступны для большинства исследователей. Лишь в период краткой «оттепели» 60-х годов в связи с проводимой реабилитацией военачальников в статьях и книгах появились немногочисленные материалы о заседании 1-4 июня 1937 года, цитаты из выступлений К.Е.Ворошилова и И.В.Сталина.

Анализ состояния отечественной историографии показывает, что проблемы формирования и эволюции военной элиты второй половины 30-х годов, взаимоотношения советских военачальников с высшим политическим руководством СССР до сих пор не были предметом специального научного

Красной Армии: итоги новейших исследований // Там же. 1997. № 5; Жуков Ю.Н. Так был ли «Заговор Тухачевского»? // Там же. 1999. №1; Невежин В.А. Проблема репрессий в Красной Армии и «второе пришествие» Виктора Суворова // Там же; Карелл П. Заговор против Тухачевского // Кровавый маршал. – СПб: «Корона прнт», 1997. С. 29 – 46; Емельянов Ю. Был ли заговор Тухачевского ? // Там же. С. 47 – 66; Мнения сведущих людей о Тухачевском и его заговоре // Там же. С. 128-149.

²¹ Бородин В.П. Красная армия перед войной // Молодая гвардия. 1989. № 9; Уколов А.Т.Ивкин В.И. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 1993 № 1; Кровавый маршал. – СПб: «Корона прнт», 1997.

²² Якупов Н.М.Трагедия полководцев. М., 1992; Черушев Н.С. Тридцать седьмой год: НКВД и Красная Армия // Военно-исторический архив. 1999. Вып. 5, 7; 2000. Вып. 10, 13 – 15; 2001. Вып. 24; его же 1937 год: Элита Красной Армии на галгофе. – М.: Вече, 2003; его же «Невиновных не бывает... » Чекисты против военных. 1918-1953.- М.: Вече, 2004; Минаков С. Сталин и его маршал.- М.: Яуза, Эксмо, 2004; Минаков С. Сталин и заговор генералов.- М.: Яуза, Эксмо, 2004.

исследования. Поэтому обращение к данной теме представляется мне вполне обоснованным.

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Какими же источниками по теме «Сталин и военный совет» располагают современные исследователи? Многие авторы до сих пор ограничиваются подготовленной в 1964 году «Справкой о проверке обвинений, предъявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу, и другим военным деятелям, в измене Родине, терроре и военном заговоре» (далее – «Справка о проверке обвинений...»). Этот обширный документ стал результатом работы специальной комиссии, созданной по решениям Президиума ЦК КПСС от 5 января и 6 мая 1961 года. В нее входили руководители Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС, Комитета государственной безопасности при СМ СССР и Генеральный прокурор СССР. Комиссия завершила свою работу и доложила о ее результатах Н.С.Хрущеву 26 июня 1964 года. Справка содержала большой фактический материал из архивов ЦК КПСС и КГБ. Она была опубликована в открытой печати в виде крупных фрагментов в «Военно-историческом журнале» и «Военных архивах России» в 1993 году²³, а полностью – журнале «Военно-исторический архив» в 1997 году²⁴, и с тех пор ее бесконечно цитируют, не всегда ссылаясь на источник.

Большой интерес представляют тексты выступлений Сталина перед военными во второй половине 30-х годов. По сложившейся тогда традиции все выступления Сталина на совещаниях, заседаниях, торжественных приемах, различных банкетах и других мероприятиях изымались из соответствующих стенограмм и откладывались в его личном архиве, где они и пролежали до 90-х годов. Многие выступления вождя не попали в тринадцатитомное собрание сочинений. В настоящее время неопубликованные речи вождя хранятся в его личном фонде (ф. 558, опись 11) Российского государственного архива социально-политической истории. В 1994 году журнал «Источник» опубликовал выступление Сталина на заседании Военного Совета при НКО 2 июня 1937 года²⁵. Исследователи получили возможность проанализировать высказывания вождя по важнейшим вопросам обороны страны. А что касается его многочисленных замечаний по ходу заседаний, в которых много ценной информации, то они нашли отражение в стенограмме совещания. Стенограмма до середины 90-х годов находилась на секретном хранении и до сих пор не введена в научный

²³ Военно-исторический журнал. 1993. № 1 – 4; Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993. С. 29-113.

²⁴ Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 173- 255; Вып. 2. С. 3-81.

²⁵ Источник. 1994. № 3. С. 72-87.

оборот. Ряд интересных выступлений Сталина были опубликованы в книге, подготовленной видным историком В.А.Невежиным²⁶.

В 1996 году Российский государственный военный архив совместно с итальянцами подготовил сборник документов «Репрессии в Красной Армии (30-е годы)²⁷. Книга издана в Италии небольшим тиражом, поэтому российским исследователям этот сборник интереснейших документов почти неизвестен.

В связи с тем, что подавляющее большинство членов ВС НКО и приглашенных участников расширенного заседания 1–4 июня 1937 года были впоследствии уничтожены и не оставили мемуаров, особый интерес представляют краткие воспоминания генерал-лейтенанта Константина Ефимовича Полищука, который в июне 1937 года был начальником Военной электротехнической академии РККА и принимал участие в расширенном заседании ВС НКО²⁸. Это свидетельство участника события позволяет лучше представить картину произошедшего, дополнив ее цennыми деталями.

Разумеется, самым значительным источником для написания данной работы послужила неправленая стенограмма Военного совета, включающая выступления всех ораторов, реплики, вопросы из зала и из президиума. Стенограмма, хранящаяся в РГАСПИ, позволяет всесторонне рассмотреть взаимоотношения Сталина и руководителей Красной Армии, а также отношения внутри советской военной элиты в этот переломный исторический момент развязывания крупномасштабных репрессий.

В монографии использованы материалы пленумов ЦК ВКП(б) периода 1935 – 1939 годов (ф. 17, опись 2), решения Политбюро ЦК ВКП(б) – (ф. 17, опись 3), подлинные протоколы заседаний Политбюро (ф. 17, опись 163), а также документы из «Особой папки» (ф. 17, опись 162). Огромный интерес представляют стенограммы совещаний по военным вопросам, прошедших в Центральном Комитете ВКП(б) в конце тридцатых годов (ф. 17, опись 165). В личных фондах И.В.Сталина, К.Е.Ворошилова, Г.М.Маленкова и В.М.Молотова имеются письма, докладные записки, справочные материалы, проекты решений по кадровым вопросам в армии. Особенно богат фонд Ворошилова (ф.74, описи 1 и 2), длительное время занимавшего должность народного комиссара обороны СССР и члена Политбюро ЦК ВКП(б).

В фондах Российского государственного военного архива мною выявлены многие интересные документы. В фонде Управления по

²⁶ Застольные речи Сталина. Документы и материалы. Вступительная статья, составление, комментарий, приложение д.и.н. В.А.Невежина. – М.: АИРО-ХХ; СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.

²⁷ Репрессии в Красной Армии (30-е годы). Сборник документов из фондов Российского государственного военного архива. – Napoli, 1996.

²⁸ Полищук К.Е. Заседание РВС 1-3 июня 1937 года. Свидетельство очевидца // Знание – сила. 1990. № 5. С. 26-32.

командному и начальствующему составу РККА (ф. 37837) содержится богатый фактический материал об офицерских кадрах армии. Многочисленные сводки, справки и отчеты дают сведения о штатной и списочной численности комсостава, о его возрасте, национальности, социальном происхождении, партийности, военном и командном стаже, общем и специальном образовании, боевом опыте и других качественных характеристиках. В указанном фонде имеются ежегодные отчеты о состоянии командного состава, о тех переменах, которые произошли за отчетный период: в предвоенные годы происходил быстрый рост численности Советских Вооруженных Сил, что влекло за собой увеличение числа командных должностей и некомплект офицерских кадров. Кроме того, в результате репрессий ежегодно из армии увольнялись тысячи командиров, что усиливало некомплект и приводило к массовым перемещениям офицеров на более высокие должности. Эти документы лишь недавно были рассекречены и мало использовались историками. Введение их в научный оборот позволит уточнить масштабы репрессий в армии, уровень потерь высшего командного состава и то негативное влияние, которое они оказали на военную элиту.

В документах Секретариата наркома обороны (фонд 33987), Управления делами НКО (фонд 4) и организационного управления Генерального штаба РККА хранятся приказы наркома обороны, касающиеся различных сторон жизни высшего комначсостава. Важно выявить социально-демографические характеристики красных «генералов», ставших жертвами репрессий. Документы позволяют решить эту задачу.

В предвоенный период сменились многие заместители наркома обороны, начальники Главных управлений НКО, командующие родами войск, начальники штабов фронтов и армий. Необходимо дать ответ, насколько закономерными были эти кадровые перемещения, чем отличались новые выдвиженцы от своих предшественников, как накануне войны происходил процесс отбора и воспитания новой военной элиты. Дать ответ на эти вопросы может изучение личных дел и учетно-послужных карт (УПК) высшего офицерского состава РККА. Это в высшей степени достоверный и презентативный источник для изучения социально-демографических и профессиональных характеристик военной элиты. На его основе мною созданы базы данных, включающие в себя должностные группы от командиров корпусов до руководителей наркомата обороны, что позволяет проследить динамику изменений в военной элите на протяжении рассматриваемого периода.

Весьма ценным источником являются мемуары видных военных деятелей, особенно опубликованные в 90-е годы²⁹. В них содержится

²⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: Изд. 10-е, доп. По рукописи автора. В трех томах.- М.: Новости, 1990; Василевский А.М. Дело всей жизни. – М.: Политиздат, 1974.

уникальная информация о взаимоотношениях полководцев между собой и с руководителями государства, раскрывается механизм принятия важнейших решений в военной области, освещаются малоизвестные эпизоды военной истории.

С конца 80-х годов и по настоящее время в научных журналах и сборниках опубликовано большое количество секретных ранее документов, в том числе приказы наркома обороны,³⁰ материалы военных совещаний³¹, и многое другое³². Большое значение имеют опубликованные Ю.Кантор документы из архивно-следственного дела маршала Тухачевского³³.

Введение в научный оборот столь широкого круга источников позволяет решить поставленную задачу. Современное состояние источниковской базы дает возможность с достаточной полнотой осветить вопрос о советской военной элите в 1937 года.

Практическая значимость монографии. Материалы монографии имеют, во-первых, сугубо научное значение и могут представлять интерес при дальнейшем исследовании комплекса проблем, связанных с процессом подготовки, выдвижения и ротации военной элиты. Результаты монографии можно использовать при подготовке обобщающих работ по истории Вооруженных Сил, при освещении роли и места военной элиты в советском обществе. Во-вторых, монография может помочь преподавателям гражданских и военных вузов при разработке лекционных курсов по отечественной истории 30-х годов XX века.

Основные результаты исследований были изложены автором в монографии³⁴ и многочисленных статьях, опубликованных в журналах «Отечественная история»³⁵, «Родина»³⁶, «Исторический архив»³⁷, «Источник»³⁸, «Военно-исторический журнал»³⁹.

Кузнецов Н.Г. Накануне. – М.: Воениздат, 1966; Кузнецов Н.Г. Курсом к победе. – М.: Воениздат, 1988.

³⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 1937 – июнь 1941 г. Т. 13.(2-1). – М.: ТЕРРА, 1994.

³¹ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12.(1). – М.: ТЕРРА, 1993.

³² Сталин и Каганович. Переписка 1931 – 1936 гг. /Составители: О.В.Хлевнюк, Р.У.Дэвис, Л.П.Кошелева, Э.А.Рис, Л.А.Роговая. – М.: РОССПЭН, 2001; Советское руководство. Переписка 1928 – 1941. Сборник документов /Составители: А.В.Квашонкин, О.В.Хлевнюк, Л.П.Кошелева, Л.А.Роговая. – М.: РОССПЭН, 1998.

³³ Неизвестные документы о «деле военных»//История государства и права. 2006. № 1, 2, 3, 5.

³⁴ Печенкин А.А. Военная элита СССР в 1935-1939 гг.: Репрессии и обновление. – М.: ВЗФЭИ, 2003.

³⁵ Печенкин А.А. 1937 год: Stalin и Военный совет // Отечественная история. 2003. № 1.

³⁶ Печенкин А.А. И ордена и тюрьма. Роковая судьба маршала Кулика // Родина. 1996. № 6. С. 55 – 60; Печенкин А.А. От ГУЛАГА до рейхстага. Страницы из жизни боевого генерала и узника сталинских лагерей // Родина. 2001. № 3. С. 75 – 77.

Глава 1. НАЧАЛО «ЕЖОВЩИНЫ» В КРАСНОЙ АРМИИ.

1.1. СТАЛИН, ВОРОШИЛОВ И ВОЕННАЯ ЭЛИТА.

В 1934 году существовавший ранее Народный комиссариат по военным и морским делам был преобразован в Народный комиссариат обороны СССР (НКО), а вместо Революционного Военного Совета СССР (РВСС) создан новый совещательный орган - Военный совет при наркому обороны (ВС НКО). НКО в период с 1934 по 1946 г. являлся центральным органом военного управления в нашей стране, на который возлагалась разработка планов развития, строительства и вооружения Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), руководство боевой и политической подготовкой Советских Вооруженных Сил и использование их в мирное и военное время. К числу руководителей НКО следует отнести самого наркома обороны, его заместителей и начальника Генерального штаба, который не всегда входил в число заместителей наркома. В предвоенный период (1937 – 1938 гг.) в этом звене военного управления произошли большие кадровые перемены: погибли многие заместители наркома и командующие военными округами. Членами ВС НКО в 1935 г. были 85 наиболее авторитетных военачальников Красной Армии и Военно-Морского флота: нарком обороны и его заместители, начальники главных управлений НКО, руководители военных академий, командующие войсками военных округов, некоторые командиры корпусов и дивизий, ряд других работников центрального и окружного аппарата. На ежегодных заседаниях ВС НКО подводились итоги деятельности Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) и разрабатывались планы боевой подготовки на будущий год.

Во второй половине 30-х годов Красная Армия переживала серьезные перемены. Происходили глубокие изменения в структуре Советских Вооруженных Сил. Агрессивные намерения наших вероятных противников были очевидны. По мере нарастания военной опасности росла численность и техническая оснащенность Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Если к началу 30-х годов по качеству вооружений она находилась на уровне гражданской войны, то к концу этого десятилетия положение коренным образом изменилось. Превращение СССР в индустриальную державу

³⁷ «Назначить тов. Сталина И.В.» Постановление Политбюро ЦК ВКП(б). Май 1941 г. (Публ. А.А.Печенина) // Исторический архив. 1994. № 5. С. 221-222; «Современная армия – армия наступательная». Выступления И.В.Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий. Май 1941 г. (Публ. А.А.Печенина) // Исторический архив. 1995. № 3. С. 23 – 31.

³⁸ «Правильная политика правительства решает успех армии». Кто достоин быть маршалом (Речь И.В.Сталина на специальном военном совещании в 1937 г.) /Публ. А.А.Печенина // Источник. 2002. № 3. С. 72 – 76.

³⁹ Печенин А.А. Первые советские генералы – славные сыновья Отечества // Военно-исторический журнал. 2001. № 7. с. 20 – 25.

позволило оснастить армию достаточным количеством современного оружия. До середины 30-х годов РККА строилась на основе смешанной системы. Из-за ограниченности финансовых средств и материальных ресурсов наша страна не могла содержать многочисленную кадровую армию. Если к концу гражданской войны в армии служили 5 млн. человек, то после военной реформы середины 20-х годов в ней осталось около 600 тысяч красноармейцев и командиров. В 30-е годы численность военнослужащих медленно росла. Но хорошо обученные кадровые дивизии составляли лишь небольшое ядро армии, а остальные дивизии являлись территориальными, т.е. комплектовались из граждан, призываемых на краткосрочную военную подготовку. Бойцы терчастей основную часть времени работали в народном хозяйстве и раз в несколько лет проходили военные сборы. Естественно, что уровень боевой подготовки терчастей был значительно ниже, чем кадровых. Это показали первые же военные конфликты, в которых им довелось участвовать. «Наши территориальные дивизии были подготовлены из рук вон плохо, - вспоминал маршал Г.К.Жуков. – Людской материал, на котором они развертывались до полного состава, был плохо обучен, не имел ни представления о современном бое, ни опыта взаимодействия с артиллерией и танками. По уровню подготовки наши территориальные части не шли ни в какое сравнение с кадровыми»⁴⁰.

В условиях приближавшейся войны такое положение не могло быть терпимо. Требовалось перевести всю армию на кадровое положение. Для эффективного использования новых возможностей, следовало также повысить профессиональный уровень командиров Красной Армии.

В 1935 и 1936 годах на Украине и в Белоруссии прошли грандиозные военные маневры, в ходе которых отрабатывалось взаимодействие различных родов войск, впервые в таких масштабах использовались танки, авиация, воздушно-десантные войска. Приглашенные на маневры военные представители европейских стран были поражены размахом учений, четкостью и слаженностью действий войск. Украинским военным округом командовал Иона Эммануилович Якир, а Белорусским – Иероним Петрович Уборевич. Это были активные участники гражданской войны, успешно командовавшие дивизиями и армиями, а в мирный период ставшие военачальниками крупного масштаба. В конце 20-х годов Якир и Уборевич ездили на учебу в немецкую военную академию. Как это было организовано, Уборевич напоминал в письме члену Политбюро С.Орджоникидзе: «В 1927 году решил, что мало мне знаний и опыта, который получаю в РККА. Сорганизовал поездку на учебу в Германию, причем немедленно в связи с отъездом был снят с должности Комвойск СКВО, чтобы быть смешным и

⁴⁰ Военно-исторический журнал. 1987. № 6. С. 53.

без авторитета за границей. После меня ездили учиться в Германию многие Комвойски — ни с кем Ворошилов такой истории не продевал»⁴¹.

В 1930 г. Уборевич был назначен 1-ым заместителем наркома по военным и морским делам Ворошилова, но уже «на второй день он мне заявил, что по существу первого зама не будет, а перед всей Армией повел дело так, что первым замом считался Гамарник. Будучи начальником вооружения, я работал, как никогда в жизни, без выходных дней, ночами, очищая невероятную заваль и запущенность. Будучи начальником вооружения, я знаю сейчас в 1936 году, что много было сделано, очень много ошибок. Оправданием мне служит одно — я чертовски боялся войны в 1930 и 1931 годах, видя нашу неготовность. Я торопился. Когда торопишься, делаешь ошибки чаще».

Талантливый полководец Уборевич не сработался с дилетантом Ворошиловым и попросил направить его на командную работу в БВО (Белорусский военный округ). Прирожденный командир, воспитатель войск, Уборевич внедрял в боевую подготовку все новейшие достижения военной науки и практики, терпеть не мог самодовольных неучей, не желавших повышать свой профессиональный уровень, единственным достоинством которых было рабоче-крестьянское происхождение. Он всячески настаивал на необходимости постоянной учебы, требовал воспитывать культурного командира, чем вызывал крайнее раздражение у бывших фельдфебелей, считавших что они и так уже достигли предельных высот в военном искусстве. В то же время в Белорусском округе под руководством Уборевича выросли талантливые командиры, ставшие видными полководцами Великой Отечественной войны: маршалы Г.К.Жуков, И.С.Конев, К.А.Мерецков и другие. Уборевич в совершенстве освоил оперативно-тактическое искусство. «Он был в полном смысле слова военный человек, - писал маршал Г.К.Жуков. - Внешний вид, умение держаться, способность коротко излагать свои мысли, все говорило о том, что И.П.Уборевич незаурядный военный руководитель»⁴². Именно поэтому отношения Уборевича с Ворошиловым оставались сложными. «Работая 5 лет в Б.В.О., я вел и веду себя, как часовой на часах, ибо малейшая ошибка — и я буду изображен в самом нелестном виде. Много ответственных заданий мне пришлось проводить на этом направлении и, конечно, это проходит для страны и армии как бы незаметно. [В] 1931 году — в разгар маневров БВО - потому что плохо идут маневры М. В. О.— посылают ко мне делегацию немцев. Маневры проходят удачно. В 1932 году основные опыты с механизациями проводим мы. Округ в 1933—1934 годах создает на своих опытах основы новой тактики (глубокий бой) — разбив гнилые теории Седякина, Егорова (он их утверждал своей подписью). В 1934 году проводим огромные маневры для итальянцев и т. д. В 1934—

⁴¹ Факел. 1990: Историко-революционный альманах. – М.: Политиздат, 1990. С. 237.

⁴² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – В 3-х т. М., 1990. Т. 1. С. 200.

1935 годах дали основы воздушного боя. Ворошилов, если и считает успехи Б. В. О. имеющими место, то ни в какой степени их не относит за счет моей работы.

Если т. Ворошилов считает меня малоспособным командиром для большой работы, то я очень резко и в глаза и за глаза говорю об его взглядах на важнейшие современные вопросы войны. Он меня считает «иезуитом» или «трепачом». Я остаюсь все-таки при своем мнении. Вот я сейчас готовлю маневры РККА и совершенно спокойно выйду на суд иностранцев, за исключением конницы и конной тяги почти всей нашей артиллерии. Если приедет Ворошилов, наверно выйдут недоразумения. Я мог бы писать на эту тему еще очень долго. Особенно трудно мне бывает удержать людей, в которых способности я имею большую веру, и они меня признают»⁴³.

В течение 12 лет Украинским (с 1935 года – Киевским) военным округом командовал И.Э.Якир. За долгий срок он хорошо изучил всех командиров корпусов, дивизий, бригад и полков, был знаком с их семьями, постоянно находился в курсе их служебных и житейских проблем. Со многими подчиненными у командующего установились неформальные приятельские и дружеские отношения. Якир старался не брать в свой округ чужаков, особенно конармейцев. Многие подчиненные были преданы своему командующему и готовы идти за ним в бой. Такая ситуация вызывала беспокойство у Ворошилова и Сталина. А что, если Якир поведет верные ему войска не против внешнего врага, а использует их во внутрpolitической борьбе?

В 1935 году учреждаются персональные воинские звания, вводится новая форма и знаки различия. Высшее воинское звание маршал Советского Союза было присвоено пяти наиболее популярным военачальникам: К.Е.Ворошилову, С.М.Буденному, М.Н.Тухачевскому, А.И.Егорову и В.К.Блюхеру. Пятеро стали командармами 1-го ранга: И.П.Белов, С.С.Каменев, Б.М.Шапошников, И.П.Уборевич, И.Э.Якир.

Кроме пяти маршалов звания высшего комсостава были присвоены еще примерно 750 военнослужащим. (10 командармами 2-го ранга, 62 комкорами, 201 комдивом, 474 комбригами, 1713 полковниками)⁴⁴. Именно эти люди должны были в будущей войне командовать бригадами, дивизиями, корпусами, армиями и фронтами. Кроме того, в высшем начальствующем составе насчитывалось 16 армейских комиссаров 1-го и 2-го рангов, 30 корпусных, 130 дивизионных и 304 бригадных комиссаров; 2 коринженера, 16 дивинженеров, 100 бригинженеров, 3 коринтенданта, 23 дивинтенданта, 44 бригинтенданта; 1 армвоенюрист, 3 корвоенюриста, 21 диввоенюрист, 99 бригвоенюристов и 84 военврача⁴⁵. Однако большинству

⁴³ Факел. 1990: Историко-революционный альманах. – М.: Политиздат, 1990. С. 237-238.

⁴⁴ РГВА, ф. 37837, оп. 21, д. 107, л. 21.

⁴⁵ РГВА, ф. 37837, оп. 21, д. 107, л. 21.

из них не пришлось участвовать в Великой Отечественной войне, так как они погибли в годы "ежовщины".

В этот период Stalin установил в стране режим личной власти, при котором стали возможны массовые репрессии во всех слоях общества, во всех государственных институтах, в том числе и в Вооруженных Силах. Нагнетая обстановку всеобщей подозрительности, он перестал доверять даже своей охране. Адмирал флота Советского Союза И.С.Исаков в те годы часто встречался со Сталиным. После одного из совещаний они вместе шли по кремлевскому коридору, где на каждом повороте стояли офицеры НКВД. Stalin неожиданно сказал Исакову: «Заметили, сколько их там стоит? Идешь каждый раз по коридору и думаешь: кто из них? Если этот, то будет стрелять в спину, а если завернешь за угол, то следующий будет стрелять в лицо»⁴⁶. Проводя масштабные преобразования и устранив всех потенциальных конкурентов, Stalin не был уверен, что все крупные военачальники, отличавшиеся независимым взглядом на многие проблемы, привыкшие принимать самостоятельные решения и не считавшие генсека высшим авторитетом, станут безропотно подчиняться его воле. Stalina больше устраивали послушные исполнители. Поэтому личную преданность и политическую благонадежность он ценил выше полководческих талантов, полагая, что правильная политика руководства страны компенсирует отсутствие ярких полководческих дарований у дисциплинированных красных военачальников. Об этом он недвусмысленно заявил в своей речи перед военной элитой в январе 1938 года.

«Возьмем хотя бы такой факт как присвоение звания маршалов Советского Союза. Известно, что у нас 5 маршалов Советского Союза. Из них меньше всего заслуживал этого звания Егоров, я не говорю уже о Тухачевском, который, безусловно, этого звания не заслуживал, и которого мы расстреляли, несмотря на его маршальское звание. Законно заслужили звание маршала Советского Союза Ворошилов, Буденный и Блюхер. Почему законно? Потому что, когда мы рассматривали вопрос о присвоении звания маршалов, мы исходили из следующего: мы исходили из того, что они были выдвинуты процессом гражданской войны из народа. Вот Ворошилов - невоенный человек в прошлом, вышел из народа, прошел все этапы гражданской войны, воевал неплохо, стал популярным в стране, в народе, и ему по праву было присвоено звание маршала. Буденный - также сын народа, вышел из глубин народа, заслуженно пользуется популярностью в народе, поэтому ему по закону присвоено звание маршала. Блюхер - прошедший все этапы гражданской войны от партизанских ее форм, до регулярной армии, также заслуженный и пользуется популярностью народа, сам вышел из народа и поэтому ему присвоено звание маршала. Егоров - выходец из офицерской семьи, в прошлом полковник, - он пришел к

⁴⁶ Знамя. 1988. № 5. С. 69.

нам из другого лагеря и относительно к перечисленным товарищам, меньше имел право к тому, чтобы ему было присвоено звание маршала, тем не менее, за его заслуги в гражданской войне мы это звание присвоили, чего же ему обижаться, чем он не популярен, чем его не выдвигает страна. Это неправильно. Откуда у нас вообще появились такие настроения. Эти настроения не наши, буржуазные настроения»⁴⁷. По мнению Сталина при выдвижении на высшие военные должности надо учитывать в первую очередь не военные знания и полководческий талант, а социальное происхождение и безоговорочную верность партии, а точнее - лично вождю. В соответствии с данной логикой выходцы из народных низов С.М.Буденный, В.К.Блюхер и дилетант в военном деле К.Е.Ворошилов более достойны маршальского звания, чем многоопытный кадровый офицер А.И.Егоров.

«В чем сила армии?- спрашивал Stalin и сам же отвечал. Иные думают, что сила армии в хорошем оснащении техникой, техника-де решает все. Вторые думают, что армия крепка и вся сила ее в командном составе, - это также неправильно. Главная сила армии заключается в том, правильна или неправильна политика правительства в стране, поддерживают ли эту политику рабочие, крестьяне, интеллигенция. Армия ведь состоит из рабочих, крестьян и интеллигенции. Если политикой партии довольна вся страна, довольна будет и армия. Мы против политики нейтралитета в армии. Мы за то, чтобы армия была бы теснейшими узами переплетена с политикой правительства в стране. Правильная политика правительства решает успех армии. При правильной политике техника и командный состав всегда приложатся»⁴⁸.

Изложив свой взгляд на принципы подбора военных кадров, Stalin пригрозил Егорову и Буденному: «Если вы пойдете в противоречие с политикой партии и правительства, если вы эту политику не признаете, - народ вас сметет, выгонит и не задумается над тем, что, маршалы Вы или нет, хорошие ли вы командиры или плохие. При правильной политике даже средние командиры могут сделать гораздо больше, чем самые способные командиры буржуазных государств, у которых политика неправильная, политика которых не поддерживается в армии массой солдат. Мой совет вам - не растратите добывшего авторитета перед народом, иначе он вас сметет и на ваше место выдвинет своих новых маршалов, своих новых командиров. Они будут, может быть, менее способными, чем вы, на первое время, но они будут связаны с народом и смогут принести гораздо больше пользы, нежели вы, с вашими талантами»⁴⁹.

Stalin и Ворошилов всегда с недоверием относились к бывшим офицерам,

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1120, л. 103-104.

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1120, л. 103-104.

⁴⁹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1120, л. 109.

считая, что выходцы из имущих классов не могут быть надежными защитниками Советской власти. В период гражданской войны львиную долю высших командных должностей занимали бывшие офицеры и генералы. Они возглавляли Вооруженные Силы республики, командовали фронтами, руководили работой штабов и военных учреждений. Военспецы составляли наиболее образованную часть командного состава РККА. Изгнание военспецов повысило рабоче-крестьянскую прослойку в комсоставе, но одновременно резко понизило образовательный уровень командиров РККА. Растущая армия нуждалась в квалифицированных офицерах. Для их подготовки в 30-е годы была расширена сеть военно-учебных заведений. Открываются новые военные академии: артиллерийская, военно-инженерная, военно-химическая, электротехническая, а также академия механизации и моторизации. В 1936 г. начала работу Военная академия Генерального штаба РККА, предназначенная для подготовки высшего командного состава. К началу 1937 г. кадры для армии готовили 12 военных академий и 1 ветеринарный институт, где одновременно обучались 11 тысяч слушателей. За 12 предшествующих лет академии подготовили 13 тысяч командиров и других специалистов с высшим военным образованием, а военные школы – 134700 младших офицеров. В итоге к началу 1937 года в РККА было 206 тысяч лиц начальствующего состава. Из числа командного, военно-технического и медицинского состава 90% имели законченное военное образование, а среди военно-административного и политического состава уровень образования колебался от 43 до 50 %. Членов партии среди командиров было 67%, военно-технического состава – 60%, политработников – 100%, среди медиков и хозяйственников – от 27 до 36%⁵⁰. Цифры, характеризовавшие образовательный уровень комсостава, были хорошими, но в последующие годы, когда его численность выросла в несколько раз, а на старые кадры обрушились репрессии, эти показатели значительно ухудшились.

Отбор военачальников по принципу личной преданности привел к уничтожению многих независимо мыслящих военных и замене их послушными, но далеко не всегда талантливыми командирами. Ставка на послушных середнячков дорого обошлась нашему народу. Лишь военные неудачи заставили Сталина постепенно изменить принципы выдвижения на высшие командные посты.

Во главе военного ведомства почти 15 лет (с 1925 по 1940 гг.) находился Климент Ефремович Ворошилов. Сын железнодорожного обходчика. Родился в 1881 году. В 1893 – 1895 гг. учился в земской школе, на чем и было завершено его образование. Он писал в автобиографии: «Учился две зимы и успешно окончил весь „курс наук“». С 1896 г. работал на

⁵⁰ Вопросы истории. 1994. № 8. С. 13, 14.

металлургическом заводе. В 1903 г. вступил в РСДРП, большевик. В 1905 г. избран председателем Луганского совета рабочих депутатов. Вел активную партийную работу в разных городах Российской империи. Неоднократно арестовывался. С ноября 1917 года комиссар Петроградского военно-революционного комитета. В марте 1918 командир 1-го Луганского социалистического отряда. С апр. 1918 организатор и командующий 5-й армии. В июле - начале авг. 1918 командовал группой войск при обороне Царицына, где сблизился с И.В. Сталиным. В этот период Ворошилов был членом Реввоенсовета 1-й Конной армии, занимал ряд других командных и политических должностей. Хотя Ворошилов не имел никакого военного образования, ему удалось благодаря личной отваге и хорошим организаторским способностям завоевать авторитет среди красноармейцев и командиров. В августе-сентябре 1918 член Военного совета Северо-Кавказского военного округа, в сент.- окт. 1918 член Реввоенсовета (РВС) и пом. командующего Южного фронта. В окт.- дек. 1918 командующий 10-й армией. За время боевых действий Ворошилов не проявил больших военных талантов. С января 1919 г. был наркомом внутренних дел Украины. В марте 1919 входил в "военную оппозицию", требуя изгнать из армии всех военспецов и построить Красную армию исключительно на милиционной основе, подчиненной "революционной дисциплине". В июне - июле 1919 командовал 14-й армией и внутренним Украинским фронтом, действовавшим против украинских национальных отрядов. В ноябре 1919 г. вместе с С.М. Буденным был в числе главных организаторов 1-й Конной армии и стал членом РВС армии. За заслуги в годы гражданской войны получил 2 ордена Красного Знамени и почетное революционное оружие. Во главе группы делегатов X съезда РКП(б) участвовал в подавлении Кронштадтского восстания (1921). С 1921 года член ЦК РКП(б). В 1921-24 гг. член Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. С 1924 командующий войсками Московского военного округа и член РВС СССР. После смерти М.В. Фрунзе Ворошилов, как верный и последовательный сторонник Сталина, был назначен им (в ноябре 1925 года) наркомом по военным и морским делам СССР и председателем РВС СССР. В 1926 стал членом Политбюро ЦК партии. В мирное время он хотел уйти из армии на партийную работу, но ему отказали. Сталину нужны были свои люди в Вооруженных Силах, на которых он мог бы положиться. Такими людьми стали члены РВС 1-й Конной армии С.М.Буденный, К.Е.Ворошилов, Е.А.Щаденко и ряд других конармейцев. В 20-е и 30-е годы генсек продвинул на ключевые должности в РККА многих выходцев из этой армии, ставших его главной опорой в армии.

«Ворошилов есть фикция, - писал Л.Д. Троцкий. - Его авторитет искусственно создан тоталитарной пропагандой. На головокружительной высоте он оказался тем, чем был всегда: ограниченным провинциалом без

кругозора, без образования, без военных способностей и даже без способностей администратора».

Не только Троцкий, но и некоторые бывшие конармейцы скептически относились к военным талантам Ворошилова. Особенно резко высказывался Буденный. Секретарь С.М.Буденного Трофим Тимофеевич Тютькин в феврале 1926 года писал:

«В отношении взглядов на наших вождей со стороны Буденного, считаю нужным отметить его отношение к тов. Ворошилову. За все мое пребывание я видел к Ворошилову такую ненависть, которая не поддается описанию, всего нельзя припомнить. Он тысячи раз говорил, что "если бы не этот бурбон – он со своей армией сделал бы еще не то". На тов. Ворошилова он взваливает разные грязные сплетни вроде того, что тот имеет, расхищает казенные деньги ... и прочее. А когда тов. Ворошилов был назначен наркомвоеном, так он чуть не умер от злости. Он буквально рычал, что партия сама погубила армию, вверив ее такому идиоту, что этой ошибки ей страна не простит, и что страна узнает, кто заслуживал этой должности. Он буквально заявлял, что "эту сволочь убить и то мало". Он говорил, что я считал Сталина умней, а он оказался круглым болваном, с которым теперь у меня все кончено". Он это написал в своем дневнике, который мне иногда приходилось читать, да он к тому же заявлял, что эта вся ругань была им сказана на заседании политбюро ЦК, где он крыл всех»⁵¹.

Буденному всегда мерещилось, что его боится партия и поэтому умаляет его авторитет. Он был страшно возмущен тем, что на последний съезд партии он не был избран с решающим голосом. "А, струсили, говорил это будет, ну и есть. Куда ж, Ворошилов "в Политбюро сделает больше, чем я". Хотя в дневнике потом через некоторое время он писал, что "сегодня выступил на съезде и покрыл ленинградскую организацию.

По возвращении откуда-нибудь с собрания он всегда хвалился, как хорошо его приняли, каким он авторитетом пользуется, а что касается дела, то оно его не интересовало, что было видно по всему"⁵².

В заявлении на имя Военного прокурора Московского военного округа Тютькин писал: «В бытность мою секретарем т.Буденного я неоднократно был свидетелем грубых и циничных замечаний со стороны т.Буденного по адресу т. Ворошилова. Но в момент его назначения Наркомвоеном ненависть проявлялась следующим образом. 9 ноября (1925 г. – А.П.), выйдя в столовую на квартире т.Буденного, в столовой застал жену его Надежду Ивановну, которая мне сообщила новость о назначении т.Ворошилова. Я сказал, что это дело партии. Через несколько минут из спальни вышел и т.Буденный, который в страшном возбуждении начал, как бы про себя, ходил по комнате, громко негодующе восклицал: "Назначили...мерзавца, болтуна...бурбона в военном отношении на гибель армии и страны". И как

⁵¹ РГАСПИ, коллекция документов.

⁵² РГАСПИ, коллекция документов.

бы обращаясь ко мне громко заявил: "Такого мерзавца ...и убить мало. Эх! Нет только хороших ребят". После этого он еще долго ругал т. Ворошилова, пока не уехал на службу. Через два или три дня почти в том же духе за ужином происходил в моем присутствии разговор между Буденным и комвойсками УВО т. Егоровым. Буденный возмущался по-прежнему назначением Ворошилова, говорил, что партия сделала непростительную ошибку, просто глупость. А т. Егоров сдерживал его, старался ему объяснить, что ни он, ни Буденный не могли быть назначены, ибо он выходец из другой партии, и Буденный молодой партиец»⁵³.

Другой конармеец комкор И.Р.Апанасенко в 1938 году писал: «Начиная с 1925-26 года Буденный вел самую антипартийную работу и антисоветскую работу. Часть таких разговоров не могла не отражаться на мне и других конноармейцах. А он по поводу и без ругался против Ворошилова и особенно, когда он бывал пьян ... Он говорил, что т. Ворошилов не знает ничего в военном деле и знать не хочет. Особенно об этом он толковал, когда сам учился...»⁵⁴.

С момента создания в 1918 году Красной Армии и до 1925 года пост народного комиссара по военным и морским делам занимал Лев Давидович Троцкий. На руководящие должности в войсках он выдвигал профессионалов – бывших офицеров и генералов царской армии. Такая кадровая политика очень не нравилась бывшим солдатам и унтер-офицерам, которые были выдвинуты на руководящие должности в РККА в 1918-1920 годах. Вскоре после вынужденного ухода Троцкого с поста наркомвоенмора началось постепенное вытеснение его выдвиженцев из числа профессиональных военных. Под предлогом сокращения армии десятки тысяч человек были уволены в запас и в отставку. «Мы без шума, это и не нужно было, выбросили большое количество негодного элемента, в том числе и троцкистско-зиновьевского охвостья, в том числе и всякой подозрительной сволочи - сообщил Ворошилов на Пленуме ЦК ВКП (б) 2 марта 1937 года.- За время с 1924 года, за это время, когда Троцкий был ликвидирован, когда он был изгнан из рядов армии, за это время мы вычистили из армии большое количество командующего и начальственного состава. Пусть вас не пугает такая цифра, которую я назову, потому что тут были не только враги, тут было и просто барахло и часть хороших людей, которых мы должны были сокращать, но было очень много и врагов. Мы вычистили за эти 12-13 лет примерно около 47 тысяч человек. За это время мы впитали, призвали из запаса 21 тысячу человек командного состава». Нарком уточнил, что только за последние три года – 1934-1936 - уволено из армии по разным причинам, преимущественно негодных и политически неблагонадежных около 22 тысяч человек, из них 5 тысяч оппозиционеров⁵⁵.

⁵³ РГАСПИ, коллекция документов.

⁵⁴ РГАСПИ, коллекция документов.

⁵⁵ Вопросы истории. 1994. № 8. С. 12.

Таким образом, негласная чистка армии от неугодных офицеров, начавшаяся еще в середине 20-х годов, приобрела большой размах в середине 30-х годов.

В межвоенный период Штаб Красной Армии (с 1935 года – Генеральный Штаб) возглавляли, сменяя друг друга, П.П.Лебедев, С.С.Каменев, М.Н.Тухачевский, Б.М.Шапошников и А.И.Егоров. Это были образованные кадровые офицеры, имевшие большой опыт военной службы (за исключением Тухачевского, который в царской армии дослужился лишь до поручика).

Первыми заместителями наркома обороны в 1937 году были Ян Борисович Гамарник, руководивший Политуправлением РККА, и Михаил Николаевич Тухачевский, занимавшийся вопросами вооружения и боевой подготовки. Он утверждал, что предстоящая война будет войной моторов, ратовал за ускоренное внедрение в войска новейшей техники: танков, самолетов, реактивной артиллерии, подводных лодок и много другого. Справедливости ради следует отметить, что Тухачевский в ряде случаев не избежал чрезмерного увлечения некоторыми экзотическими проектами: настаивал на внедрение во все рода войск динамо-реактивных пушек Л.Курчевского, или большом распространении во флоте сверхмальных подводных лодок и т.п. В 1928 и в 1930 годах он предлагал в кратчайшие сроки построить 40 тысяч военных самолетов и 50 тысяч танков, для чего в тот период не было ни промышленных, ни финансовых возможностей. Stalin справедливо раскритиковал эти предложения. В письме к Ворошилову 23 марта 1930 г. он в частности писал: «Ты знаешь, что я очень уважаю т. Тух-го как необычайно способного товарища. Но я не ожидал, что марксист, который не должен отрываться от почвы, может отстаивать такой оторванный от почвы *фантастический* «план». В его «плане» нет главного, т.е. нет учета *реальных* возможностей хозяйственного, финансового, культурного порядка. Этот план нарушает в корне всякую мыслимую и допустимую пропорцию между армией, как частью страны, и страной, как целым, с ее лимитами хозяйственного и культурного порядка. «План» сбивается на точку зрения «чисто военных» людей, нередко забывающих о том, что армия является производным от хозяйственного и культурного состояния страны». Stalin посчитал, что план Тухачевского явился результатом модного увлечения «левой» фразой и бумажным канцелярским максимализмом, где анализ заменен игрой в цифри, а марксистская перспектива роста Красной Армии – фантастикой. «Осуществить» такой «план», - писал Stalin, - значит наверняка загубить и хозяйство страны и армию. Это было бы хуже всякой контрреволюции. Отрадно, что Штаб РККА, при всей опасности искушений, ясно и определенно отмежевался от «плана» т. Тух-го».⁵⁶ Но уже в 1932 году генсек дезавуировал свои критический отзыв, написав Тухачевскому, что его

⁵⁶ Исторический архив. 1998. № 5-6. С. 150-151.

предложения смогут стать реальностью уже через несколько лет. «Ныне, спустя два года, когда некоторые неясные вопросы стали для меня более ясными, - писал Сталин Тухачевскому 7 мая 1932 г., - я должен признать, что моя оценка была слишком резкой, а выводы моего письма – не во всем правильными ... Несомненно, что изменившийся за последние годы характер армий, рост техники военного транспорта и развитие авиации, появление механизированных частей и соответствующая реорганизация армии создают совершенно новую обстановку, лишающую старые споры о большом количестве дивизий их решающего значения. Нет нужды доказывать, что не количество дивизий, а прежде всего их качество, их насыщенность техникой будут играть отныне решающее значение. Я думаю, Вы согласитесь со мною, что 6-ти миллионной армии, хорошо снабженной техникой и по-новому организованной – будет вполне достаточно для того, чтобы отстоять независимость нашей родины на всех без исключения фронтах. А такая армия нам более или менее по силам. Мне кажется, что мое письмо на имя т. Ворошилова не было бы столь резким по тону и оно было бы свободно от некоторых неправильных выводов в отношении Вас, если бы я перенес тогда спор на эту новую базу. Но я не сделал этого, т.к., очевидно, проблема еще не была достаточно ясна для меня. Не ругайте меня, что я взялся исправить недочеты своего письма с некоторым опозданием. С ком. прив. И.Сталин»⁵⁷.

Выдающийся полководец маршал Г.К.Жуков подчеркивал, что Ворошилов пользовался авторитетом, как революционер и политический деятель, «но как знаток военного дела, он, конечно, был слаб, так как кроме участия в гражданской войне он никакой практической и теоретической базы в области военной науки и военного искусства не имел, поэтому в руководстве Наркоматом обороны, в деле строительства вооруженных сил, в области военных наук он должен был прежде всего опираться на своих ближайших помощников, таких крупных военных деятелей, как М.Н.Тухачевский, А.И.Егоров, С.С.Каменев, В.К.Триандафилов, И.Э.Якир, И.П.Уборевич, и других крупных знатоков военного дела»⁵⁸.

Совсем иначе оценивал Г.К.Жуков деятельность заместителя наркома маршала Тухачевского: «Все мы чувствовали, что главную руководящую роль в Наркомате обороны играет он. При встречах с ним меня пленяли его разносторонняя осведомленность в вопросах военной науки. Умный, широко образованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах. М.Н.Тухачевский хорошо понимал роль различных видов наших вооруженных сил в современных войнах и умел творчески подойти к любой проблеме. Все свои принципиальные выводы в области стратегии и тактики Михаил Николаевич Тухачевский обосновывал, базируясь на бурном развитии науки и техники у

⁵⁷ Исторический архив. 1998. № 5-6. С. 151-152.

⁵⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – В 3-х т. М., 1990. Т.1. С. 180.

нас и за рубежом, подчеркивая, что это обстоятельство окажет решающее влияние на организацию вооруженных сил и способы ведения будущей войны»⁵⁹.

Все в армии знали о постоянных разногласиях по вопросам военной теории и практики между дилетантом Ворошиловым и его заместителем Тухачевским, являвшимся признанным военным теоретиком. Stalin умел играть на этих противоречиях, поддерживая то одного, то другого.

Надо сказать, что командный состав Красной Армии в 30-е годы продолжал негласно делиться на своеобразные землячества, соперничавшие друг с другом. Это пошло еще с гражданской войны. Бывшие чапаевцы, щорсовцы, котовцы, примаковцы, буденновцы время от времени собирались отдельно от других, вспоминая прошлое, обсуждая современное положение в армии. Имело место скрытое соперничество, продвижение на командные должности людей из своей группировки. Однако и внутри этих групп отношения не были идиллическими. Ветераны никак не могли поделить прошлую славу, считали себя обойденными наградами и должностями. Временами их соперничество обострялось, и Stalin умел пользоваться этим.

На февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) был дан старт крупномасштабной чистке наркоматов и других ведомств от «врагов народа». Выступавшие на Пленуме докладывали о большом количестве выявленных вредителей, диверсантов и шпионов. Нарком обороны, напротив, заявил, что в армии к настоящему моменту, «к великому счастью, пока что вскрыто не особенно много врагов народа. И они несколько иное место занимают в рядах тех врагов, которые вскрылись органами НКВД в других наркоматах»⁶⁰. Объясняя причины появления врагов в рядах РККА, Ворошилов обратился к истории. Он напомнил присутствовавшим, что в 20-е годы бывший Председатель Реввоенсовета СССР Л.Д.Троцкий в своей борьбе против Ленина и Сталина опирался на кадры армии, что в центральных военных органах, в округах и военно-учебных заведениях у него было много сторонников. «Армии как боевой силы и государственной силы не было. Он больше всего думал о том, чтобы рассадить своих людей и заниматься подготовкой свержения партийного руководства. Сама армия как боевая сила тогда полностью отсутствовала ... Но за то были крепкие отдельные группы троцкистов, которые вели ожесточенную, дикую борьбу с партией»⁶¹. Ворошилов заявил, что разоблаченные в 1937 г. военные являются остатками троцкистских назначенцев. «Это Примаков, который является одним из наиболее ярких представителей троцкистских кадров. Это Зюка – один из кадровиков троцкистов. Это Туровский, который, не являясь кадровиком, тем не менее, очевидно, не взирая на то, что пока отрицает свою

⁵⁹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – В 3-х т. М., 1990. Т.1. С. 181.

⁶⁰ Вопросы истории. 1994. № 8 .С. 5.

⁶¹ Вопросы истории. 1994. № 8 .С. 5-6.

виновность, очевидно, тоже в скрытом виде долгое время поддерживал эту троцкистскую банду. Это Шмидт Дмитрий, комдив, Саблин, Кузьмичев ... Следовательно, мы к настоящему времени имеем 6 генеральных чинов в качестве вредителей: Путна, Примаков, Туровский, Шмидт, Саблин, Зюка, затем Кузьмичев – майор и полковник Карпель»⁶². «Заговорщики», по мнению Ворошилова, ставили перед собой следующие задачи: «Стратегия заключалась в том, чтобы, формируя ячейки, вербя отдельных недовольных командиров, консолидируя бывших троцкистов и всякое оппозиционное охвостье в армии, выждать момент, когда армия выступит на войну, и во время войны наносить удары в спину своей армии. Тактические задачи были просты. Это усиленная подготовка террористических актов против вождей партии и правительства, против руководства Рабоче-Крестьянской Красной Армии»⁶³.

Ворошилов цитировал письма некоторых арестованных командиров, уверявших его в своей преданности Советской власти и умолявших его вступиться за них. Но вслед за этим нарком зачитывал показания этих людей об их вредительской деятельности, о связях с находящимся в Мексике Троцким. Но если письма арестованные писали сами, то их «признания» сочиняли следователи НКВД, принуждая их подписывать эти небылицы.

Положение самого наркома обороны в период партийной чистки в армии было очень непростым. Ворошилов говорил: «Я лично являюсь весьма осторожным человеком, потому что самая легкая работа, так сказать, это изгнать людей, выбросить. Даже если человек в прошлом был немножко замешан в оппозиции, я всегда считаю необходимым самым подробнейшим образом разобраться, узнать человека, изучить его и только после этого принять то или иное решение. И сплошь и рядом у меня с органами тт. Балицкого и Ежова бывают серьезные разговоры по отдельным кандидатурам, подлежащим изгнанию из Красной Армии. Причем, конечно, теперь, я должен сказать, теперь такое положение, что можно попасть в очень неприятную историю: будешь отстаивать человека, будучи уверен, что он честный, а этот человек потом тебя подведет, окажется подлецом. Но и не взирая на такую опасность, я все-таки свою тактику, покуда я остаюсь на этом посту, буду и впредь проводить, потому что я считаю эту тактику наиболее правильной, наиболее партийной, наиболее верной, это тактика Ленина, тактика Сталина. И об этом правильно говорил т. Молотов в своем докладе. Нужно знать людей, нужно знать его душу, его способности, проверять его на деле, на работе. И только после этого, зная его по-настоящему, будучи с ним, если можно так выразиться, духовно связан, проникая в его суть и работу и т.д., можно будет решать более или менее правильно, на что человек способен, является ли он тем, за кого его хотят

⁶² Вопросы истории. 1994. № 8 .С. 6.

⁶³ Вопросы истории. 1994. № 8 .С. 8.

представить или тем, что он доказывает на словах. И у нас сплошь и рядом бывает так, что верят словам или тем, кто на него говорят, или тому, что он говорит, а сами не знают, что собой человек представляет. Поэтому приходится тратить много времени, дополнительные всякие проверки учинять и т.д. для того, чтобы решить правильно вопрос»⁶⁴. Надо отметить, что если до 1937 г. Ворошилову удавалось придерживаться этой осторожной линии в отношении армейских кадров, то после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) он смирился и в большинстве случаев не решался защищать людей, которые попали в застенки НКВД.

Нарком обороны утверждал, что врагов среди высшего комсостава оказалось очень мало, а значит и оснований для серьезной тревоги нет. Из процитированных показаний майора Кузьмичева следовало, что он якобы хотел застрелить во время маневров Ворошилова, а комдив Д.Шмидт намеревался убить Сталина. Другие обвиняемые будто бы создавали в армии троцкистские ячейки и готовили государственный переворот. Комкоры В.М.Примаков и С.А.Туровский не признали своей вины. Они лишь подтвердили, что не любят ни Ворошилова, ни Буденного и резко критиковали их деятельность. «Примаков говорит, что он видел в нас конкурентов, он-де кавалерист, и мы с Буденным тоже кавалеристы, - иронизировал Ворошилов. – Ему, Примакову, видите ли, не давали хода вследствие того, что Буденный и его коноармейцы заняли все видные посты в армии и пр., вследствие чего он был недоволен и фрондировал»⁶⁵.

В то же время Ворошилов упрекнул чекистов, что ранее они ни разу не предупредили его о какой-либо подозрительной деятельности упомянутых людей. Нарком публично признал, что ни он сам, ни его заместители, хорошо зная арестованных командиров, ничего плохого о них до ареста сказать не могли. «Ведь как люди работали, имея такую стратегическую задачу на поражение и на убийство и всякую такую штуку? – спрашивал Ворошилов и сам же отвечал.- Эти господа работали, например, Примаков, я интересовался этими господами всегда, работали неплохо. Туровский работал очень хорошо, даже этот Шмидт, этот хулиган, почему его держали в армии? Потому что это – боевой человек, потому что он в свое время был очень хорошим бойцом, но хулиган он был постоянно и большой мерзавец, и мы это знали ... он даже тогда, когда готовился к своему террористическому акту, он работал неплохо. Но, значит, система нашего наблюдения за этими господами ни к черту не годна, значит мы не так должны были за ними наблюдать...»⁶⁶

Доклад Ворошилова производил странное впечатление: комбриги, комдивы и комкоры, названные заговорщиками, оказывается, служили

⁶⁴ Вопросы истории. 1994. № 8 .С. 12.

⁶⁵ Военно-исторический архив. – М., 1997. Вып. 1. С. 158.

⁶⁶ Вопросы истории. 1994. № 8 .С. 17.

отлично, никаких поводов для подозрения не давали, а обвинения против них сформулированы со слов штатских заговорщиков, причем никаких реальных фактов их заговорческой деятельности нарком привести не смог. Одни голословные заявления. Кроме того, врагов в Красной Армии, по словам Ворошилова, вообще было мало. Расписавшись в собственной политической близорукости, нарком обороны потребовал повысить бдительность, внимательнее присматриваться к окружающим, чтобы выявить среди них возможных врагов. Призвав усилить политработу, Ворошилов упрекнул командующего Белорусским военным округом И.П.Уборевича, что тот много занимается боевой учебой войск, а надо еще больше уделять внимания воспитанию бойцов в ленинско-сталинском духе.

Выступивший на Пленуме Председатель Совнаркома СССР В.М.Молотов подтвердил, что сначала предполагалось по работе военного ведомства особый доклад заслушать, но потом от этого отказались. «Мы имели ввиду важность дела, но пока там небольшие симптомы обнаружены вредительской работы, шпионско-диверсионно-троцкистской работы. Но, я думаю, что и здесь, если бы внимательнее подойти, должно быть больше»⁶⁷, - заявил глава правительства. «Если у нас во всех отраслях хозяйства есть вредители, можем ли мы себе представить, что только там нет вредителей. Это было бы нелепо ...» «Военное ведомство – очень большое дело, проверяться его работа будет не сейчас, а несколько позже, и проверяться будет очень крепко ... Один враг в штабе армии, он может наделать больше вреда, чем сотни врагов вне штаба армии. Одно упущение теперь может быть чревато громадными последствиями во время решающих боев и тогда, товарищи, нам придется отвечать не так. Нам придется серьезно отвечать не только опасностью поражения, но и морально перед рабочими и крестьянами, которые будут в армии и вне армии и которые не могут пройти мимо многих фактов, которые были упущены в настящее время, - так спокойным образом»⁶⁸. Далее Председатель СНК раскритиковал деятельность военно-хозяйственных и политических органов в армии. «Но у нас, к счастью, мало разоблачено вредителей в армии. Но мы, все-таки, должны и дальше проверять армию. Наши политические органы в армии должны на этот счет усилить свою работу, а они тут в полном благополучии находятся. В наших партийных гражданских организациях вскрыты громадные недостатки по части всяких безобразий, усыпления бдительности в отношении врага. Неужели только политорганы армии у нас в полном благополучии и у них никаких недостатков нет? Мы, конечно, об этом пока не говорим. Но мы должны здесь по-серьезному заняться этим делом, потому что от политических работников в армии многое зависит. А есть такие тенденции: сократить политучебу в армии, уменьшить политработу в

⁶⁷ Вопросы истории. 1994. № 8 .С. 25.

⁶⁸ Вопросы истории. 1994. № 8 .С. 24.

армии. А такие тенденции неприемлемые, неправильные, небольшевистские тенденции»⁶⁹.

После февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) все наркоматы должны были разработать планы по искоренению вредительства. Одним из таких мероприятий по подготовке чистки Красной Армии была смена руководства Управления по начальствующему составу РККА (УНС). Начальник этого Управления комкор Б.М.Фельдман на роль чистильщика не годился. Нужен был человек со стороны, который сможет быстро и решительно выкорчевать неугодных командиров. Выбор пал на кандидата в члены ЦК ВКП(б) бывшего заместителя начальника Политуправления РККА армейского комиссара 2-го ранга А.С.Булина. Его назначение начальником УНС состоялось 15 апреля 1937 года. Этому предшествовал особый разговор Сталина с Ворошиловым. В протоколе Политбюро сохранилась записка наркома обороны генеральному секретарю: «т.Сталин! т. Булина вызвал; с ним, как было условлено, говорил довольно подробно и основательно. Он понимает серьезность поста, на который назначается и обещал оправдать доверие партии полностью.

13.1У.37 К.Ворошилов»⁷⁰.

Консерватизм сталинских любимцев, в частности Ворошилова, был хорошо известен в среде высших военных, но для большинства советских людей он оставался образцом военачальника, "железным пролетарским полководцем". Противоположного мнения придерживались некоторые высшие командиры. Они не могли не видеть, что нарком отстал от жизни, не понимает особенностей современной войны и своим пребыванием на высшем военном посту не способствует назревшим переменам в Вооруженных Силах. С резкими критическими заявлениями против наркома выступали его заместители Я.Б.Гамарник и М.Н.Тухачевский. Комкор И.С.Кутяков упомянул в своем дневнике об одном таком случае: «2 марта 1936 г. Маршал Тухачевский вел почти 100% решительную атаку по Вор. + Егор. + Якир + Уборевич»⁷¹. Это можно понять так, что в этот день Тухачевский раскритиковал проводимую Ворошиловым политику и его в этом поддержали маршал А.И.Егоров и командармы 1-го ранга И.Э.Якир и И.П.Уборевич. Вывод Кутякова о роли Ворошилова в развитии РККА был беспощаден: «15 марта 1937 г. Куйбышев. Пока "железный" будет стоять во главе, до тех пор будет бестолковщина, подхалимство и все тупое будет в почете, все умное будет унижаться»⁷². Это мнение тогда разделяли многие военачальники. Впоследствии, когда комкора Кутякова арестовали, его откровенные дневниковые записи были использованы для обвинения героя гражданской войны во враждебных действиях против Советской власти.

⁶⁹ Вопросы истории. 1994. № 8 .С. 24.

⁷⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1145, л. 73.

⁷¹ Викторов Б.А. Без грифа "Секретно": Записки военного прокурора. – М., 1990. С. 259.

⁷² Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 227-228.

Прямой и бескомпромиссный комкор доверил бумаге то, о чем думали многие военачальники, но не решались об этом сказать открыто.

«9 января 1936 г. Конечно, к ведению войны СССР не готов ни политически, ни экономически, нам нужно выиграть хотя бы 3-5 лет. В Москве много арестованных военных, даже Ширинкин, герой гражданской войны ... Все перепуталось.

7 апреля 1936 г. Был в Кремле 24 марта. Что хотел вождь, не ясно. Но, конечно, не случайно хозяин подчеркнул, что ведет со мной переписку. Но как они лгали, льстили, рисовались, доказывали, что если бы их не было, то в армии никакого прогресса не было.

27 августа 1936 г. Умер главком С.С.Каменев. Стариk сделал свое дело и незаметно ушел восвояси. Вопрос времени, все там будем. Наступает время, когда все ветераны гражданской войны уйдут из жизни: одних расстреляют, другие, как Томский, сами покончат с собой, третьи, как Каменев, уйдут в могилу.

13 февраля 1937 г. Все перепутано, не поймешь, кто враг, кто друг.

12 марта 1937 г. Вождь не дает ответа уже на третье письмо. Неужели ему клевещут на меня, и он верит. Если так, тогда он не вождь...

27 апреля 1937 г. Вот и терпи теперь, если хочешь есть раз в сутки щи. Не хочешь? В твоем распоряжении четыре револьвера, нажми курок и конец: земля – пыль – ветер и все...»⁷³. В этих словах отразилась тревога за судьбу Красной Армии и всей страны, обостренная начавшимися репрессиями.

Ворошилов был наиболее прославляемым полководцем Гражданской войны, в честь него слагали песни, называли города, улицы, заводы, колхозы, корабли. Советская пропаганда усиленно раздувала заслуги Ворошилова, называя его «первым маршалом». В популярной песне 30-х годов были такие слова:

С нами Сталин родной
И железной рукой
Нас к победе ведет Ворошилов.

Центральный совет Осоавиахима установил для выполнивших нормативы по стрельбе почетное звание и значок "Ворошиловский стрелок". Многие юноши с гордостью носили этот заслуженный значок. Нарком сам показывал пример, метко стреляя из винтовки и нагана, но от главы военного ведомства требовалось не только выполнение военно-спортивных нормативов, но и глубокое знание военного дела

⁷³ Викторов Б.А. Без грифа "Секретно": Записки военного прокурора. – М., 1990. С. 258-259.

— Комкор Куйбышев⁷⁴ говорил мне, — показал на следствии Примаков, — что Ворошилов, кроме стрельбы из нагана, ничем не интересуется. Ему нужны либо холуи вроде Хмельницкого⁷⁵, либо дураки вроде Кулика, либо на все согласные старики вроде Шапошникова. Ворошилов не понимает современной армии, не понимает значения тёхники...»⁷⁶. Оценка очень резкая и слишком категоричная, но во многом справедливая.

Нарком обороны по долгу службы часто бывал на маневрах в военных округах и на флотах, старался давать указания, которые не всегда шли на пользу делу. Профессионалы пытались ограничить активность «первого маршала», чреватую большими неприятностями. Имея сравнительно небольшой командный опыт и слабую теоретическую подготовку (ни в каких военно-учебных заведениях он не учился) Ворошилов был не в состоянии разобраться в вопросах стратегии и оперативного искусства. Все знали о его внимании к административно-хозяйственным вопросам и перешептывались за спиной «железного наркома»: «Надо показать старику хороший обоз и он будет очень доволен». Климент Ефремович покровительствовал своим бывшим сослуживцам по 1-й Конной армии, засорив аппарат Наркомата обороны выдвиженцами, большинство из которых не имели абсолютно никаких данных для занятия руководящих постов. На заседании Военного совета при наркоме обороны (июнь 1937 г.) начальник Академии Генерального штаба комдив Д.А.Кучинский вынужден был признать, что в период его работы в Киевском военном округе командарм 1-го ранга Якир критически отзывался о военных талантах наркома и его друзей: «Теперь я хочу доложить, как относился Якир к разным людям. Он, например, о наркоме никогда не позволял ничего говорить. Он только говорил: Он придирчив, что иногда заставлял до слез доходить, что иногда он возьмет мелкий случай и может угробить всю боевую подготовку дивизии. И он говорил, когда Ворошилов на маневрах, я должен всегда ездить с ним на машине (Возмущение в зале)

Молотов: Не есть ли это дискредитация!

Кучинский: Как он относился к Буденному? Он относился очень плохо к Буденному. (голос: Он ездил вместе с наркомом, чтобы выправлять наркома?) Он так и говорил.

Возмущенный до глубины души Ворошилов выговаривал Кучинскому: «Вы начальник штаба, ответственныйший человек, вы же видите, что человек говорит контрреволюцию. Если у вас Народный комиссар Красной Армии такой, который может по своей дикости и глупости, по

⁷⁴ Комкор Н.В.Куйбышев командовал войсками Закавказского военного округа.

⁷⁵ Р.П.Хмельницкий – адъютант Ворошилова.

⁷⁶ Красная звезда. 1991. 17 апреля. С. 4.

своему недомыслию, губить дивизию из-за придирки, то такого наркома лучше всего усилиями стараться прогнать. Если это не так, то командующий не имеет права этого говорить.

Кучинский: Товарищ Народный комиссар, я говорю то, что было.

Ворошилов: Вы должны были на это реагировать, а это значит, что вы подтверждали это и подхалимничали.

Кучинский: Я никогда подхалимом не был. Я всегда в глаза всем говорил.

Ворошилов: А мне вы этого не сказали. Вы бы ему сказали: Мы официальные люди, я про вас Ворошилову скажу, не езди и не делай глупостей, потому что тебя не может мой командующий одного отпускать»⁷⁷.

В кругах высших военных высказывалась мысль о необходимости замены наркома обороны. Ворошилов знал об этих настроениях части военной элиты, но покровительство Сталина гарантировало его от любых происков конкурентов. Высказывания против своего протеже и попытки военных поставить перед высшим политическим руководством страны вопрос о замене главы военного ведомства Stalin рассматривал как вмешательство военных в прерогативы Политбюро, чего диктатор допустить не мог, однако до лета 1936 года никаких оргвыводов не делал.

В августе-сентябре произошли важные события: процесс Г.Е.Зиновьева и Л.Б.Каменева завершился их расстрелом, на должность наркома внутренних дел вместо Г.Г.Ягоды был назначен Н.И.Ежов. Скоропостижно скончался видный военачальник, начальник противовоздушной обороны (ПВО) комдадарм 1-го ранга С.С.Каменев и были проведены аресты среди военных. Раньше других арестовали членов ВС НКО комкоров В.М.Примакова, С.А.Туровского и советского военного атташе в Англии В.К.Путну. Этим троим героям гражданской войны предъявили обвинение в участии в "боевой группе троцкистско-зиновьевской контрреволюционной организации". Свыше 9 месяцев они провели в тюрьме, где от них требовали сознаться в подготовке военного переворота и назвать сообщников из числа высших военачальников. Но до мая 1937 года следователям НКВД не удалось этого добиться.

Первые аресты трех комкоров не рассматривались военачальниками, как начало крупномасштабной чистки армии. Лишившись трех своих членов, ВС НКО продолжал функционировать. Никаких явных признаков недоверия к военной элите Stalin и Ворошилов не демонстрировали. Об этом свидетельствуют и предложения наркома о кадровых назначениях. 10 ноября 1936 года он направил следующий документ:

⁷⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, л. 94-95.

«В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) товарищу СТАЛИНУ

В связи с необходимостью возглавить ПВО РККА после смерти С.С.Каменева крупным авторитетным начальником прошу утвердить назначение на вакантную должность начальника Управления ПВО РККА комкора Эйдемана Р.П., освободив его от обязанностей Председателя ЦС Осоавиахима СССР»⁷⁸.

В тот же день нарком подписал другой документ:

«В ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) товарищу СТАЛИНУ

Прошу утвердить:

- 1) Назначение командарма 1-го ранга т. Уборевича И.П. моим заместителем и начальником ВВС⁷⁹ РККА, освободив его от должности командующего войсками Белорусского военного округа.
- 2) Назначение командарма 2-го ранга т. Алксниса Я.И. заместителем начальника ВВС РККА и главным инспектором ВВС РККА, освободив его от должности начальника ВВС РККА.
- 3) Назначение командарма 2-го ранга т. Левандовского М.К. командующим войсками Белорусского военного округа, освободив его от должности командующего войсками Закавказского военного округа.
- 4) Назначение командарма 2-го ранга т. Седякина А.И. командующим войсками Закавказского военного округа, освободив его от должности начальника Управления боевой подготовки РККА.
- 5) Назначение комкора т. Горбачева Б.С. заместителем командующего войсками Белорусского военного округа (вместо т. Мулина), освободив его от должности заместителя командующего войсками Московского военного округа.

Освобождение комкора т.Мулина В.М. от должности заместителя командующего войсками Белорусского военного округа.
К.Ворошилов»⁸⁰.

Эти предложения говорят о том, что всего за несколько месяцев до расправы с Эйдеманом, Уборевичем, Горбачевым, Седякиным и Левандовским их считали достойными выдвижения на высшие командные должности. Надо отметить, что в 1935-1936 годах в Политбюро принимались решения о назначениях Якира и Уборевича как наиболее талантливых командующих войсками двух ведущих военных округов на высшие должности в центральном аппарате НКО. «Мои плохие отношения с Ворошиловым в смысле деловом. Я отбрасываю в сторону личные чувства и настроения и характеры. Ворошилов не считает меня способным выполнить большую военную и государственную работу,- писал И.П.Уборевич. - Это

⁷⁸ РГВА, ф. 4, оп. 19, д.18, л.177.

⁷⁹ ВВС – Военно-Воздушные Силы.

⁸⁰ РГВА, ф. 4, оп. 19, д.18, л. 179.

он неоднократно говорил Тухачевскому, особенно в период присвоения звания, приравняв меня к Белову и Шапошникову. Нужно тут же сказать, что еще хуже оценивает он Тухачевского. Тухачевский, по-моему, от этих ударов и оценок потерял много в прежней своей работоспособности. Партия создала Ворошилову исключительный авторитет в стране, и его оценки очень тяжеловесны и значимы. Я лично на протяжении почти всех 11 лет совместной с ним работы чувствую давящую оценку его отношений. Я защищался, как мог»⁸¹. Якир отказался от должности начальника Генштаба, а Уборевич - от заместителя наркома обороны по авиации. Оба предпочли остаться на командной работе в своих округах. Некоторые комкоры и командармы сочли такое поведение открытой демонстрацией недовольства и нежелания работать с Ворошиловым. И Якир, и Уборевич в кругу своих соратников неуважительно высказывались о наркome, считали, что их незаслуженно обошли, не присвоив им звания маршалов.

Мотивы своего отказа от должности начальника ВВС Уборевич разъяснял в письме члену Политбюро С.Орджоникидзе: «Смоленск 17. VIII. 36 г. Дорогой Серго! Пишу это письмо, находясь в затруднительном положении, и надеюсь на дружескую поддержку. Если это письмо станет известно т. Ворошилову, мне станет еще тяжелей работать. Дело в следующем. 7 августа т. Ворошилов заявил мне, что он решил разделить Б. В. О. на два округа (что якобы я усиленно об этом всех прошу), а меня — взять в Москву на авиацию. Я категорически возражал против назначения меня на авиацию. Я сказал, что в ЦК беспокоить тов. Сталина моей персоной не пойду, но что Ворошилову достаточно ясна самому вся неделовитость и нецелесообразность этой комбинации. После этого разговора я очень много об этом думал, и мое возражение против решения Ворошилова укрепилось еще больше.

Главные причины две — 1) У меня нет достаточного политического авторитета в стране для такой задачи, как руководство авиацией РККА. В строительстве вооруженных сил страны при нынешней военно-политической ситуации и учитывая слабость наших железных дорог (с точки зрения маневра военными силами и снабжением на Западе и Востоке) и морского флота,— авиация является самым острым, самым важным средством обороны, и в то же время сложным и трудным для создания в мирное время и поддержания на высоте в военное время»... «Дорогой тов. Серго! Если бы не стоял вопрос об авиации, никогда бы я не вскрывал бы всех этих вопросов. Не могу идти я на авиацию, зная, что дело будет страдать от моих взаимоотношений с таким непререкаемым авторитетом, как Ворошилов. Я хорошо также понимаю, что во многом из этих отношений есть роль моих субъективных недостатков. Я знаю, что после этого письма мне лучше уехать подальше, как например Сибирь или

⁸¹ Факел. 1990: Историко-революционный альманах. – М.: Политиздат, 1990. С. 237-238.

Туркестан. Последнее я предпочел бы, там теплее — я ревматик и, кстати, с удовольствием на месте изучу памятники истории Тимура. Заверяю в одном — к войне теоретически и духовно я буду готовиться настойчиво.

Вот и все, дорогой Серго! Если ты скажешь устно, что не надо этого делать, это будет достаточно.

С приветом Уборевич». ⁸²

Факты свидетельствуют о том, что взаимоотношения между наркомом обороны и наиболее талантливыми представителями военной элиты были очень напряженными и не способствовали нормальной деловой работе. Это негативно сказалось на развитии событий в РККА в 1937 году.

1.2. ЛУБЯНКА ФАБРИКУЕТ ЗАГОВОР

В апреле 1937 г. Политбюро отменило поездку Тухачевского в Лондон на коронацию короля Георга VI, под предлогом спасения маршала от готовившегося на него за рубежом покушения. На самом же деле, его просто не хотели выпускать за границу, так как в эти дни от арестованных работников НКВД Гая, Прокофьева и Воловича уже были получены ложные показания о связях Тухачевского, Уборевича, Корка, Шапошникова, Эйдемана и других военачальников с арестованным бывшим наркомом внутренних дел Г.Г.Ягодой. Сам Ягода на допросе 26 апреля свои связи с военачальниками категорически отверг. А 27 апреля бывший заместитель начальника отдела НКВД Волович во время допроса с пристрастием дал показания на Тухачевского как на участника заговора, обеспечивающего поддержку этого заговора воинскими частями. Наркому внутренних дел Н.И.Ежову требовалось показать солидность и серьезность раскрытоего им заговора. Поэтому он дал задание следователям Ярцеву и Суровицких получить от подследственных показания на крупных военных. Выполняя задание наркома, следователи подсказали Воловичу фамилии военных, которых следовало включить в число заговорщиков. Когда с помощью насилия и провокаций необходимые Ежову показания были получены, Гай, Прокофьев и Волович были расстреляны без суда «в особом порядке»⁸³.

Тухачевский чувствовал, что вокруг него плетутся интриги, и пытался узнать, в чем дело, наладить контакт с другими военачальниками. После парада 1 мая 1937 года Тухачевский подошел к начальнику ВВС РККА командарму 2-го ранга Я.И.Алкснису и пригласил его зайти на квартиру для разговора. Но Алкснис от беседы уклонился, сославшись на занятость⁸⁴. В тот же день на квартире Ворошилова состоялся праздничный обед, на котором Сталин заявил собравшимся военачальникам, что «враги будут

⁸² Факел. 1990: Историко-революционный альманах. – М.: Политиздат, 1990. С. 237-238.

⁸³ Военные архивы России. Вып. 1. – М., 1993. С. 35.

⁸⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 3.

разоблачены, партия их сотрет в порошок, и поднял тост за тех, кто, оставаясь верным, достойно займет свое место за славным столом в Октябрьскую годовщину»⁸⁵. Было ясно, что далеко не все доживут до очередной годовщины Октября. Уже через 9 дней произошли перемены в высшем комсоставе. Получив указание вождя о выявлении врагов в Красной Армии, Ежов приказал своим подчиненным применить пытки в отношении бывшего начальника войск ПВО комбрига запаса М.Е.Медведева. Заместитель наркома внутренних дел М.П.Фриновский в присутствии Ежова жестоко избил Медведева, после чего тот был сломлен и назвал в качестве заговорщиков многих крупных военных, но затем от этих ложных показаний отказался, заявив Ежову, Фриновскому и Радзивилловскому, что эти показания не соответствуют действительности. Но Ежов продолжал раздувать дело о военном заговоре.

Арестованный еще в августе 1936 г. комкор Примаков 9 месяцев мужественно отрицал все лживые обвинения. Следователи избивали его, не давали спать, вымогая ложные показания. В конце концов им удалось сломить его. Ведший дела Примакова и Путны следователь Авсеевич впоследствии рассказал: «Арестованные Примаков и Путна морально были сломлены ... длительным содержанием в одиночных камерах, скучное тюремное питание ... вместо своей одежды они были одеты в поношенное хлочатобумажное красноармейское обмундирование, вместо сапог обуты были в лапти, длительное время их не стригли и не брили, перевод в ... Лефортовскую тюрьму и, наконец, вызовы к Ежову их сломили и они начали давать показания». 8 мая 1937 г. Примаков согласился сотрудничать со следствием. Компромат на большую группу военных работников фабриковался следующим образом: вопросы и ответы формулировал начальник Особого отдела НКВД СССР Леплевский, «причем фамилии в протокол заносились те, что называл Примаков, но значение разговоров и встреч, о которых говорил Примаков, в формулировках усиливалось и возводилось в степень заговорщической деятельности»⁸⁶.

В "Справке о проверке обвинений ..." было процитировано решение Политбюро от 10 мая 1937 года о кадровых перестановках в РККА (публиковались лишь 1,2,3 и 8 пункты этого решения). Считаю необходимым обратиться к подлиннику протокола Политбюро. 9 мая 1937 г. нарком обороны подготовил следующее представление за № 4458сс: «Сов. Секретно.

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б) товарищу СТАЛИНУ И.В.

Прошу утверждения следующих назначений:

1. Первым заместителем Народного Комиссара Обороны - Маршала Советского Союза тов. Егорова А.И.

⁸⁵ Военно-исторический архив. М., 1997. Вып. 1. С. 178

⁸⁶ Военные архивы России. Вып. 1. с. 38.

2. Начальником Генерального Штаба РККА - командующего войсками Ленинградского военного округа командарма 1 ранга тов. Шапошникова Б.М.
3. Командующим войсками Ленинградского военного округа - командующего войсками Киевского военного округа командарма 1 ранга тов. Якира И.Э.
4. Командующим войсками Киевского военного округа - командующего Приморской группой войск ОКДВА командарма 2 ранга тов Федько И.Ф.
5. Командующим Приморской группой войск ОКДВА - командира 3-го стрелкового корпуса комкора тов. Кулика Г.И.
6. Командующим войсками Уральского военного округа - командующего войсками Сибирского военного округа комкора тов. Гайлита Я.П.
7. Командующим войсками Сибирского военного округа - заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа комкора тов. Германовича М.Я.
К.ВОРОШИЛОВ».

В 7-м пункте должность и фамилия Германовича зачеркнуты и вписана фамилия Дыбенко, который переводился из Приволжского в Сибирский военный округ. Кроме того, вписан от руки отсутствовавший в первоначальном проекте еще один пункт: «8. Командующим Приволжским военным округом - Маршала Советского Союза т. ТУХАЧЕВСКОГО М.Н. с освобождением его от обязанностей заместителя Нар.ком. об-ны»⁸⁷.

Как можно истолковать эти кадровые перемены? Якир переводился из лучшего в стране Киевского в менее престижный Ленинградский округ, где у него не было никакой поддержки среди командного состава, а Тухачевского, свергали с военного Олимпа, назначая командующим заурядным Приволжским округом. 13 мая 1937 г. перед отъездом в Куйбышев Тухачевского принял лично Сталин⁸⁸. Что он сказал маршалу неизвестно. Но Михаил Николаевич в те же дни рассказал одному из старых друзей, что в ЦК ему объяснили причину понижения в должности тем, что якобы одна знакомая Тухачевского, а также его бывший порученец оказались шпионами. Разумеется, это был лишь предлог. Следует отметить, что 3-й, 5-й, 7-й и 8-й пункты этого постановления не были реализованы. Тухачевский, едва прибыв к новому месту службы, был арестован (22 мая) и под конвоем возвращен в Москву. Комкор Г.И.Кулик не успел выехать в Приморскую группу войск, так как через несколько дней получил другое назначение. Командарм 2-го ранга П.Е.Дыбенко также поехал не в Новосибирск, как планировалось, а в Ленинград.

В протоколе допроса Примакова от 14 мая записано: «Троцкистская

⁸⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1147, л. 142.

⁸⁸ Исторический архив. 1995. № 4. С. 111.

организация считала, что Якир наиболее подходит на пост народного комиссара вместо Ворошилова ... Считали, что Якир является строжайшим образом законспирированным троцкистом и допускали, что он – Якир лично связан с Троцким и возможно он выполняет совершенно секретные нам неизвестные самостоятельные задачи⁸⁹. Послав членам Политбюро протокол этого допроса, Ежов сообщил, что он арестовал 10 военачальников и просил санкции на арест еще восьми человек. В протоколе допроса Примакова от 21 мая значилось еще 40 фамилий видных военных, якобы готовивших заговор.

В ночь на 14 мая арестовали начальника Военной академии имени М.В.Фрунзе командарма 2-го ранга А.И.Корка, который сначала на допросах все отрицал, а 16 мая «признал», что являлся участником военной организации, основная задача которой состояла в проведении военного переворота в Кремле, что существовал штаб переворота в составе Корка, Тухачевского и Путны.

Протокол допроса А.И. Корка от 16 мая 1937 г.

«В суждениях Тухачевского совершенно ясно сквозило его стремление прийти, в конечном счете, через голову всех, к единоличной диктатуре...
...Тухачевский... говорил мне: «Наша русская революция прошла уже через свою точку зенита. Сейчас идет скат, который, кстати сказать, давно уже обозначился. Либо мы — военные будем оружием в руках у сталинской группы, оставаясь у нее на службе на тех ролях, какие нам отведут, либо власть безраздельно перейдет в наши руки».

«Вы спрашиваете «майн либер Август» (он так продолжал разговор, похлопав меня по плечу), куда мы направим свои стопы? Право, надо воздать должное нашим прекрасным качествам солдата, но знайте, солдаты не всегда привлекаются к обсуждению всего стратегического плана. Одно только мы с Вами должны твердо помнить: когда претендентов на власть становится слишком много — надо, чтобы нашлась тяжелая солдатская рука, которая заставит замолчать весь многоголосый хор политиков». Намек, который при этом Тухачевский делал на Наполеона, был так ясен, что никаких комментариев к этому не требовалось...

В качестве отправной даты надо взять здесь 1925-1926 гг., когда Тухачевский был в Берлине и завязал там сношения с командованием рейхсвера... Спустя два года после того, как Тухачевский был в Берлине, я был направлен в Германию, а в мае 1928 года в качестве военного атташе, сдал Тухачевскому командование Ленинградским округом.

Перед моим отъездом при сдаче округа Тухачевский говорил мне: «Ты прощупай немцев в отношении меня и каковы их настроения в отношении нас»...

⁸⁹ Военные архивы России. Вып. 1. С. 37.

Бломберг передал Тухачевскому, что в Германии складывается сейчас такая ситуация, которая должна обеспечить национал-социалистам во главе с Гитлером приход к власти»⁹⁰.

15 мая арестовали бывшего начальника Управления по начальствующему составу РККА комкора Б.М.Фельдмана. На допросах 19, 20 и 21 мая он подписал протоколы, в которых участниками военно-троцкистской организации названы более 40 командиров и политработников. 22 мая арестовали Председателя Центрального Совета ОСОАВИАХИМА комкора Р.П.Эйдемана. Поскольку комкор категорически отрицал все вздорные обвинения, следователь Агас несколько раз жестоко избил его. 25 мая Эйдеман написал письмо на имя Ежова с согласием помочь следствию. Во второй половине мая, после того, как следователям НКВД удалось с помощью силовых методов выбить у арестованных комкоров Б.М.Фельдмана, В.М.Примакова, командарма 2-го ранга А.И.Корка и комбрига М.Е.Медведева показания об участии в "военном заговоре" М.Н.Тухачевского, И.Э.Якира, И.П.Уборевича; по армии прокатилась волна новых арестов. Кадровая чехарда продолжалась. Уже 20 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило следующие назначения командующими войсками военных округов: Ленинградского - командарма 2 ранга М.К.Левандовского, Закавказского - командарма 1 ранга И.Э.Якира, Среднеазиатского - командарма 1 ранга И.П.Уборевича, Белорусского - комкора М.Д.Великанова, членом Военного Совета Среднеазиатского Военного округа Я.Б.Гамарника. За принятие этого постановления высказались Сталин, Молотов, Каганович, Жданов⁹¹. Это означало что Якира, Уборевича и Гамарника высыпают подальше от войск (в Среднюю Азию и Закавказье) и то лишь на короткий срок, чтобы на новом месте произвести их арест. Хотя постановление Политбюро было утверждено и оформлено, оно не было реализовано, так как события в конце мая развивались стремительно.

Допрос В.М. Примакова 21 мая 1937 г.

«...Блок троцкистов с правыми и организация общего изменнического антисоветского военного заговора привели к объединению всех контрреволюционных сил в РККА — участников офицерского заговора 1930 года с их бонапартизмом, правых — с их платформой восстановления капитализма, зиновьевцев и троцкистов — с их террористическими установками — с общей целью бороться за власть вооруженным путем...

...Этот антисоветский политический блок и военный заговор, возглавляемый лично подлым фашистом Троцким, руками военного заговора должен был обрушить на СССР все неисчислимые бедствия военной измены и самого

⁹⁰ Неизвестные документы о «деле военных»//История государства и права. 2006. № 1. С. 32.

⁹¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1149, л. 133.

черного предательства во время войны, причем этот предательский удар в спину участники заговора должны были нанести родине тем оружием, которое она нам доверила для своей защиты...

Троцкизм, в течение ряда лет руководивший контрреволюционной борьбой против руководства партии и правительства и против строительства социализма в нашей стране, шедший гнусным путем через поддержку кулацкого саботажа в 1930-32 г., через террористическое подлое убийство т. Кирова в 1934 году, пришел со своими террористическими установками к фашистскому блоку с правыми внутри страны и прямо поступил на службу к гитлеровскому генеральному штабу»⁹².

После получения этих показаний Примакова 21 мая Сталин подписал решение о выводе из состава ВС НКО «в связи с переходом на другую работу» группы военачальников: И.А.Халепского, Н.М.Синявского, Н.Н.Петина, Я.М.Фишмана. На следующий день исключили из ВС НКО уже арестованных командарма 2-го ранга А.И.Корка, комкоров Б.С.Горбачева, Б.М.Фельдмана, И.С.Кутякова, А.Я.Лапина, комдива Е.С.Казанского, «как исключенных из РККА»⁹³.

К этому времени ВС НКО лишился уже четверти своих членов и нуждался в пополнении. Поэтому 21 мая нарком внес предложение:

«Сов. Секретно.

ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б) товарищу СТАЛИНУ И.В.

Прошу ввести в состав Военного Совета при Народном Комиссаре Обороны Союза ССР:

1. Тов. Щаденко Е.А. - члена Военного Совета КВО. Корпусный комиссар.
 2. Тов. Троянкера Б.У. - члена Военного Совета МВО. Корпусный комиссар.
 3. Тов. Сивкова А.К. - Командующего КБФ. Флагман 1 ранга
 4. Тов. Ильина Н.И. - члена Военного Совета КБФ. Корпусный комиссар.
 5. Тов. Булышкина А.А.- члена Военного Совета КБФ. Дивизионный комиссар.
 6. Тов. Киреева Г.П. - зам. Командующего ТОФ. Флагман 1 ранга.
 7. Тов. Душенова К.И. - Командующего СФ. Флагман 1 ранга
 8. Тов. Байрачного П.П. - члена Военного Совета СФ. Бригадный комиссар.
 9. Тов. Магер М.П. - Члена Военного Совета ЛВО. Комбриг.
- К.Ворошилов»⁹⁴.

Прошло всего несколько месяцев и большинство новых членов ВС НКО разделили участь своих предшественников. Назначенный комвойсками Приволжского военного округа Тухачевский был на приеме у вождя.

⁹² Неизвестные документы о «деле военных»//История государства и права. 2006. № 1. С. 32.

⁹³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д.1149, л. 146, 147.

⁹⁴ Там же, РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1149, л. 144.(КВО и МВО – Киевский и Московский военные округа; КБФ, ТОФ, СФ – Краснознаменный Балтийский, Тихоокеанский и Северный флоты)

Положив Тухачевскому руку на плечо, Сталин пообещал, что скоро вернет его в Москву. 22 мая 1937 г. Тухачевский с семьей прибыл из Москвы в Куйбышев и был представлен комсоставу Приволжского военного округа. На конференции ПриВО ему задавали вопросы о причинах его понижения в должности. Но что он мог ответить. Не успел он принять дела от командующего округом П.Е.Дыбенко, как был приглашен обком партии. Биограф Тухачевского Юлия Кантор выявила и опубликовала документ об обстоятельствах его ареста в Куйбышеве. В письме говорилось:

«Мне по стечению обстоятельств стала известна подробность ареста Михаила Николаевича от человека, производившего этот арест. Этим человеком был Рудольф Карлович Нельке, старый большевик, честнейший человек, работавший полномочным представителем НКВД... Михаил Николаевич приехал в Куйбышев своим вагоном и должен был прийти в обком представиться и познакомиться с руководством обкома, которое в ожидании собралось в кабинете первого секретаря. И вот распахнулась дверь, и в проеме появился Михаил Николаевич. Он медлил не входя и долгим взглядом обвел всех присутствующих, а потом, махнув рукой, переступил порог. К нему подошел Нельке и, представившись, сказал, что получил приказ об аресте... Михаил Николаевич, не произнося ни слова, сел в кресло, но на нем была военная форма, и тут же послали за гражданской одеждой... Когда привезли одежду, Михаилу Николаевичу предложили переодеться, но он, никак не реагируя, продолжал молча сидеть в кресле. Присутствующим пришлось самим снимать с него маршальский мундир... "Присутствующие" с плебейской радостью совершили чудовищную по унизительности экзекуцию. Этот моральный удар, вероятно, оказался для Тухачевского тяжелее последовавших позже физических. Самого Нельке расстреляли несколько месяцев спустя»⁹⁵.

24 мая арестованного доставили в Москву и в тот же день членам и кандидатам ЦК ВКП(б) разослали бюллетени для голосования, в которых предлагалось Я.Э.Рудзутака и М.Н.Тухачевского «за участие в антисоветском троцкистско-правом заговорщиком блоке и шпионскую работу против СССР в пользу фашистской Германии» исключить из партии и передать их дела в Наркомвнудел. Маршал Буденный, давно ненавидевший Тухачевского, оставил на бюллетене следующую резолюцию: «Безусловно "За". Нужно этих мерзавцев казнить. С.Буденный. 25.5.37. 11,20». Армейский комиссар 1-го ранга Я.Б.Гамарник написал: «Голосую за предложение Политбюро. 28/У-37 г. Гамарник»⁹⁶. Ян Борисович еще не знал, что и в отношении его уже подготовлено соответствующее решение.

25 мая Сталин подписал решение об исключении из ВС НКО маршала

⁹⁵ Известия.2004. 21 февраля.

⁹⁶ РГАСПИ, ф.17, оп. 2, д. 615, л. 8, 10, 14.

Тухачевского и комкоров Э.Ф.Аппога, Н.А.Ефимова, Р.В.Лонгва, Р.П.Эйдемана⁹⁷. В тот же день было принято еще несколько кадровых решений: вместо комкора Ефимова начальником Артиллерийского управления был назначен комкор Г.И.Кулик, а его заместителем – комдив Г.И.Бондарь, бывший командир 17-й стрелковой дивизии⁹⁸.

Первые показания Тухачевский дал уже 26 мая. "Народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову... Заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все касающееся заговора, не утаивая никого из его участников и ни одного факта и документа. М. Тухачевский".

Биограф маршала Ю.Кантор пишет: «Я читаю протоколы допросов Тухачевского. Рукописных собственноручных признаний становится все меньше, зато все больше напечатанных на машинке с подписями подсудимого на каждом листе. Появляются фразы: "Я был неискренен и не хотел выдать Советской власти всех планов военно-троцкистского заговора... Настойчиво и неоднократно пытался отрицать свое участие в заговоре, но под давлением улик следствия я должен был шаг за шагом признать свою вину". А в рукописных текстах пляшут буквы, смазываются строчки... На страницах - коричневые брызги. В заключении Центральной судебно-медицинской лаборатории Военно-медицинского управления Минобороны СССР эти коричневые брызги идентифицированы как кровь»⁹⁹.

На протяжении всего следствия с его бесконечными, круглосуточными допросами и очными ставками он все пытался говорить об опасности, которая угрожает СССР после прихода к власти Гитлера. Тухачевскому дали сутки для написания "признания", и он, найдя в себе силы абстрагироваться от лубянского кошмара, написал "План поражения", нарисовал четкую картину захватнических планов Гитлера и их мотивировок. Писал своим обычным, узнаваемым стилем, так контрастирующим с косноязычием стенограмм допросов и машинописных "собственноручных признаний". О том, каковы оперативные планы Гитлера, имеющие целью господство германского фашизма. "Основной для Германии вопрос - это получение колоний... Немцы без труда могут захватить Эстонию, Латвию и Литву. И из занятого плацдарма могут начать наступательные действия против Ленинграда... Финляндия, вероятно, пропустит через свою территорию германские войска. Подобный территориальный захват - это овладение всем юго-восточным побережьем Балтийского моря и устранение соперничества с СССР в Военно-морском флоте"¹⁰⁰.

28-29 мая арестовали и доставили во внутреннюю тюрьму НКВД Якира и Уборевича. Бывший сотрудник НКВД А.Ф.Соловьев был очевидцем

⁹⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1150, л.61.

⁹⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1150, л. 35.

⁹⁹ Известия.2004. 21 февраля.

¹⁰⁰ Известия.2004. 21 февраля.

того, как Якира привели в кабинет Леплевского. Допрос продолжался 2-3 часа. Якир вошел в кабинет в форме, а был выведен из него без ремня и петлиц, в расстегнутой гимнастерке, а вид его был плачевным, очевидно, что его на допросе избили¹⁰¹. 30 мая на очных ставках с Якиром и Уборевичем Корк обвинил их в создании заговора. Якир ответил: «Категорически отрицаю. Я знал всегда, что Корк очень нехороший человек, чтобы не сказать более крепко, но я никогда не мог предположить, что он просто провокатор ... На одной встрече в апреле этого года у Тухачевского на квартире мы действительно вместе были, но ни о чем не говорили». То же сказал и Уборевич: «Категорически отрицаю. Все ложь от начала до конца ... Никогда, никаких разговоров с Корком о контрреволюционных организациях не вел»¹⁰².

30 мая членам ЦК рассыпается новое предложение Политбюро: «Ввиду поступивших в ЦК данных, изобличающих члена ЦК ВКП(б) Якира и кандидата в члены ЦК ВКП(б) Уборевича в участии в военно-фашистском троцкистско-правом заговоре и шпионской деятельности в пользу Германии, Японии и Польши ЦК ВКП(б) ставит на голосование членов ЦК и кандидатов ЦК предложение об исключении их из рядов ВКП и о передаче их дела в Наркомвнудел». Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Ежов расписались на этом протоколе, а Микоян, Калинин и Чубарь, не присутствовавшие при вынесении решения, сообщили А.Н.Поскребышеву о своем согласии¹⁰³. Егоров, Булин и другие военные согласились с предложением Политбюро. Маршал Буденный и здесь был категоричнее других: «За. Врагов народа надо уничтожить. С. Буденный. 31.5.37. 11, 10»¹⁰⁴.

30 мая пришла очередь армейских комиссаров Я.Б.Гамарника и Л.Н.Аронштама. «Отстранить тт. Гамарника и Аронштама от работы в наркомате обороны и исключить из состава Военного совета, как работников, находившихся в тесной групповой связи с Якиром, исключенным ныне из партии за участие в военно-фашистском заговоре»¹⁰⁵. И не пришлось им, исполняя предыдущее решение, ехать к новому месту службы: Гамарнику в Среднюю Азию, а Аронштаму в г.Куйбышев. В эти дни Гамарник по причине обострения болезни на службу не явился. Тогда к нему на квартиру прибыли начальник Управления по начсоставу РККА А.С.Булин и управделами НКО И.В.Смородинов. Узнав о решении Политбюро, Гамарник застрелился. На следующий день советские газеты сообщили: «Бывший член ЦК ВКП(б) Я.Б.Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и видимо боясь разоблачения, 31 мая

¹⁰¹ Военные архивы России. Вып. 1. С. 45.

¹⁰² Военные архивы России. Вып. 1. С. 45, 46.

¹⁰³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1150, л. 145.

¹⁰⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп.2, д. 615, л. 89.

¹⁰⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп.163, д. 1150, л.146.

покончил жизнь самоубийством»¹⁰⁶.

О методах работы следователей с Тухачевским свидетельствуют данные графологического анализа. Проанализировав почерк, которым исполнены исследуемые рукописные тексты «Заявлений», «Показаний» Тухачевского М.Н., эксперт-графолог сделал выводы:

«Указанные выявленные признаки в совокупности свидетельствуют о необычном выполнении исследуемых рукописных текстов, которое может быть связано:

- либо с необычными условиями выполнения — выполнение рукописных текстов непривычным пишущим прибором, в неудобной позе, на непривычной подложке и т.п.;
- либо с необычным состоянием исполнителя рукописных текстов — состояние сильного душевного волнения, опьянения, под воздействием лекарственных препаратов и т.п.

Совокупный анализ исследуемых признаков почерка с анализом письменной речи исследуемых документов говорит о доминирующем значении второй причины и позволяет предполагать исполнение исследуемых рукописных текстов лицом, находящимся в необычном состоянии»¹⁰⁷.

На третий день допросов, 26 мая 1937 г., Тухачевский написал заявление заместителю начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД Ушакову: «Мне были даны очные ставки с Примаковым, Путна и Фельдманом, которые обвиняют меня как руководителя антисоветского военно-троцкистского заговора. Прошу представить мне еще пару показаний других участников этого заговора, которые также обвиняют меня. Обязуюсь дать чистосердечные показания без малейшего утаивания чего-либо из своей вины в этом деле, а равно из вины других лиц заговора. Тухачевский. 26.05.37».

Ему были предоставлены показания других «заговорщиков», которых следователям уже удалось сломать. Вечером 26 мая Тухачевский написал новое заявление: «Народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову Будучи арестован 22-го мая, прибыв в Москву 24-го, впервые был допрошен 25-го и сегодня 26-го мая заявляю, что признаю наличие антисоветского военно-троцкистского заговора и то, что я был во главе его. Обязуюсь самостоятельно изложить следствию все, касающееся заговора, не утаивая никого из его участников, и ни одного факта и документа. Основание заговора относится к 1932-ому году... М.Тухачевский»¹⁰⁸.

¹⁰⁶ Правда. 1937. 1 июня.

¹⁰⁷ Неизвестные документы о «деле военных»//История государства и права. 2006. № 1. С. 33.

¹⁰⁸ Неизвестные документы о «деле военных»//История государства и права. 2006. № 1. С. 33.

«Из заключения эксперта-почерковеда: «В заявлении от 26 мая 1937 года — с обозначениями 8-9 — наблюдаются признаки необычного выполнения, которые значительно большее выражение нашли на листе 8»¹⁰⁹.

Протокол допроса Тухачевского М.Н. от 26 мая 1937 г.

«Вопрос: Вы обвиняетесь в том, что возглавляли антисоветский военно-троцкистский заговор. Признаете ли себя виновным?

Ответ: Как я уже указал в своем заявлении на имя народного комиссара Внутренних дел СССР тов. Ежова, я возглавлял контрреволюционный военный заговор, в чем полностью признаю себя виновным. Целью заговора являлось свержение существующей власти вооруженным путем и реставрация капитализма...

...Наша антисоветская военная организация в армии была связана с троцкистско-зиновьевским центром и правыми заговорщиками и в своих планах намечала захват власти путем совершения так называемого дворцового переворота, то есть захвата правительства и ЦК ВКП (б) в Кремле, или же путем искусственного создания поражения на фронтах во время войны, чем вызвать замешательство в стране и поднять вооруженное восстание...

...Я считаю, что Троцкий мог знать... что я возглавляю антисоветский военный заговор, и это послужило для него основанием направить ко мне Ромма... Сообщая следствию, что в 1935 г. Путна привез мне записку от Седова, в которой говорилось о том, что Троцкий считает очень желательным установление мною более близкой связи с троцкистскими командирскими кадрами. Я через Путна устно ответил согласием, записку же Седова я сжег».

Чекистов не удовлетворило предыдущее «признание» маршала и они потребовали новых сведений о заговорщиках.

Протокол допроса Тухачевского М.Н. от 27 мая 1937 г.

«...Должен сказать, что на допросе 26 мая я был не искренен и не хотел выдать советской власти всех планов военно-троцкистского заговора, назвать всех известных мне участников и вскрыть всю вредительскую, диверсионную и шпионскую работу, проведенную нами.

...Еще задолго до возникновения антисоветского военно-троцкистского заговора я в течение ряда лет группировал вокруг себя враждебно настроенных к сов- власти, недовольных своим положением командиров и фронтировал с ними против руководства партии и правительства. Поэтому, когда в 1932 г. мною была получена директива от Троцкого о создании антисоветской организации в армии, у меня уже фактически были готовые преданные кадры, на которые я мог опереться в этой работе.

¹⁰⁹ Неизвестные документы о «деле военных»//История государства и права. 2006. № 2. С. 37.

...Путна устно мне передал, что Троцким установлено непосредственная связь с германским фашистским правительством и генеральным штабом...
...В 1932 г. мною лично была установлена связь с представителем германского генерального штаба генералом Адамом. До этого Адам в конце 1931 г. приезжал в Советский Союз, и сопровождавший его офицер германского генерального штаба Нидермаер усиленно обрабатывал меня в плоскости установления с ними близких, как он говорил, отношений. Я отнесся к этому сочувственно. Когда я в 1932 г. во время германских маневров встретился с генералом Адамом, то по его просьбе передал ему сведения о размере вооружений Красной армии, сообщив, что к моменту войны мы будем иметь до 150 дивизий».

Вот это заявление.

«Помощнику Нач-ка 5-го Отдела ГУГБ НВД Ушакову

Будучи следствием изобличен в том, что я возглавлял антисоветский военно-троцкистский заговор, мне ничего другого не оставалось, как признать свою вину перед советской властью, что я и сделал 26-го мая.

Но так как мои преступления безмерно велики и подлы, поскольку я лично и организация, которую я возглавлял, занималась вредительством, диверсией, шпионажем и изменяла Родине, я не мог встать на путь чистосердечного признания всех фактов, относящихся к заговору. Поэтому я избрал путь двурушничества и под видом раскаяния думал ограничить свои показания о заговоре, сохранив в тайне наиболее важные факты, а главное — участников заговора.

Эта новая подłość... была развенчана следствием... Я решил на этот раз окончательно и бесповоротно вполне честно сознаться во всех моих антигосударственных преступлениях, назвать всех известных мне участников заговора, выдать все его планы.

Прошу предоставить мне возможность, ввиду многочисленности фактов, о которых я должен показывать, продиктовать мои показания стенографистке, причем заверяю Вас честным словом, что ни одного факта не утаю, и у Вас не будет ни теперь, ни позже никакого основания упрекнуть меня в неискренности данного моего заявления.

Тухачевский. 27.5.37».

В деле Тухачевского появляются все новые протоколы, но достоверных фактов в них мало, зато много самобичевания, громких эпитетов, пустых лозунгов. Это очень характерно для политической демагогии тех лет, но для уголовного дела о государственной измене нужны были конкретные поступки, веские улики, а их то как раз и не было.

Протокол допроса Тухачевского М.Н. от 29 мая 1937 г.:

«...Военный заговор возник в 1932 г. и возглавлялся руководимым мною центром. Должен сообщить следствию, что еще задолго до этого я участвовал в антисоветских группировках и являлся агентом германской разведки.

С 1928 года я был связан с правыми. Енукидзе, знаяший меня с давних пор и будучи осведомлен о моих антисоветских настроениях, в одном из разговоров сказал мне, что политика Сталина может привести страну к гибели, что смычка между рабочими и крестьянами может быть разорвана. В связи с этим Енукидзе указывал, что программа Бухарина, Рыкова и Томского является вполне правильной и что правые не сдадут своих позиций без боя. В оценке положения я согласился с Енукидзе и обещал поддерживать с ним связь, информируя его о настроениях командного, политического и красноармейского состава Красной Армии. В то время я командовал Ленинградским военным округом...

Во время 16-го съезда партии Енукидзе говорил мне, что хотя генеральная линия партии и победила, но что деятельность правых не прекращается и они организованно уходят в подполье... После этого я стал отбирать и группировать на платформе несогласия с генеральной линией партии недовольные элементы командного и политического состава...

Рomm рассказал мне, что Троцкий ожидает прихода к власти Гитлера и что он рассчитывает на помощь Гитлера в борьбе Троцкого против Советской власти».

Заявление от арестованного Тухачевского М.Н. от 29 мая 1937г.:

«Народному комиссару Внутренних дел СССР Н.И. Ежову

Через следователя Ушакова

Обличенный следствием в том, что я, несмотря на свое обещание сообщать следователю исключительно правду, в предыдущих показаниях неправильно сообщил по вопросу о начале своей антисоветской работы, настоящим заявляю, что хочу исправить эту свою ошибку. Еще в 1928 г. я был втянут Енукидзе в правую организацию. В 1934 г. я лично связался с Бухарином.

С немцами я установил шпионскую связь с 1925 г., когда я ездил в Германию на учения и маневры и где установил связь с капитаном фон Цюлловым.

Примерно с 1926 года я был связан с Домбалем, как польским шпионом.

При поездке в 1936 г. в Лондон Путна устроил мне свидание с Седовым, и я имел разговор о пораженческих планах и об увязке действий антисоветского военно-троцкистского заговора и германского генерального штаба с генералом Румштедт, представителем германского фашистского правительства.

Помимо этого, в Лондоне я имел встречу с командующим эстонской армией генералом Лайдонером и американским журналистом в кабинете у Путна (фамилии не помню), приехавшим из фашистской Германии и являющимся гитлеровским агентом. Разговор шел о задачах германского фашизма в войне против СССР.

В Париже я встретился с Титулеску, с которым обсуждал вопрос о характере возможных действий германо-польско-румынских войск в войне против СССР.

Я был связан, по заговору, с Фельдманом, Каменевым С. С., Якиром, Эйдеманом, Енукидзе, Бухарином Караканом, Пятаковым, Смирновым И.Н., Ягодой, Осепянном и рядом других.

Впервые на всем этапе следствия в течение четырех дней я заявляю вполне искренне, что ничего не буду скрывать от следствия.

Тухачевский 29.5.37»¹¹⁰.

По мнению эксперта-графолога, авторскими в вышеприведенном тексте являются, видимо, только первый и последний абзацы. Последующий текст, считает эксперт, вероятнее всего, выполнялся под диктовку. Доказательством этого тезиса являются «непривычные для автора построения предложений — более краткие и упрощенные по строению» и, кроме того, необычность написания фамилий. «Все фамилии выполнены не одномоментно (различный наклон в каждой из фамилий, различные расстояния между словами, а также различный рисунок знаков препинания, в частности, запятых), то есть такое выполнение возможно под диктовку другого лица»¹¹¹.

30 мая 1937 г. проведена очная ставка между Корком и Тухачевским. Корк к тому времени выполнял все требования следователей и подписывал любые небылицы, сочиненные на Лубянке.

«Вопрос Корку: Чем вы объясняете, что Тухачевский... все-таки не выдает Уборевича?

Ответ: ...Очевидно, у Тухачевского есть надежда на то, что не все провалено, не вся наша организация раскрыта, что, очевидно, нужно оставить корни отдельных важных лиц, которые в связи с общим большим провалом все-таки смогут продолжить через некоторый промежуток времени нашу контрреволюционную заговорщическую работу, особенно на Западном фронте.

Ответ Тухачевского: Корк неверно показывает о целом ряде фактов. Я объясняю ряд неточностей, которые допускает Корк здесь на следствии, тем, что он не вполне точно уяснил себе его личную роль в нашем военном заговоре... Я Корка организационно в наш заговор не вовлекал...

Вопрос Корку: Вам отводилась серьезная роль в право-троцкистской военной организации, и к этой роли Вас привлек Тухачевский?

Ответ: Безусловно.

Вопрос Корку: Почему Тухачевский ваше положение в организации, ваше отношение к центру заговора представляет в совершенно ином свете?

Ответ: ...В моих интересах было бы ухватиться сейчас за то, что Тухачевский сказал про меня лично, но, так как я с самого начала встал на путь чистосердечного признания, то я категорически отрицаю все, что

¹¹⁰ Неизвестные документы о «деле военных»//История государства и права. 2006. № 2. С. 37 – 39.

¹¹¹ Неизвестные документы о «деле военных»//История государства и права. 2006. № 2. С. 39.

Тухачевский сказал в отношении меня и состава центра заговора... Тухачевский почему-то меня и Уборевича хочет отвести от этого дела. Почему Тухачевский хочет сохранить Уборевича, я высказал свои соображения. Может быть, и в отношении меня у Тухачевского те же соображения, но я, ставши на путь признаний, не могу сейчас замазывать ту роль, которую я выполнял под руководством Тухачевского.

Вопрос Тухачевскому: ...Вы по каким-то соображениям роль Корка смазываете, так же как и скрываете роль Уборевича...

Ответ: ...Путает или забывает Корк, — не знаю».

Маршала упорно склоняли к самооговору, приводя в пример поведение Корка. «Вопрос Тухачевскому: Показания Корка более последовательны, чем ваши. Но не в этом в конце концов дело. Мы хотим знать правду, как было на самом деле?

Ответ: Корк имел возможность больше меня восстановить эти факты: он раньше меня арестован» (то есть больше подвергался пыткам и моральному давлению) Тухачевский отчаянно пытался не давать ложных показаний, но лубянские костоломы каждый день выбивали из него новые «признания».

Заявление М.Н.Тухачевского от 9 июня 1937 г.

«Начальнику 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР Леплевскому
Пом. Начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР Ушакову

В дополнение к очной ставке, данной мне сегодня ночью с Якиром... показываю, что я снимаю свое отрицание участия Уборевича в заговоре...

Я не смог сразу же признать на очной ставке правоты показаний Якира, т.к. мне неудобно было отказаться от своих слов, которые я ранее говорил как на допросах, так и на очной ставке с Корком.

Тухачевский. 9.6.37».

Заявление М.Н. Тухачевского от 10 июня 1937 г.:

«Помощнику Начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР Ушакову

Так как я заявил о том, что решил искренне и чистосердечно давать показания о всем, что мне известно по поводу антисоветского военного заговора, то я, вспомнив фамилии участников заговора, не названных мною ранее, сообщаю их следствию дополнительно. Мне известны следующие участники заговора: Левинзон, Аронштам, Векличев, Орлов... Клочко, Германович.

Помимо того уточняю, что хотя четкие задания по подготовке поражения на территории БВО и КВО и относятся к весне 1936-го г., но и до этого, в 1935-м г., между участниками центра военного заговора происходили обсуждения вопросов оперативного вредительства, т.е., по существу, пораженческой деятельности.

Прошу приобщить к делу эти мои дополнительные показания.

Тухачевский. 10.6.37».

На Лубянке не только выбивали признания, но еще и редактировали их. Это ясно видно при сравнении двух вариантов одной и той же фразы: В

архиве ФСБ хранятся подлинные и дублирующие стенограммы допросов различающиеся в деталях, порой важных. Видимо, откорректированные чекистами протоколы допросов перепечатывались на машинке и направлялись членам Политбюро, прежде всего Сталину.

Вот два варианта одной фразы. Нетрудно заметить, что ее смысл изменился после вмешательства лубянских фальсификаторов. «Я изложил следствию с предельной, если не преувеличить, величиной все эти опасности, все эти стороны тяжелых преступлений, которые даже не верится, что они могут существовать на самом деле». Эта фраза подчеркнута красным и в дубле стенограммы выглядит так: «Я предельно изложил все эти опасности, все эти стороны тяжелых преступлений, в которые, не будь я сам их участником, даже не мог бы поверить, что они могут существовать на самом деле». На страницах рукописных показаний М.Н. Тухачевского буквы вкривь и вкось строчки смазаны, а главное: обнаружены пятна буро-коричневого цвета. В заключении Центральной судебно-медицинской лаборатории Военно-медицинского управления Министерства обороны СССР от 28 июня 1956 г. говорится: «В пятнах и мазках на листках 165, 166 дела... обнаружена кровь...»¹¹².

«Протокол допроса обвиняемого Тухачевского от 9 июня 1937г.:

«Свои показания, данные на предварительном следствии о своем руководящем участии в военно-троцкистском заговоре, о своих связях с немцами, о своем участии в прошлом в различных антисоветских группировках, я полностью подтверждаю. Я признаю себя виновным в том, что я сообщил германской разведке секретные сведения и данные, касающиеся обороны СССР, Я подтверждаю также свои связи с Троцким и Домбалем. Задачи военного заговора состояли в проведении указаний троцкистов и правых, направленных к свержению советской власти. Я виновен также в подготовке поражения Красной Армии и СССР в войне, т.е. в совершении государственной измены. Мною был разработан план организации поражения в войне... Я признаю себя виновным в том, что я фактически после 1932 г. был агентом германской разведки. Также я виновен в контрреволюционных связях с Енукидзе. В составе центра военно-троцкистского заговора, кроме меня, были Якир, Уборевич, Эйдеман, Фельдман, С.С. Каменев и Гамарник. Близок к нему был и Примаков.

Никаких претензий к следствию я не имею.

Тухачевский.

Допросили — помощник главного военного прокурора Суббоцкий, Прокурор Союза ССР Вышинский»¹¹³.

¹¹² Неизвестные документы о «деле военных»//История государства и права. 2006. № 3. С. 18 –19.

¹¹³ Неизвестные документы о «деле военных»//История государства и права. 2006. № 5. С. 27.

10 июня 1937 г. состоялся Чрезвычайный пленум Верховного Суда СССР. Заслушав сообщение А.Я.Вышинского о деле по обвинению М.Н.Тухачевского и других, Пленум постановил для рассмотрения этого дела образовать Специальное судебное присутствие Верховного Суда СССР. В его состав были введены председатель Военной коллегии Верховного суда СССР В.В.Ульрих, заместитель наркома обороны Я.И.Алкснис, командующий ОКДВА В.К. Блюхер, командующий Московским военным округом С.М. Буденный, начальник Генштаба РККА Б.М. Шапошников, командующий Белорусским военным округом И.П. Белов, командующий Ленинградским военным округом П.Е. Дыбенко и командующий Северо-Кавказским военным округом Н.Д. Каширин.

А вот и венец творения карательной машины – обвинительное заключение по делу военных.

Обвинительное заключение

«В апреле-мае 1937 года органами НКВД был раскрыт и ликвидирован в г. Москве военно-троцкистский заговор, направленный на свержение советского правительства и захват власти, в целях восстановления в СССР власти помещиков и капиталистов и отрыва от СССР части территории в пользу Германии и Японии.

Как установлено предварительным следствием, наиболее активными участниками этого заговора являлись бывш. заместитель Народного Комиссара Обороны СССР — Тухачевский М.Н., быв. Начальник Политуправления РККА Гамарник Я.Б., бывшие командующие Киевского и Белорусского военных округов Якир И.Э. и Уборевич И.П., быв. председатель Центрального Совета Осоавиахима Эйдеман Р.П., быв. командарм 2-го ранга Корк А.И., быв. начальник Управления по начсоставу РККА Фельдман Б.М., быв. зам. командующего войсками Ленинградского военного округа Примаков В.М. и быв. атташе при полпредстве СССР в Великобритании Путна В.К. Как установлено следствием, все указанные выше обвиняемые являлись членами антисоветской троцкистской военной организации, действовавшей под руководством «центра» в составе: покончившего самоубийством Гамарника Я.Б. и обвиняемых по настоящему делу Тухачевского М.Н., Якира И.Э., Уборевича И.П., Корка А.И., Эйдемана Р.П. и Фельдмана Б.М.

Как видно из собственных признаний обвиняемых и показаний ряда свидетелей, военно-троцкистская организация находилась в теснейшей связи с антисоветским троцкистским центром и его главными руководителями — врагами народа Троцким Л., Седовым Л., Пятаковым Г.Л., Лившицем Я.А., Серебряковым Л.П. и др., с антисоветской группой правых Бухарина — Рыкова, а также с военными кругами Германии, и действовала под непосредственным руководством германского генерального штаба и его

агента врага народа Л. Троцкого, совершая по их прямым указаниям вредительские акты в целях подрыва мощи Красной Армии.

Следствием, кроме того, установлена, что часть обвиняемых, и в частности обвиняемый Тухачевский, задолго до возникновения антисоветского военно-троцкистского заговора, в течение ряда лет были связаны с различными антисоветскими элементами, и в том числе с участниками офицерских заговоров.

Поставив своей преступной целью насильственный захват власти и возлагая свои главные надежды на помощь иностранных агрессоров, и в частности фашистской Германии, военно-троцкистская организация и возглавлявшие эту организаций изменники и предатели в лице Тухачевского, Якира, Уборевича и других обвиняемых по настоящему делу, ставили свою ставку на предстоящее нападение на СССР капиталистических интервентов и на поражение СССР в предстоящей войне.

Вся изменническая, вредительская и подрывная деятельность этих заговорщиков была направлена на подготовку предательского разгрома наших армий и поражение СССР.

В этих целях нарушившие воинский долг и присягу и изменившие родине руководители указанной военно-троцкистской организации — Тухачевский, Якир, Путна и др. обвиняемые по настоящему делу вошли в преступную антигосударственную связь с военными кругами Германии, систематически передавали германскому генеральному штабу сведения, касающиеся организации, вооружения и снабжения Красной Армии, составляющие важнейшую государственную тайну, и другие сведения шпионского характера, совместно и по указаниям германского генерального штаба разработали планы поражения наших армий и совершали другие изменнические действия в пользу Германии и Польши.

Следствием установлено, что обвиняемый Тухачевский передал во время германских маневров в 1932 г. немецкому генералу... секретные сведения о размерах вооружения Красной Армии. Во время посещения СССР германским генералом... обв. Тухачевский передал последнему секретные сведения о мощности ряда военных заводов... В 1935 г. обв. Тухачевский через обв. Путну передал германскому генеральному штабу секретные сведения о состоянии авиации и механизированных войск в Белорусском и Киевском военных округах, об организации в этих округах противовоздушной обороны, о сосредоточении наших войск на западных границах. В том же 1935 г. польской разведке были переданы планы Летичевского укрепленного района. Тогда же были переданы немцам сведения о количестве накопленных огнеприпасов, о количестве командного состава запаса и т.д. и т.п.

Не ограничиваясь этим, обв. Тухачевский разработал план поражения Красной Армии и согласовал этот план с представителем германского генерального штаба...

В 1936 г. обв. Тухачевский использовал в преступных изменнических целях свое официальное пребывание в Лондоне и передал германскому генералу... материалы о дислокации войск Белорусского и Киевского военных округов. Следствием установлено, что обв. Тухачевский, Якир, Уборевич и другие члены «центра» этой организации при разработке различных вариантов развертывания Красных Армий во время войны неизменно исходили из одной задачи — обеспечить поражение и разгром наших армий, привести СССР к военному поражению.

Обв. Тухачевский, Якир, Уборевич признали, что на специальных совещаниях в 1935 г. у обв. Тухачевского ими был разработан подробный оперативный план поражения Красной Армии в предполагавшейся войне на основных направлениях наступления польско-германских армий.

Этой основной задаче была фактически подчинена вся деятельность обвиняемых по настоящему делу, этих агентов германской разведки, изменников, вероломно обманувших партию и правительство и пробравшихся на ответственные командные посты в Красной Армии...

Не удовлетворяясь, однако, этими позорными актами государственной измены, Тухачевский, Якир, Уборевич и другие обвиняемые по настоящему делу систематически осуществляли вредительство, особенно в укрепленных районах и по линии военных железнодорожных сообщений.

Следствием и, в частности, показаниями обв. Тухачевского, Корка, Эйдемана, Примакова установлено, что одновременно военно-троцкистская организация подготовляла совершение террористических актов против членов Политбюро ЦК ВКП(б) и советского правительства и организовала ряд диверсионных групп преимущественно на предприятиях оборонного значения.

Организуя эти террористические и диверсионные группы, троцкистские предатели, пробравшиеся в ряды командного состава Красной Армии, параллельно подготовили план вооруженного «захвата Кремля» и ареста руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Во всех указанных преступлениях все обвиняемые полностью сознались Прокурор союза ССР Вышинский»¹¹⁴.

Предстоял скорый и неправый суд, назначенный на 11 июня 1937 года.

Глава 2.

КРЕМЛЕВСКИЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ

2.1. О «ВОЕННО-ФАШИСТСКОМ ЗАГОВОРЕ» В КРАСНОЙ АРМИИ

На 1 июня было назначено открытие внеочередного заседания Военного совета при наркому обороны СССР. Членами ВС НКО в 1935 г.

¹¹⁴ Неизвестные документы о «деле военных»//История государства и права. 2006. № 5. С. 28-29.

были 85 наиболее авторитетных военачальников Красной Армии и Военно-Морского флота: нарком обороны и его заместители, начальники главных управлений НКО, руководители военных академий, командующие войсками военных округов, некоторые командиры корпусов и дивизий, ряд других работников центрального и окружного аппарата. В Москву были вызваны члены совета, кроме них были приглашены десятки военнослужащих, не входивших в его состав, таким образом заседание стало расширенным. Некоторых членов ВС НКО арестовывали по пути в Москву или сразу по прибытии в столицу. Так комкора Сангурского схватили на вокзале в г.Кирове. Комкор Е.И.Ковтюх - знаменитый герой "Железного потока" Серафимовича в Москву приехал, но не был допущен в зал заседаний. Епифан Иович написал письмо Сталину с жалобой на подобное обращение:

«Дорогой товарищ Сталин!

Я прибыл в Москву на заседание военного Совета при наркому обороны. По приказанию Наркома Маршала Советского Союза на заседание я не допущен. Секретарь наркома т.Петухов мне сообщил, что кто-то из арестованных врагов народа назвал мою фамилию. Заявляю, что никогда, ни в каких заговорах, группировках не участвовал, всегда поддерживал и настойчиво проводил в жизнь генеральную линию нашей партии. 19 лет нахожусь в партии и Красной Армии без взысканий. Я прошу меня как преданного человека коммунистической партии и советской власти незаслуженно не губить. В период гражданской войны я неплохо дрался за революцию. Имею военный опыт двух войн. Окончил ряд военно-учебных заведений, в том числе Военную академию им. Фрунзе. Я нужен для будущей жестокой войны с мировым фашизмом. Мне хочется дожить до этой войны и продолжить историю «Железного потока». Еще раз заявляю: за Вас, за партию, за советскую власть, за социалистическую родину готов умереть в любую минуту.

Прошу прочитать мою работу, посланную Вам, о будущей войне.

2.У1.37. Е.КОВТЮХ.¹¹⁵

Герою «Железного потока» не довелось участвовать в будущей войне с фашизмом. Ответа от вождя он не получил, а вскоре был арестован и расстрелян.

Когда утром 1 июня приглашенные на заседание вошли в здание НКО на улице Фрунзе, их направили в секретариат наркома обороны. К.Е.Полищук впоследствии в своих воспоминаниях рассказал, как это происходило: «В комнатах секретариата и в зале заседаний собирались многие высшие начальники Красной Армии: командующие войсками, начальники центральных управлений, начальники академий, некоторые командиры соединений. Все они сидели за столами, на которых лежали стопки отпечатанных на машинке листов бумаги. Все столы, специально

¹¹⁵ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 747, л. 132.

поставленные, были покрыты такими материалами; сидящие за столами брали эти листки, и прочитывали их, после чего вновь клади их на стол и брали другие. Все были угрюмы и молчаливы».

Управделами НКО Смородинов говорил приходящим: «Идите к столам, найдите себе место и читайте разложенные материалы, заседание ... состоится позже, когда будут прочитаны материалы». Полищук нашел свободное место рядом с комкором А.И.Тодорским, возглавлявшим Управление высших военно-учебных заведений, и бывшим начальником Политической академии имени Н.Г.Толмачева армейским комиссаром 2-го ранга Б.М.Иппо. «Оба они были исключительно озабочены и безмолвны. Взял со стола стопку листов и начал читать. Листы оказались протоколами следственных показаний Тухачевского и других арестованных по обвинению в военном заговоре. Показания были отпечатаны под копирку на листках обычной бумаги, некоторые имели нумерацию, другие не имели, и все они не были сброшюрованы. Печать далеко не на всех была достаточно четкой, читать было трудно. Не сразу удавалось также подобрать последовательно страницы показаний. Чтение было торопливым. Между столами постоянно прохаживались сотрудники секретариата - Смородинов, Хмельницкий, Штерн - и просили не задерживать листы. Читать приходилось те листы, которые были свободны, а остальные были на руках у других. В общем, ознакомление было несистематическим, сумбурным.

Мне удалось прочитать показания Тухачевского и Фельдмана, не полностью Уборевича, совсем я не читал показаний Корка и Якира и, по-видимому, не очень много от этого потерял: все показания были написаны по одной и той же схеме¹¹⁶.

На участников Военного совета обрушилась лавина страшных новостей: самоубийство Гамарника, аресты большого числа боевых друзей и соратников, обвиненных в заговоре и шпионаже. Все это произвело ошеломляющее впечатление. В протоколах допросов упоминались фамилии многих командиров, еще находившихся на свободе. Можно представить тот ужас, который испытали люди, увидевшие свою фамилию в числе участников заговора, и осознавшие полную свою беспомощность перед произволом НКВД. Обстановка в зале, по словам Полищука, была «могильная». Stalin как опытный интриган еще до первого заседания нанес военным сильнейший психологический удар, обеспечив полную покорность военной элиты.

Заседание открылось не в Доме Красной Армии, как бывало раньше, а в Свердловском зале Кремля. В полной тишине без обычных шуток и разговоров генералы заняли места в зале. В президиуме появились члены Политбюро Ворошилов, Калинин, Молотов, Жданов, позднее подошел Каганович. Вожди партии выглядели озабоченно, даже угрюмо. Только

¹¹⁶ Полищук К.Е. Указ. Соч. С. 28-29.

нарком внутренних дел Н.И.Ежов был суетлив, улыбчив, постоянно вертелся и перешептывался с сопровождавшими его сотрудниками НКВД, вглядывался в лица членов ВС НКО. Stalin, занявший место рядом с Ворошиловым, выглядел постаревшим, но в отличие от своих соратников имел уверенный и даже веселый вид. «Он с заинтересованностью оглядывал зал, искал знакомые лица и останавливал на некоторых продолжительный взгляд. Что касается Ворошилова, то на нем, что называется, лица не было. Казалось, он стал ростом меньше, поседел еще больше, появились морщины, а голос, обычно глуховатый, стал совсем хриплым», - вспоминал участник этого заседания генерал Полищук¹¹⁷.

ВОРОШИЛОВ: «...Тов. Егоров, идите сюда, я буду делать доклад.

СТАЛИН: И дайте ему слово.

ВОРОШИЛОВ: Товарищи, органами Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная, контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии. Из тех материалов, которые вы сегодня прочитали, вы в основном уже осведомлены о тех гнусных методах, о той подлой работе, которую эти враги народа вели находясь бок о бок с нами, работая вместе с нами, живя, дыша одним и тем же воздухом с нашими честными командирами и политработниками.

Три месяца тому назад в этом зале заседал Центральный Комитет нашей Коммунистической партии и здесь на основе огромного материала, добытого следственных органов Наркомвнудела в аналитических докладах товарищей Молотова, Кагановича, Ежова и Сталина было вскрыто подлое проникновение врага в недра нашего народного хозяйства, государственного аппарата и даже самой партии, которое продолжалось довольно долгое время и которое имеет тяжелые последствия для нашей социалистической родины. Еще три месяца тому назад то, что сейчас мы знаем, ни для ЦК, ни для всех нас ответственных работников не было ведано.

Здесь на Пленуме ЦК было вскрыто много всяких мерзавцев, продажных шпионов, вредителей, диверсантов, убийц. Были они вскрыты и в наших рядах. Но ничего похожего на то, что теперь стало известно, тогда еще не было видно. Мне теперь стыдно, - здесь как раз зашел Лазарь Моисеевич Каганович, - мне теперь стыдно ему в глаза глядеть... Я тогда здесь с гордостью заявлял, что у нас мало контрреволюционеров, а у него, - Кагановича - их много (...) Враг не настолько прост, враг не настолько глуп, чтобы не запустить свои подлые шупальцы в этот наиболее деликатный, наиболее действенный, наиболее важный, нужный всякому государству аппарат, каким является Р.К.К.А»¹¹⁸.

В первых же словах своего доклада нарком заявил: «Органами

¹¹⁷ Полищук К.Е. Указ. Соч. С. 30.

¹¹⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 1-4.

Наркомвнудела раскрыта в армии долго существовавшая и безнаказанно орудовавшая, строго законспирированная контрреволюционная фашистская организация, возглавлявшаяся людьми, которые стояли во главе армии»¹¹⁹. Если 2 марта Ворошилов заявлял, что в Красной Армии врагов очень мало, то уже первого июня он утверждал обратное: враги пробрались в самую верхушку Вооруженных Сил, продвинули своих людей в авиацию, морфлот, мотомеханизированные части, в кадровые органы, политаппарат, то есть повсюду. Даже оба первых заместителя наркома оказались предателями, заговорщиками и шпионами. По мнению Ворошилова, военные заговорщики готовились свергнуть советское правительство. А если бы это не удалось сделать в мирное время, «то на войне уж обязательно они должны были ликвидировать, угробить сперва армию, нанеся ей удар всеми заранее строго обдуманными путями, а потом совершить переворот внутри страны»¹²⁰.

Ворошилов возмущался коварством врагов народа: «Товарищи, как могло все это произойти? Как могло случиться, что мы, работники РККА проморгали у себя такое огромное количество врагов? ... Вот вчера, вы знаете, застрелился мой первый заместитель. Почему он застрелился, он не сказал. Его отстранили от должности за тесную и чрезмерно близкую связь с группой Якира. Когда Якир был арестован, и когда он был изобличен в своих подлых преступлениях, нельзя было больше терпеть такого положения, что человек, облеченный таким огромным доверием, как должность начальника Политического управления и заместителя Народного комиссара обороны, нельзя было терпеть. Его сняли с должности. Он получив приказ, тут же не задумываясь, застрелился. Что это значит? Это наводит, у нас нет пока данных, но это наводит на очень печальные размышления».

Сталин пояснил: «Осипян показывает, что его завербовал в 1932 г. Гамарник. У нас показания есть». Ворошилов ответил, что он об этом еще не знает¹²¹. Конечно, Сталин знал больше, ему первому Ежов докладывал обо всех показаниях, полученных от подследственных.

«Вы видите, что эти господа (Тухачевский и Путна – А.П.), связавшись с Троцким, вели работу по расстановке сил, вербовали людей и консолидировали, как они сами об этом говорят, все контрреволюционные элементы на работу против нашего государства, против нашей партии. Цели и задачи этих господ на разных этапах были разные. Первое время они связывались с Троцким, Троцкий связывал их с контрреволюционерами всякого рода элементами разведок; затем они начинают собирание сил и создание крупной, по всем правилам организационного искусства созданной военной организации».

¹¹⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 1.

¹²⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 7-8.

¹²¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 42-43.

«Что говорит Примаков о том же самом периоде и о задачах, которые стояли перед ними: «Из всего изложенного со слов Пятакова, Фельдмана, Корка мне стало известно, что в 1934 году Тухачевский являлся организатором и руководителем антисоветского заговора».

Нужно сказать, что долгое время не только Примаков, но и никто из других арестованных Тухачевского не называл. Примаков долгое время категорически отрицал свою виновность, отрицал это в течение 8 с лишним месяцев, заявлял, бия себя в грудь, что он честный большевик. Он не постыдился, глядя в глаза всему Политбюро, на очной ставке его, Примакова с Гарькавым заявить, что он честный большевик и ни в чем невиновен, а через 3-4 дня он не только рассказал о всей своей подлой деятельности, не только рассказал о том, что ему было дано специальное указание законспирироваться и держаться до конца, наживать себе капитал в армии, готовиться к большой роли на случай войны, на случай необходимости ударить нашу армию в спину – но он раскрыл всех своих сообщников, в том числе и своего «вождя» Тухачевского»¹²².

Глава военного ведомства на полном серьезе пересказывал присутствующим военачальникам небылицы, сочиненные на Лубянке. «Лапин рассказывает, да и Тухачевский об этом говорит, что они давали специальное задание форсировать боевую подготовку и по линии авиации, и по линии танковых частей, и по другим родам войск, форсировать, не закрепляя итог за итогом, а форсировать, с одной стороны, чтобы показать, что все блестяще обстоит, а с другой стороны срывать боевую подготовку, коверкать все и иметь войска ни к чему не годные...»¹²³.

Поговорив о вредительстве в военной промышленности, Ворошилов обвинил арестованных еще и в шпионаже.

«И наконец, в заключение, товарищи, эти господа были помимо всего прочего еще и прямыми шпионами. Они были связаны, как я уже говорил, с иностранными разведками и генеральными штабами. Тухачевский, Лапин, Василенко об этом говорят совершенно недвусмысленно и прямо. Вот что они показывают: «Вопрос: Когда вы установили связь с германской разведкой? Вопрос задается Тухачевскому. Тухачевский отвечает: Когда я находился на учении и на маневрах в Германии в 1925 году». В 1925 году этот человек уже был связан с контрреволюционной сволочью.

СТАЛИН: С какой?

ВОРОШИЛОВ: С германской.

СТАЛИН: Шпионами?

ВОРОШИЛОВ: Шпионами.

СТАЛИН: Так и надо говорить.

ВОРОШИЛОВ: Я так и говорил.

¹²² РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 14.

¹²³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 31.

СТАЛИН: Имел связь с шпионами, завербовался шпионом.

ВОРОШИЛОВ цитирует Тухачевского: «Примерно к 1925 году относится и мое знакомство с польским шпионом Домбалем ...

СТАЛИН: И у поляков работал.

ВОРОШИЛОВ: Чтобы не обижались ближние соседи, он и им служил.

БУДЕННЫЙ: Он всем служил»¹²⁴ ...

ВОРОШИЛОВ: И, наконец, для того, чтобы показать вам, настолько люди могут пасть, я хочу зачитать показания Каракана. Можно здесь зачитать эти показания?

СТАЛИН: Почему нельзя.

ВОРОШИЛОВ: Каракан являлся участником группы, которая была организована бывшим главой НКВД Ягодой. Он о своем шпионстве дает развернутые, если можно так выразиться, показания: «... В 1927 году я в Москве был завербован негласным германским военным атташе в СССР Нидермайлом (Нидермайер – А.П.) и с тех пор являюсь агентом разведки рейхсвера». Далее он сообщает: Программой контрреволюционного заговора являлся захват власти любыми средствами. Поэтому установление контакта с германскими правительственными кругами имело своей целью выяснить, на какую помощь со стороны Германии могут рассчитывать заговорщики ... Далее следователь спрашивает: «С кем из представителей правительственных кругов Германии вы связаны как участник заговора?» Ответ: «Генерал Мильх является весьма близким к Герингу лицом и как он мне заявил, вел свои переговоры от имени Геринга и Гитлера по их прямому поручению...

СТАЛИН: Это все Каракан?

ВОРОШИЛОВ: Каракан с Ягодой.

СТАЛИН: Здорово!

ВОРОШИЛОВ: ...Эти господа, как видите, мечтали об очень многом. Многое выглядит тут смешным – и этот «дворцовый переворот», о котором они здесь болтали, и организация восстания, и быстрая победа в этом восстании, и затем смычка с контрреволюционными силами фашистской Германии, - все это кажется как будто бы смешным, абсурдным и диким, но если принять во внимание, что эти господа имели свою агентуру во всех порах нашего государственного аппарата, когда у них сидел в свое время на посту Н.К.В.Д. Ягода, когда на посту заместителя Н.К.И.Д сидел господин Каракан, в армии сидели не только рядом со мной люди, но и в округах, - управляющие округами – связанные между собой едиными контрреволюционными целями и задачами – приходится, товарищи, думать, что положение было все-таки довольно неприятным, и если все это сейчас вскрыто, если вся эта контрреволюционная гидра была вовремя поймана и задушена, то только благодаря тому, что мощь, сила нашей партии, нашего

¹²⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 33-34.

великого народа, рабочего класса так велики, что эта сволочь только между собой болтала, разговаривала, шушукалась и готовилась к чему-то, не смея по-настоящему двинуться»¹²⁵. По словам Ворошилова враги народа вели себя пассивно: болтали, шушукались, но ничего не делали. Какие страшные «заговорщики»! Но потом они вдруг зачем-то организовали убийство С.М.Кирова. Громкое политическое убийство неизбежно должно было привлечь к террористам пристальное внимание спецслужб и в конечном итоге привести к провалу всей организации. Такой бессмысленный поступок могли совершить только очень глупые люди. И только очень наивные могли поверить в эти ворошиловские выдумки.

ВОРОШИЛОВ: «...Собственно говоря, кровью нашего замечательного товарища, чудесного человека Сергея Мироновича Кирова мы купили эту возможность, получили возможность обнаружить всю эту гадость. Если бы они не просчитались, мы могли бы в войну въехать со всей этой сволочью, мы могли бы прийти к войне со всеми этими господами и тогда было бы очень трудно. Но вот этот ложный шаг врага, он дал возможность нам сперва распутать весь тот узел мерзости, гадости, преступлений, которые царили в самом Наркомате Внутренних Дел. Только благодаря этому Политбюро и лично тов. Сталин вмешались, стали распутывать. Послали туда одного из лучших наших работников, тов. Ежова, который начал распутывать дело по преступлениям, совершенным в Ленинграде и ниточка за ниточкой добрались до господчиков, которые сидели и организовывали эти преступления, а затем, через них уже и до других господ, до этих самых субъектов, о которых здесь мы ведем речь»¹²⁶. Речь наркома изобиловала бездоказательными обвинениями и демагогическими заявлениями. Будь в его словах хоть доля правды, то в первую очередь следовало бы сурово наказать самого Ворошилова, в ведомстве которого творились такие ужасные преступления.

В прениях по докладу наркома выступили 42 военачальника. Многие выступавшие каялись, что долго работая рядом с врагами, не сумели их разоблачить, признавались в своей политической слепоте. Однако были и другие выступления. Так П.Е.Дыбенко заявил, что никогда не доверял Тухачевскому и еще в 20-е годы боролся за его смещение с руководящих постов в РККА. «Я тогда называл Тухачевского сволочью. Лично ему в глаза говорил»¹²⁷.

Командарм 1-го ранга И.П.Белов и комдив Е.И.Горячев с ненавистью и бранью говорили о своих давних разногласиях с Уборевичем по вопросам организации боевой учебы и строительства укрепленных районов и многим другим вопросам. «Словом, эта сволочь использовала все, - рассказывал

¹²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 39-40.

¹²⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 41-42.

¹²⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 44.

Белов, - И я, кстати, должен доложить, какая была система. Меня били в Туркестане, смертным боем били, били до сумасшествия, меня били в Москве, меня били в Берлине, и били одним и тем же оружием. И вот я к чему веду: какой же я был идиот, какой все-таки я был политически недоразвитый человек – я стеснялся тому же т.Ворошилову доложить в отношении издевательств в Берлине ... Я приехал в Берлин учиться, и мне нужно было больше, чем кому бы то ни было, оказать содействие. Тов. Ворошилов говорил, что все будет сделано, и Берзин писал своему военному атташе, и говорил, что все было обеспечено. Приезжаю в Берлин. Надо мной от начала до конца Путна начинает издеваться». Далее он рассказал, что Уборевичу и Якиру дали по 150 долларов в месяц на представительские расходы, а Белову Путна дал только 50 долларов.

Сталин: И вы это терпели?

Белов: Я товарищу Ворошилову даже не писал, терпел.

Сталин: Так вам и надо! (смех)¹²⁸.

Белов воскликнул: За что же эти враги народа всегда меня ненавидели!

Сталин пояснил: Считали, что вы отсталый.

Белов: Да, считали, что я отсталый, считали, что я холуй.

Холуй? – переспросил Ворошилов

- Да. Ворошиловский холуй, - подтвердил Белов.

Голос из зала: Это правильно, такие разговоры были¹²⁹.

Белов: Так вот эти люди очень умело втирали очки и подчиненным и вождям. Ведь общее развитие у них было большое.

Сталин: Не очень.

Белов: Лоск был.

Сталин: Если у них было военное развитие, то общее развитие и у Тухачевского, и у Уборевича, и Якира было небольшое.

Белов: Мне казалось, что лоск у них был.

Сталин: Лоск, это другое дело.

Белов: Они умели и могли поговорить¹³⁰.

Очень многие командиры пытались дистанцироваться от арестованных военачальников, вспоминая о совершенных ими ошибках, заявляли, что Тухачевский, Гамарник, Уборевич и Якир никаким авторитетом в Красной Армии не пользовались, а комсостав их всегда не уважал и не любил. Комдив Е.И.Горячев, ранее восхвалявший Уборевича, теперь стал утверждать обратное: «...Товарищ Сталин, я заявляю и вам, товарищ Народный комиссар, что командный состав органически не мог выносить Уборевича, он его просто ненавидел». Stalin насмешливо переспросил: «Все ли его ненавидели?» Горячев, не стыдясь явной лжи, ответил: «Только

¹²⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, л. 9-10.

¹²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, л. 8.

¹³⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, л. 8.

единицы могли ему сочувствовать». Его слова опровергли выкрики из зала: «Это не так. В рот ему смотрели»¹³¹.

Коснувшись общеармейских проблем, Блюхер не согласился с теми выступавшими, которые пытались доказать, что Гамарник и Уборевич не пользовались авторитетом в армии. «С Гамарником. Все тут выходят и хотят обязательно найти у Гамарника что-нибудь контрреволюционное. Не выйдет это. Скажите прямо Центральному Комитету, скажите прямо т. Сталину, что в армии Гамарник пользовался авторитетом. (Голоса: Правильно) Скажите, что в армии была формула: так сказал Гамарник. Так было т. Смирнов, вы самый непримиримый? (Голос: Так) Немножко жаловались, что нет совещаний при начальнике Политуправления РККА, нет как-будто внимания к политсоставу и его авторитету в армии. Но раз сказал Гамарник – свято. Я ему тоже политически доверял настолько, товарищи, что это только провинциалы могут сделать ... Совершенно иное отношение было к Уборевичу. Напрасно болтают, товарищи, что не признавали за ним тактического авторитета. Чепуху городят. В рот смотрели ему и не разбирали, когда он пичкает ерундой. Признавали его авторитет в военных играх. (Голос: Особенно в военных играх.) Культивировалось это сверху. Возьмите заседания Военного совета. Всюду они вершили военные дела и руководили военной подготовкой»¹³².

«Доверяли ли им политически? Нет, не доверяли (...) Не случайно ходит анекдот в армии, что у Уборевича на письменном столе в его кабинете, налево портрет Ленина, а направо – портрет Наполеона. Может это анекдот, а может быть и правда. И когда ему говорят, что это как-то не вяжется, то он обычно отвечает: он тоже был артиллерийским поручиком. Уборевич тоже был артиллерийским поручиком. Это определяет его характер. Вот почему с большим трудом на ХУ11 съезде его проводили в члены ЦК»¹³³.

«О культурном командире. Это тоже дошло у нас до анекдота, говорил маршал Блюхер.- Что значит культурный командир в понятии Белорусского округа? Я уже не подхожу к культурному командиру по животу. (Голос: Карманы должны быть защиты). Обязательно без воздуха и остановки рапортовать, а раз он остановился, это уже не культурный командир. Дело дошло до анекдота. Вот помощник начальника Апанасенко. Он был культурным командиром. (Голос: Это неправильно) Вас купили званием культурного командира. Есть такой анекдот о культурном командире. Он звонит домой: 24-00, и говорит жене: 24-10 минут приготовься. (Голос: Это дискредитация) Эту культуру понимали упрощенно, выхолащивали ее содержание.

Буденный: Это враг разносит такие анекдоты.

¹³¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 89.

¹³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 238-239.

¹³³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 239-240.

Голос: Эти анекдоты говорят лишний раз о том, что установка была на то, чтобы противопоставить командиров друг другу»¹³⁴.

В конце заседания Блюхер попросил слова для извинения: «Товарищи, я должен принести извинения Апанасенко. Анекдот такой действительно ходил. Мне говорил об этом, к сожалению, тот же самый Аронштам. Так что я прощу Апанасенко меня извинить. Я узнал, что Апанасенко тогда там не было, и считаю, что в своем выступлении допустил величайшую бес tactность по отношению к Апанасенко»¹³⁵.

Выступивший на утреннем заседании ВС НКО 2 июня командующий Харьковским военным округом И.Н.Дубовой рассказал о своей многолетней работе под руководством Якира: «Товарищи, многие из выступавших здесь говорили о том, что стыдно нам, что мы так позорно просмотрели врагов. Здесь я должен сказать о себе. Я работаю на Украине давно, с 1919 года после Царицына я пять лет командовал корпусом, когда Якир командовал округом, и пять лет был у него заместителем. Замечал ли я что-нибудь? Я должен откровенно сказать, ничего абсолютно не замечал. Мы все считали его, и в том числе я, лучшим представителем партии, партийным командующим. Все же мы его называли нашим лучшим партийным командующим.

ГОЛОС С МЕСТА: Это Украина называла.

Дубовой: Не знаю, может быть Украина, но я от многих это слышал.

Сталин: Он умел здорово в кишki залезть

Дубовой: Ведь факт, что на целом ряде совещаний, на любых разборах, мы в рот Якиру смотрели, когда он говорил (шум в зале) Ну, хорошо, я смотрел, виноват, но смотрел.

Сталин: Он считался одним из лучших командующих.

Дубовой: Да, товарищ Сталин, он считался одним из лучших командующих»¹³⁶.

Далее Дубовой напомнил наркому об интересном эпизоде, случившемся в 1933 году на маневрах под Антонинами. «Помните на банкете Демичев произнес тост за Якира и в вагоне, где ехали я, Хаханьян, Якир и Буденный, вы его прорабатывали. Ведь тогда Якир плакал и просил у вас прощения.

Сталин: Почему он плакал?

Дубовой: В 1933 году, после маневров, на банкете Демичев произнес тост: Предлагаю выпить за хозяина нашего Украинского округа товарища Якира.

ГОЛОС С МЕСТА: В присутствии наркома!

Дубовой: Да, в присутствии наркома и 100 человек командного состава.

ГОЛОС С МЕСТА: Вы это сами культивировали?

ГОЛОС С МЕСТА: Почему же он плакал?

¹³⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 241-242.

¹³⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 245.

¹³⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 59. л. 62-64.

Дубовой: Потому что Климент Ефремович от Киева до Конотопа был его смертным боем. Он просил прощения, говорил, что это недоразумение, что нет ничего подобного и т.д.

ГОЛОС С МЕСТА: Климент Ефремович не только за это ругал вас, а за то, что вся практика была такая.

Дубовой: Правильно. Ругал нас за батьковщину, за хозяина. Я помню, как Климент Ефремович тогда сказал: «Да, да, за хозяйствика тоже нужно». Так что в 1933 году многое было известно. Были недоразумения в коннице? Факт. О них конники знали. Семен Михайлович тоже хорошо об этом знал

Буденный: И ругал тебя за это.

Дубовой: Совершенно правильно, ругал меня в Шепетовке последними словами. Но слушайте, товарищи, не я выдвигал этих людей, они не близкие мои люди. Выдвигали все этих людей. Ведь Якир был против деления Украинского военного округа, категорически возражал. Заставили его это сделать. Затем выдвинули такую фигуру, как Туровского. Я не сопротивлялся. Потом, правда, его через несколько месяцев забрали армейским инспектором в Киев».

Участники заседания часто пытались уязвить друг друга, обвинив в близких отношениях с врагами народы. «Правда ли, что командуя округом, вы все время звонили Якиру в Киев прежде чем предпринять какое-либо мероприятие?» – спросил командующий Закавказским военным округом комкор Н.В.Куйбышев.

Дубовой: Этого никогда не было. Когда мне дали нового зама Квятека, после Туровского, Якир возражал. Но вообще я ему не звонил. Я предназначался для командования одной из армий на Украинском фронте. В процессе этих разработок, военных игр и т.д. естественно участвовал в работе Киевского военного округа.

Ворошилов: Вы обязаны были сноситься.

Дубовой: Правильно. Я приезжал туда и получал все указания. В самом деле, конечно, советовался, т. Куйбышев, а что вы думаете? Будучи его подчиненным, как же я мог не советоваться? Обязан был советоваться.

Ворошилов: Помимо подчиненного, вы были самым сердечным другом и его, и Гамарника.

ГОЛОС : Одна семья»¹³⁷.

И вновь был поднят вопрос о том, что Якир и Уборевич занимали среди других командующих военными округами совершенно особое положение, имели влияние на решение важнейших военных проблем и позволяли себе слишком много. Дубовой: «Якир приезжает из Москвы, Якир в курсе всех организационных вопросов, он докладывает. И теперь, когда приезжаешь в Киев по любому организационному мероприятию, он говорит, что с ним советуется т. Сталин, что с ним советуется т. Молотов, что с ним советуется

¹³⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 59. л. 65-67.

т. Ворошилов. А мы не могли этого проверить. А теперь понятно, для чего он это говорил. Здесь украинские командиры сидят, они могут подтвердить, что Якир рассказывал, что в любой приезд в Москву он бывает у т.Сталина два три раза, разговаривает с ним.

Сталин: Неверно. Я могу один факт рассказать. Это было, кажется в 1933 или 1932 году. Он был там в 1932 году на Украине, Якир?

ГОЛОС: Был, он 12 лет там.

Сталин: Он просил Серго Орджоникидзе, чтобы он устроил ему свидание со мной, так как Якир имеет сообщить мне очень интересное дело, но так, чтобы Ворошилов этого не знал. Я Серго Орджоникидзе обложил как следует за маклерство, сказал, что он маклерские штуки должен бросить. Он и раньше всякое сомнительное пособничество на себя брал. Я ему сказал: передайте Якиру, что если он что-нибудь хочет мне сказать, он может придти, но все, что он мне скажет, я в тот же день доложу наркому и политбюро, ничего скрытого от ЦК и от Наркома обороны не должно быть, так, мол, ему и скажите. Он смылся, не захотел этого, и с тех пор я его не видел, вот с какого времени.

Комдив Л.Г.Петровский (командир элитной Московской Пролетарской дивизии) добавил: «Тов. Сталин, Якир нам всем говорил об этом».

Сталин: «Врал. Он так испугался, что я не хочу с ним иметь секретов от ЦК и от наркома по оборонным делам, что он больше не стукнулся ко мне. Бывало такое дело, что - либо Гамарнику, либо Орджоникидзе (он бывал часто у него) он что-нибудь расскажет, надеясь, что те мне расскажут. Ну, скажут, а я плюю, ну бог с ним, кто хочет говорить, должен честно придти, поговорить, это не секрет, это должны знать члены ЦК, а если дело военное, нарком должен знать. Ни разу больше Якир ко мне не пытался придти. Дважды мы на совещаниях встречались. Он имеет право сказать, что он у меня был на совещании. Единственный раз после того, он был у меня, пришел в кабинет после ареста Гарькавого – это было в 1937 году - и сказал: я виноват, т.Сталин, у нас, мол, жены – сестры. Я с ним близок был, я не ожидал, что он такой человек, это моя вина. Ну, что же. С 1932 года до 1937 года он не бывал у меня.

ГОЛОС: Значит, все врал.

Л.Г.Петровский: Товарищ Сталин, я утверждаю, когда я был на Украине, с Якиром я частенько виделся. Я заходил к нему, он тогда при приезде говорил, что он у Вас в доме чуть ли не желанный гость, каждый раз у Вас бывал. То же самое и у тов. Молотова, и у Кагановича. Рассказывал всякие разговоры с Вами.

Сталин: Раз был он, Уборевич, я, Молотов, кажется в прошлом году.

ГОЛОСА: Тоже и Уборевич говорил. Это тактика, все ясно.

Дубовой: Товарищи, и поэтому у нас не было не только каких-либо подозрений, но даже, я за других не отвечаю, но у меня не было ни малейшего сомнения в этом человеке, который оказался шпионом.

Сталин: У нас тоже не было сомнения.

Дубовой: И почему еще присматривались к нему? Он был против деления Украинского военного округа. Заставили его, поделил. Назначат или не назначат его начальником Генерального штаба, Якир может отказаться. Якир не желает ехать – не едет. В 1935 году Вы с Климент Ефремовичем в Политбюро решаете на авиацию Якира послать. Климент Ефремович мне объявляет в вагоне, только, говорит, ты ему не болтай. Я вообще не болтаю, говорю: слушаю. Некоторые командиры говорят – Якир не захотел, Якир не едет. Он какую-то силу имел, т. Сталин.

Ворошилов: А вы перед силой дрожите.

Дубовой: Но, позовите, есть решение Политбюро, есть высший орган и этот человек не подчиняется решению Политбюро. Ходатайствует, заявил, что не пойду. И Туровский первый сказал, что это еще посмотрим. Если Якир не захочет, он не пойдет.

ГОЛОС: Правильно, и Уборевич так же говорил.

Сталин: Я просьбу уважил и просьбу Уборевича тоже уважил. Раз не хотят, ничего не выйдет. И Уборевич и Якир они мне посыпали телеграммы, просили после этого решения – примите. Я говорю: не приму, у вас есть нарком. Я знаю, для чего хотят прийти, просить – нельзя ли перерешить. Я был в Сочи тогда и указал им – не приму, потому что хотел знать, как военные думают. Если военные согласны, чтобы перерешен был вопрос, тогда другое дело. Но чтобы я с ними переговорил, чтобы я отменил решение Политбюро – я их не отменил»¹³⁸.

Дубовой: Но у нас, т.Сталин, какое впечатление! Якир захотел и решение Политбюро для него меняется. Значит власть, значит сила, с которой считаются. Все считаются с Якиром, а мы тоже ему в рот смотрим.

Сталин: У нас бывает так, не Якир, а пониже человек назначается и он имеет право прийти и сказать: я не могу или не хочу, и мы отменяем.

Дубовой: Имеет право. Но он несколько раз делал, он систематически не хотел уйти с Украины. Теперь понятно, почему он не хотел.

Ворошилов: Товарищ Сталин сказал, что тут что-то серьезное есть, раз он не хочет ехать с Украины. Теперь многое можно говорить. Но я не хотел этих людей иметь здесь на авиации.

Сталин: Здесь мы легко бы их разоблачили. Мы бы не стали смотреть в рот, как т.Дубовой (смех)»¹³⁹.

Дубовой: Назначают ко мне начальником Политического управления округа Щаденко. Я сказал, что я беру его, я знаю, что Ефим Афанасьевич будет работать. Первый меня встречает Тухачевский и говорит: он тебя заест, он такого агнца, как Корк, заел, почему ты не откажешься.

¹³⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 59. л. 67-71.

¹³⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 59. л. 72.

Ворошилов: А ты и испугался, что он такое слово выговорил.

Дубовой: Я сказал, что я начальника Политуправления округа не подбираю, а его назначает Народный Комиссар. Это дело не моего ума подбирать себе начальника Политуправления.

Ворошилов: Ума хватило бы, только власти нет.

Дубовой: А власть определяет одно и другое. Товарищи, конечно, теперь и я стал умным. Конечно, самым позорным, самым постыдным образом проглядел я, ничего не видел, абсолютно ничего, товарищи, я не видел¹⁴⁰.

«А как работал Якир, хорошо, средне или плохо? – задал вопрос Молотов. - Вот здесь говорили, что у него очковтирательство было».

Дубовой: «Хорошо работал. В 1935 году маневры проводили, когда все командиры, все посредники ездили по местности, посмотрели, маневры были слаженные», - честно ответил Дубовой. С этой оценкой согласился и Нарком обороны: «В 1935 году маневры были проведены хорошо».

Дубовой: «Сказать, что была плохая подготовка, несмотря на то, что он враг, предатель, я не могу сказать.

Молотов: А как насчет лиц, которых он подбирал, они не вызывали сомнения?

Дубовой: Это было.

Буденный: Подозрения были.

Дубовой: Насчет Губенко и Примакова. С Буденным он говорил.

Вот тут говорили о 5-километровом наступлении, в частности на Украине этого дела не было. По 4-5 километров мы людей не гоняли. Мы считали 2-3 километра максимально можно идти на укрепленную полосу. И когда во время белорусских маневров Климент Ефремович спросил меня, а у тебя так же гоняют людей, я ему ответил – вот свидетель т. Егоров, что у меня этого нет. А Уборевич доложил тогда, что этому так учат у нас»¹⁴¹.

В конце своего выступления Дубовой призвал ликвидировать остатки вредительства в армии и выдвинуть на место арестованных врагов молодые кадры.

Дубовой: Я думаю, что больше всего надо выкорчевывать корешки на Украине, где этих якировских корешков очень много.

ГОЛОС: И примаковских.

Дубовой: Якировских, что там примаковских. Здесь надо выкорчевать до конца, это наша святая обязанность, точно также как нашей святой обязанностью является выдвижение молодых кадров. Несомненно, войска и Харьковского и Киевского округов, как и вся Р.К.К.А. будут достойны возложенных на них задач и справятся с этими великими задачами»¹⁴².

¹⁴⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 59. л. 73-74.

¹⁴¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 59. л. 74-75.

¹⁴² РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 59. л. 76.

4 июня выступил начальник Академии Генерального штаба Д.А.Кучинский, много лет проработавший с Якиром. В то время, как все выступавшие ругали арестованных командиров, Кучинский пытался дать своему бывшему командующему объективную характеристику: «Якира я считал хорошим тактическим, грамотным командиром, очень хорошим методистом, высококультурным в оперативном отношении. Мы его методы, методы проведения военных игр, методы проведения полевых поездок, авиационных поездок, методы учения с войсками считали наиболее новыми, совершенными после того, как он поучился в Германии. Мы его считали стопроцентным большевиком и не могли не считать стопроцентным большевиком. Он иногда говорил о том, как он боролся с Троцким, как Троцкий его ненавидел. (Голоса: Ну, это ложь. Важно, что он делал. Молодой орел) Товарищи, мы видели, какое он имеет большое влияние на дела Наркомата Обороны. Он часто говорил, что целый ряд крупнейших вопросов, вопросы вооруженных сил, вопросы оперативных планов решаются только тогда, когда посоветуются с Уборевичем и Якиром. Он рассказывал, например, целый ряд интимнейших сцен, которые происходили у него, когда с ним разговаривал т. Сталин. Он говорил, что когда шел вопрос о 8-ми или 10-тысячных стрелковых дивизиях, обсуждали этот вопрос, а потом т. Stalin нагнулся к своей дочери и спросил: ты за какую дивизию? А потом говорит: она сказала, что она за 10-тысячную дивизию. Это меня покоробило. Он рассказывал частенько, почти каждый приезд из Москвы, как он говорил с т. Сталиным (Голоса: Вот так подлюга, какая сволочь)

Молотов: Как вы понимали такие вещи, как утку или всерьез принимали?

Кучинский: Меня покоробило.

Молотов: Значит вы всерьез принимали такие вещи?¹⁴³.

Кучинский так охарактеризовал обстановку, сложившуюся в округе: «Я должен сказать, что это было дубанство целое, самое настоящее дубанство и еще какое. Ведь все важнейшие вопросы – оперативные, мобилизационные, вопросы строительства вооруженных сил – решались так, как хотел Якир. А вопросы кадров. Если подумать, как подбирались кадры, то их можно разделить на 3 категории. Одна категория знала, что такое Якир. Другая категория людей, на которых он мог положиться, если бы был переворот. (Голоса: Назовите фамилии). Я могу назвать фамилии. По первой категории, которые могли его знать, здесь говорили о Григорьеве. Я, например, не верю Григорьеву – начальнику корпуса. Вторая категория. Вот возьмем Киевскую механизированную бригаду. В конечном счете в Киеве должны были сосредоточиться 5 механизированных бригад, включая те, которые из Харькова должны придти. Мы две фамилии знаем. А возьмем

¹⁴³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, л. 90-91.

фамилии остальных трех из механизированных бригад. Нам известны: Карев, пьяница; Евдокимов, Богданов. И, наконец, была третья категория людей, которые верили Якиру, которые прохлопали, которые не знали и честно служили делу. (Голос: Якиру честно служили?) Делу честно служили»¹⁴⁴.

В разговор вмешался Stalin: «Можно вам один вопрос задать? Я вас первый раз вижу и хочу уважать вас. Вижу, что вы человек, который мог бы быть очень полезным армии.

Ворошилов: Мы до сих пор считали, что он был полезен.

Stalin: Вот у меня показания Уборевича: «Возвращаясь к разговору с Тухачевским в марте 1935 г. считаю необходимым показать, что он мне тогда же назвал, как принимавших активное участие в заговоре, Якира, Гамарника, Эйдемана и Корка и как участников этого заговора Роговского, Фелицкого, Ольшанского, Аппогу, Кучинского и, кажется, Левичева». Что вы можете сказать?

Кучинский: Я могу сказать, что я никогда в заговоре не участвовал (Голоса: Брет)

Stalin: Я извиняюсь, я вас прервал, но если вы мне разрешите, то я хотел бы маленький перерыв допустить. Люди, которые здесь сидят, их не всегда увидишь, и вот я при них хочу у вас спросить. Вот что говорит Уборевич о тов. Мерецкове – вы, конечно, за него не отвечаете. Уборевич пишет: «Мерецкова я вовлек в мае 1936 года, когда вместе с ним отдыхал в Сочи». Это заявление вызвало протест со стороны Мерецкова. Stalin его успокоил: «Вы не волнуйтесь т. Мерецков. Наше дело разобрать и проверить. Я, как коммунист коммунистам докладываю». Далее Stalin зачитал показания Уборевича, что у него всегда были с ним близкие отношения с Мерецковым, который принимал очень активное участие в делах заговорщиков.

Мерецков воскликнул: «Это ложь. Я заявляю со всей ответственностью, что это ложь».

Stalin спокойно произнес: «Может быть. Дай бог, чтобы это было ложью. Может быть, он оклеветал вас»¹⁴⁵.

Кучинский продолжал: «Товарищи, как относился Якир к штабу, как относился Якир к Генеральному штабу? Относился пренебрежительно. (Голоса: По существу надо ответить). Товарищ Stalin, я вам уже доложил, что я ни в каком заговоре не участвовал и меня никто не вовлекал (много реплик). Товарищи, как я относился к начальнику Генерального штаба? Я относился к т. Егорову неважко и это я говорил т. Егорову лично в его

¹⁴⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, л. 92 – 93.

¹⁴⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, л. 96.

собственном кабинете. Об этом я говорил лично Народному комиссару, когда он приказал, чтобы я пришел в Генеральный штаб. Почему я так относился? Потому что мне казалось, что если я начальник (штаба) Киевского округа, то я делаю больше, нежели бы я сидел в Генеральном штабе.

Голос: А почему вы относились плохо, объясните?

Кучинский: Почему я относился так? По двум причинам: с одной стороны, потому что меня натравливали... (Голос: кто натравливал?) А с другой стороны, Генеральный штаб, т. Сталин, работал неудовлетворительно». (Голос: Кто натравливал?) Кучинский молчал. Вновь из зала от него потребовали ответа: «Кто вас натравливал на начальника Генерального штаба? Скажите конкретно». Поскольку Кучинский молчал, ему на помощь пришел Ворошилов: «Ясно, что Якир». Кучинский подтвердил: «Якир, конечно»¹⁴⁶.

Кучинский не поддался общему настроению и не захотел чернить своего бывшего командира: «Я видел его личную жизнь. Он был очень скромным человеком, не пил никогда. В личной жизни он был почти святой человек (Шум в зале. Возгласы возмущения) (Голос с места: Чего ты врешь)

Кучинский: Я присматривался к его личной жизни и скажу прямо, что он был хорошим человеком.

Ворошилов согласился с этой оценкой личных качеств Якира, сказав тем, кто пытался представить всю жизнь и работу арестованного военачальника исключительно в черном цвете: «Нельзя выдумывать того, чего не было. То, что вы были с ним большим другом, это тоже правильно».

Кучинский: Так точно. Я даже скажу больше. В сентябре 1936 года, когда Александр Ильич взял меня в вагон в 3 или в 4 часа ночи, когда мы ехали на белорусские маневры, говорили о Шмидте, т. Буденный тоже там был. Буденный вдруг вскакивает и говорит: «А Якир все-таки троцкист». А я отвечаю: «Это неправда, это ложь». (Шум в зале) (Голос с места: Он же и был троцкистом)

«Но он этого не знал», - защитил Кучинского Сталин.

Кучинский: «Буденный говорит, что он сейчас является троцкистом».

Буденный: «Я нутром чувствовал. Данных не было, но вижу, что враг»¹⁴⁷. Маршал Егоров напомнил некоторым конармейцам, что они раньше восхищались военными талантами Тухачевского: «И нечего скрывать, товарищ Григорий Иванович Кулик, что на последнем Военном совете в кулуарах, после речи Тухачевского о боевой подготовке, вы говорили: гениальная речь! (общий смех) А тут об этом умалчиваете. Нужно иметь

¹⁴⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, л. 97-99.

¹⁴⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, л. 99-100.

смелость большевика, Григорий Иванович, чтобы называть вещи своими именами. Вот сидит Щаденко, он может подтвердить.

Еще хочу сказать Тюленеву. Вы сидите и качаете головой, когда кто-нибудь говорит о том, что было, а я вас спрашиваю, почему вы говорили тоже самое? Мы с вами раза три-четыре встречались вместе с Тухачевским, выпивали...

ТЮЛЕНЕВ: Один раз только.

ЕГОРОВ: Какой там один раз! Разве вы не говорили о гениальном руководстве погашением тамбовского восстания (общий смех). Правильно ведь это я не зря говорю. Эти отдельные моменты и создавали ореол вокруг Тухачевского.

А Мерецков! Вот вы говорите о вашей гордости, об испанских событиях, партия никогда не отнимет у вас этого, но где вы были на протяжении ряда лет вашей работы с Уборевичем? Будучи начальником штаба округа, по службе в Генеральном штабе, подчиненный мне, вы ни разу не были у меня по этому поводу.

ВОРОШИЛОВ: А вы его ни разу не вызывали.

ЕГОРОВ: Я вызывал, я говорю, что он не был у меня, так сказать в партийном порядке»¹⁴⁸.

Комдив Л.Г.ПЕТРОВСКИЙ самокритично признал, что упреки наркома справедливы: «Мы не давали ему достаточных сигналов ... Мы имели все же достаточные данные для того, чтобы твердо ставить эти вопросы».

«Безусловно», - согласился Буденный.

ПЕТРОВСКИЙ: Я приведу некоторые случаи. Вот здесь сидит Тюленев. Мы с ним долгое время тому назад говорили о том, что у нас что-то неладное, что дело упирается не только в кучку каких-то людей, но идет дальше, что оно упирается в Якира и даже в Гамарника. Мы находили смелость обсуждать эти вопросы между собой, но не ставили их дальше. С Иваном Панфиловичем Беловым мы тоже откровенно говорили о том, что вопрос упирается очевидно не только в Туровского, но идет значительно дальше, потому что мы наблюдали жизнь этих людей, видели, кто с кем связан. Иван Панфилович даже говорил, что он прямо ненавидит, не может равнодушно смотреть на Уборевича, а я ему говорил, что вопрос на Украине затрагивает и Якира. Но дальше этого дела мы не повели. Не хватило большевистской смелости пойти поставить вопрос, где следует»¹⁴⁹.

2 июня 1937 года на заседании ВС НКО выступил Сталин. Он заявил, что «несомненно здесь имеет место военно-политический заговор против Советской власти, стимулировавшийся и финансировавшийся германскими фашистами»¹⁵⁰. Так как во многих выступлениях причина предательства

¹⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, л. 79-82

¹⁴⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 59, л. 1-2.

¹⁵⁰ Источник. 1994. № 3. С. 73.

объяснялась непролетарским происхождением некоторых обвиняемых и их давними связями с троцкистской оппозицией, Сталин счел нужным высказаться по этому поводу: «Говорят, Тухачевский помешик, кто-то другой попович. Такой подход, товарищи, ничего не решает, абсолютно не решает ... Это не марксистский подход. Это, я бы сказал биологический подход ... Я не с этой стороны буду анализировать этих людей». Сказав, что если человек 15 лет назад голосовал за троцкистскую платформу, это не значит, что ему сегодня нельзя доверять, генсек призвал судить о людях по их сегодняшней практической работе.

В чем же он обвинил арестованных? В том, что они бывали в Германии, встречались с немецкими представителями, это, по его мнению, было достаточной уликой для обвинения в шпионаже. «Имел свидание с представителями немецкого рейхсвера. Шпион? Шпион»¹⁵¹. Можно подумать, что советские военачальники по собственной инициативе тайком ездили в Германию и вели там секретные переговоры с гитлеровцами. Ведь дело обстояло совсем иначе. В 20-е годы между советским и немецким правительством существовали соглашения о военном сотрудничестве. В Липецке и Казани обучались немецкие летчики и танкисты, а в Берлин для обучения в военной академии и для наблюдения за маневрами рейхсвера ездили И.П.Белов, А.И.Егоров, П.Е.Дыбенко, И.П.Уборевич, Р.П.Эйдеман, И.Э.Якир и другие красные полководцы. Военное сотрудничество СССР и Веймарской Германии принесшее пользу обеим сторонам, было свернуто в 1933 году с приходом к власти Гитлера. Stalin, сам посыпавший своих генералов на учебу и переговоры в Германию, теперь им же поставил это в вину.

Надо было как-то объяснить причины появления заговора. Stalin сказал, что эти люди во время пребывания в Германии были завербованы, получили деньги от врага, а затем под угрозой разоблачения были вынуждены выполнять все указания своих зарубежных хозяев и требования Троцкого. «Сегодня от них требуют – дай информацию. Не дашь, у нас есть уже твоя расписка, что ты завербован, опубликуем. Под страхом разоблачения они дают информацию. Завтра требуют: нет, этого мало, давай больше и получи деньги, дай расписку. После этого требуют – начинайте, заговор, вредительство. Сначала вредительство, диверсии, покажите, что вы действуете на нашу сторону. Не покажете – разоблачим, завтра же передаем агентам советской власти и у вас головы полетят. Начинают они диверсии. После этого говорят – нет, вы как-нибудь в Кремле попытайтесь что-нибудь устроить или в Московском гарнизоне и вообще займите командные посты. И они начинают стараться как только могут. Дальше и этого мало. Дайте реальные факты чегонибудь стоящие. И они убивают Кирова. Вот, получайте, говорят. А им говорят идите дальше, нельзя ли все правительство

¹⁵¹ Источник. 1994. № 3. С. 73-75.

снять...Летят донесения, что есть группа, все сделаем, арестуем и прочее»¹⁵².

В объяснениях Сталина и немецкие хозяева, и сами «заговорщики» выглядят очень глупыми людьми. Если бы немецкая разведка имела в СССР таких высокопоставленных агентов, то она должна была бы их беречь, как зеницу ока, а не толкать их на идиотские авантюры: отравление солдатской пищи, поджоги казарм, организацию крушения поездов и теракты против отдельных руководителей. Подобное поведение неизбежно привело бы к разоблачению агентуры и потере ценнейших источников информации. Руководители абвера, разумеется, не были глупцами и не стали бы губить своих информаторов, находящихся в высших эшелонах армии будущего противника. Выступая перед военачальниками, Сталин был уверен, что ни один из них не посмеет открыто выступить с разоблачением его нелепой версии.

Существует версия, что весной 1937 года фашистская разведка сфабриковала документы о сговоре советских и германских генералов, якобы стремившихся избавиться от контроля со стороны высшего политического руководства своих стран. Эти фальшивые документы с помощью президента Чехословакии Э.Бенеша будто бы были переданы Сталину и послужили основанием для расправы над Тухачевским и другими. Однако, ни в следственных материалах по делу о «военно-фашистском заговоре в Красной Армии», ни в документах Военного Совета 1–4 июня, ни в протоколах судебного заседания 11 июня 1937 года никакие документы из «Папки Бенеша» не фигурировали. Никаких следов этих документов не удалось обнаружить ни в личном архиве Сталина, ни в архиве Политбюро. Скорее всего это одна из многих легенд, пущенных в оборот Вальтером Шелленбергом и другими гитлеровскими разведчиками.

Для расправы с генералами Сталину вовсе не требовались документальные подтверждения их виновности. Вполне достаточно было их собственных признаний, полученных на допросах с пристрастием в НКВД. Располагая протоколами допросов, в которых содержался компромат на весь высший командный состав Красной Армии, Сталин по мере необходимости давал ход этим материалам, уничтожая одну группу военачальников за другой.

В ходе заседания Сталин неоднократно говорил тому или иному из присутствующих, что на него тоже есть показания врагов народа, но беспокоиться по этому поводу не следует, мол НКВД во всем разберется. Однако некоторые из ораторов предлагали упомянутым в протоколах допросов выйти на трибуну и покаяться.

«В тех материалах, которые были разданы, там фигурируют фамилии некоторых товарищей, которых называли враги, это Векличев, Подорский (ошибка: правильно – Тодорский – А.П.). Мне кажется надо потребовать,

¹⁵² Источник. 1994. № 3. С. 75-76.

чтобы они рассказали, почему враг называет их имена, почему он делает на них ставку», - предложил командарм Левандовский.

«Мы как решаем вопрос об аресте? - пояснил генсек. - Бываю случаи, что называют фамилии, но могут назвать случайно. Мы проверяем. Например, Ефимов назвал Кулика. Мы спросили, правильно он назвал, он сказал, что ошибся. «Почему?» «Мне казалось, что его можно было бы завербовать». Вождь заявил, что верит не всем показаниям арестованных: «Они в ряду преступников могут назвать и наших людей. Многие из них, сидя, продолжают с нами борьбу, не всех выдают. Вы знаете, что Тухачевский часть выдал, потом стал больше выдавать. Фельдман часть выдал, потом стал больше называть. Корк не сразу назвал. Поэтому мы чувствуем большой долг ответственности, как бы не ошибиться. И мы вовсе не думаем, что каждая строчка показаний преступника для нас закон. Мы это проверяем перекрестно, всячески потом совещаемся и после этого решаем вопрос».

Но упрямый Левандовский не унимался: «Тов. Сталин, я не говорю об аресте сейчас же, я говорю, поскольку враги называют их фашистами, надо, чтобы они в своем выступлении облегчили положение и партии, и Красной Армии, и сами сказали. Какое может быть доверие к этим людям! Я думаю, то, что я сказал, переживает большинство из нас».

Сталин объяснил, что попытки самооправдания в ходе заседания решающей роли не сыграют: «Я вам скажу больше, если некоторые товарищи разовое заявление сделают, то это для нас не закон. Мы все проверяем перекрестно»¹⁵³.

Сталин заявил, что Тухачевский и другие действовали по прямому указанию немецкой военщины. «Это собственноручное сочинение германского рейхсвера. Я думаю, эти люди являются марионетками и куклами в руках рейхсвера ... Заговор этот имеет, стало-быть, не столько внутреннюю почву, сколько внешние условия, не столько политику по внутренней линии в нашей стране, сколько политику германского рейхсвера. Хотели из СССР сделать вторую Испанию и нашли себе, и завербовали шпиков, орудовавших в этом деле. Вот обстановка»¹⁵⁴.

Слова о второй Испании прозвучали не случайно. С лета 1936 года республиканское правительство этой страны вело войну против франкистов, заявлявших, что у них есть мощная агентура в рядах республиканцев, так называемая «пятая колонна». В республиканской армии и в органах власти активно действовали анархисты, троцкисты, социалисты и коммунисты. Политический разброд и отсутствие твердой дисциплины пагубно влияли на ход войны. Stalin был крайне обеспокоен этим и стремился не допустить повторения подобной ситуации в СССР.

¹⁵³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 58, л. 131-132.

¹⁵⁴ Источник. 1994. № 3. С. 76-77.

«Плохо сигнализируете,- упрекнул вождь слушателей, - а без ваших сигналов ни военком, ни ЦК, ничего не могут знать. Людей посылают не на 100% обсосанных, в центре таких людей мало. Посылают людей, которые могут пригодиться. Ваша обязанность проверять людей на деле, на работе и если неувязки будут, вы сообщайте. Каждый член партии, честный беспартийный, гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет, правда, хотя бы на 5%, то и это хлеб. Обязаны посыпать письма своему Наркому, копию в ЦК... Разве вам когда Ворошилов запрещал письма писать в ЦК? (Голоса: нет, никогда). Кто из вас может сказать, что вам запрещали писать письма в ЦК? (Голоса: нет, никто). Поскольку вы отказываетесь писать в ЦК и даже наркому не пишете, о дела, которые оказываются плохими, то вы продолжаете старую троцкистскую линию»¹⁵⁵. Stalin требовал, что бы генералы писали доносы. Его вполне устраивало, если в них будет 95% лжи и лишь 5% правды. При таком подходе злоупотребления карательных органов, аресты невиновных стали неизбежны.

Объявив, что по военной линии уже арестовано 300-400 человек, Stalin призвал присутствующих не смущаться этим обстоятельством, ибо в нашей армии непочатый край талантов. Надо лишь смелее выдвигать их снизу. Stalin рассказал, что Тухачевский с Уборевичем просили послать их воевать в Испанию, но Политбюро решило иначе, послало людей неизвестных, которые в Испании показали себя блестяще. В качестве примера были названы командир механизированной бригады комбриг Д.Г.Павлов, заместитель командующего ОКДВА корпусный комиссар Я.К.Берзин и офицер для поручений наркома обороны Г.М.Штерн. «Никто не думал, и я не слыхал о способностях командующего у Берзина,- говорил Stalin,- А посмотрите, как он дело наладил? Замечательно вел дело. Штерна вы знаете? Всего навсего был секретарем у т. Ворошилова. Я думаю, что Штерн не намного хуже, чем Берзин, может быть не только (не) хуже, а лучше. Вот где наша сила - люди без имен ... Вот из этих людей смелее выдвигайте, все перекроят, камня на камне не оставят. Выдвигайте людей смелее снизу. Смелее – не бойтесь»¹⁵⁶. Этими бодрыми словами Stalin закончил свое выступление на Военном совете. Самое интересное, что названные им люди действительно храбро сражались в Испании, за что получили высокие звания и награды, но впоследствии все трое были расстреляны: Берзин – 29 июля 1938 года, Павлов – 22 июля 1941 г., а Штерн – 28 октября 1941 г. Так трагически закончилось смелое выдвижение новых военачальников.

Выступая с заключительным словом, Ворошилов напомнил, что армия у нас очень большая, за последние пять лет ее численность выросла вдвое.

¹⁵⁵ Источник. 1994. № 3. С. 80.

¹⁵⁶ Там же. С. 83.

Одних только офицеров стало свыше 200 тысяч. «Мы за последние пять лет около 50 с лишним тысяч вычистили из армии всякого хлама негодного. За последние годы мы тысячи людей выбросили, в том числе и троцкистов, - тем не менее в этом конгломерате человеческом осталось много всяких людей»¹⁵⁷. Нарком обороны пытался отвести от себя обвинения в том, что армия оказалась засорена врагами: «Ведь ни я, никто в отдельности не могли знать всех людей. Мы все начальники должны знать людей как самих себя, обязаны знать. Вы думаете Фельдман как? Он знал очень многих людей, и потому очень много подлости творил. Я был заключительным аккордом. Подписывал, но вы, мои друзья...»

«А Булин знает людей?» - перебил его Сталин.

«Булин будет знать лучше людей, потому что он знает наших людей, а не только врагов, а те больше знали врагов», - уверенно заявил нарком и продолжил: «Враг направлял свою подлую работу, главным образом, по самым наиболее чувствительным участкам. Он подсаживал своих людей в авиацию, мотомехвойска, в химические части, в части связи и на склады, как я уже сказал, в морские силы, имейте ввиду, в морские силы. Одним словом, туда, где больше всего трудностей, туда, где больше всего техники, туда, что больше всего имеет значение для будущей обороны, - туда и направлял своих людей. Оттуда придется изымать больше всего всякой дряни и по-настоящему ковырнуть всю эту бражку, вычистить оттуда. Но одновременно, товарищи, повторяю, если вы не повернете на несколько иной лад работу, если вы по-настоящему не возьметесь за воспитание кадров, то очищенная армия, она очень быстро может быть засорена. У нас армия громадная»¹⁵⁸. Таким образом было объявлено, что чистка офицерского состава еще только начинается и будет проводиться с большим размахом.

Сталин возмущался, что партия направила в армию своих лучших членов, чтобы они заняли командные должности в передовых родах войск, а наркомат на эти посты назначил других людей. Состоялся эмоциональный диалог:

«Сталин: Мы мобилизовали для Красной Армии отобранных коммунистов для бронетанковых частей. Когда мы стали просматривать ваш командный состав танковых частей, то мы поражались, почему у вас во главе танковых частей сидят не те, которых мы мобилизовали.

Ворошилов: У нас танковых частей очень много.

Сталин: Все-таки не пять тысяч.

Ворошилов: Десятки.

Сталин: Для десятков частей вы могли попросить у ЦК, и ЦК вам даст.

Ворошилов: Сразу они командовать не смогут, его надо еще учить.

Сталин: Разве у вас не учат людей?

¹⁵⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 61, л. 119.

¹⁵⁸ Там же. С. 123-125.

Ворошилов: Учат, но для того, чтобы вырос командир бригады проходит довольно значительный срок времени.

Сталин: Что у вас были большими знатоками танкового дела вот эти Абашидзе и другие. Он бывший кавалерист царской армии»¹⁵⁹.

Как видим, генсек напористо атаковал, а нарком пытался ему втолковать, что даже самым лучшим коммунистам, не знающим военного дела, нельзя доверять командование. Анализ стенограммы показывает, что в тот период Stalin довольно слабо разбирался в сугубо армейских проблемах, не был знаком с военной терминологией, лично знал лишь небольшую часть высшего командного состава Вооруженных Сил, допускал ошибки в трактовке функций тех или иных военных структур. Со временем Stalin ликвидировал этот пробел, лучше изучил советский генералитет, освоил основы военной стратегии и со знанием дела высказывался по вопросам строительства Вооруженных Сил. Но все это будет позже, в начале сороковых годов, а в 1937 году Stalin пытался решать военные вопросы наскоком, опираясь на свой довольно ограниченный опыт периода гражданской войны.

Кучинский сообщил некоторые подробности о прошедших в 1936 году стратегических играх, во время которых разыгрывался сценарий будущей войны с Германией и Польшей. В этой игре Тухачевский командовал немецкими войсками, а Уборевич – советскими. Кучинский: «Я на последней стратегической игре участвовал начальником штаба у Гитлера, у Тухачевского...

Ворошилов: Он очень хитро дал себя разгромить. Его совершенно разгромил Уборевич.

Сталин: А другой был Геринг?

Ворошилов: Нет. Уборевич командовал своим Западным фронтом, а тот командовал за Гитлера объединенными польско-немецкими силами. Уборевич его совершенно разгромил. Как он мог дать себя так громить.

Голос с места: Это было решение не Уборевича.

Ворошилов: Тут все было разыграно. Очки втирали.

Кучинский: Я должен сказать, что в эту игру Тухачевский вносил необычайную страсть. Он говорил. Что у германцев должно быть больше сил. У него должно быть еще 30 резервных дивизий, он требовал на 20-е сутки дать ему еще 20 дивизий. Шла речь о пяти механизированных дивизиях...

Сталин: А в своих показаниях он говорит, что у них было три механизированных дивизии.

Кучинский: Нет. Я от Никонова слышал: три механизированных дивизии, четвертая формируется, и есть кадры для пятой дивизии. Говорили, что 5 танковых дивизий у германцев, может быть, это было в присутствии

¹⁵⁹ Там же. С. 127-128.

Меженинова. Тухачевский настаивал на том, чтобы возможно больше сил дать германцам. Я считаю, что эта военная игра, которая проведена в 1936-1937 гг, должна быть как следует продумана, и вывод из нее надо сделать не только прямые, но и от обратного.

Ворошилов: Правильно.

Кучинский: От обратного надо сделать выводы.

Сталин: По какой линии германцы вели наступление?

Кучинский: Я докладывал т. Меженинову, мог быть совершенно другой вариант, который не предусматривался. Я не имею права здесь об этом говорить.

Сталин: По какой линии Гитлер шел в наступление у Тухачевского, не помните?

Кучинский: Я помню хорошо.

Сталин: На правом фланге?

Кучинский: Я не хочу нарушать нейтралитет Литвы. Красные сами не могут нарушить нейтралитет Литвы без больших политических последствий. Был сделан У.Р. в районе Гродно. Я нанес удар по его правому флангу. Главную силу гитлеровцев я направляю против Якира...

Ворошилов: У него демонстративные действия очень серьезные.

Кучинский: Я говорил т. Меженинову: есть третий вариант, гораздо более страшный и опасный, для которого мы не имеем сил. Я не имею права здесь докладывать об этом, т. Меженинов может подтвердить, в его кабинете я докладывал¹⁶⁰.

Поскольку на Военном совете много говорили о вредительстве, Кучинский не обошел и эту тему: «Могли ли мы заметить какое-нибудь вредительство в Украинском или Киевском военном округе? Не могли видеть вредительства, но недочетов, недостатков видели очень много, в частности по укрепленному району. Наш Укрепленный район в противотанковом отношении беззащитен, потому что огневые точки можно заблокировать танками – три танка, пять танков и три огневые точки, они сами заперты. Тут дело в том, что мы противотанкового оружия не имеем. Наш укрепленный район в противотанковом отношении беззащитен. Очень много бумаг мы писали в ЦК. Как мы писали? Якир говорит: Надо написать в ЦК бумагу, но надо и Ворошилову написать. Чтобы Ворошилов не обиделся, пишите: Ворошилову, а потом то же самое Сталину, но не писать копия с копии. Можете в первом отделе Киевского военного округа увидеть эти материалы, брал с собой и увозил в ЦК ВКП(б) т. Сталину.

Сталин: Я ничего не получал.

Кучинский: О железной дороге на Житомир.

Ворошилов: Относительно дороги было.

Сталин: Это было, я думал, что-либо серьезное.

¹⁶⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, 100-104.

Ворошилов: Кончайте.

Кучинский: Самое больное дело, я хочу доложить о штабной подготовке, о наших штабах. Товарищ Сталин, для меня сейчас понятно, почему мы до сих пор не можем выйти из прорыва, который имеется в подготовке наших штабов. Эти люди были за штабы. Я в течение 4-х заседаний Реввоенсовета докладывал, что нам нужен Генеральный штаб. Есть в стенограмме все это. Как будто бы эти люди хорошо к этому делу относились, а ничего не выходило. Штабных работников игнорировали, штабных работников никогда не поощряли. Часто Якир говорил: Командиру слава, а штабным работникам работа. Или говорил: большим быть, чем казаться. Никогда нас, штабных работников не награждали, штабные работники, пожалуй, и сейчас бегут из Генерального штаба»¹⁶¹.

Об обстановке, царившей в зале заседания, можно узнать из воспоминаний участника событий генерала Полищук: «Сталин внимательно слушал оратора, пристально смотрел на выступавшего, изредка попыхивая трубкой, а иногда вставал и прохаживался возле стола. Никаких бумаг перед ним не было, и я не замечал, чтобы он записывал что-либо. Реплики он давал редко. Замечания его были краткими. Так, во время выступления Мерецкова, когда тот клялся, что он ни в чем не виновен, Сталин сказал: «Это мы проверим», а на его заявление доказать на любой работе преданность Родине, Сталину, заметил: «Посмотрим». Все время заседаний Сталина не покидала уверенность, приподнятость настроения и даже ироничная усмешка.

Молотов, Калинин, Каганович все заседание сидели молча, с сосредоточенным видом, тоже внимательно слушали и изредка о чем-то переговаривались между собой. Ежов, напротив, вел себя очень оживленно, он то и дело вскакивал со своего места, уходил куда-то, потом снова появлялся в проходе, приближался к Сталину, шептал что-то ему на ухо, опять вскакивал и надолго исчезал из поля зрения. На лице его была квазимодовская усмешка и желание показать энергию и смелость действий. Иногда, выходя из зала, он забирал и всю команду своих помощников, которые плотно толпились у входа в зал; через час-полтора все вновь появлялись в зале, а Ежов снова шептался со Сталиным»¹⁶². По ходу заседания то один, то другой участник исчезал из зала. «Обнаруживалось это обычно после перерывов в заседании. До перерыва рядом с вами сидел кто-нибудь из командиров, а после перерыва вы его уже не могли обнаружить в зале. Все понимали, что это значит: тут же, на наших глазах, агенты НКВД хватали того или иного деятеля и перемещали его из Кремля на Лубянскую площадь. Все мы понимали, что происходит, в кулуарах фамилии исчезнувших шепотом перекатывались волнами, но в зале все молчали, с ужасом ожидая, кто следующий. Особенно крупная утечка начальников

¹⁶¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 61, л. 105.

¹⁶² Полищук К.Е. Указ. Соч. С. 31.

произошла между заседаниями, в ночь с первого на второе июня. Состав пленума потерял за это время около половины своих членов – как командных, так и политических руководителей. И опять-таки никто из многоопытных мужей не поднялся в зале и не спросил, что же это такое происходит, куда деваются наши товарищи? Все, как кролики, смотрели на Сталина и Ежова, все наэлектризованно следили за движениями Ежова и его помощников, толпившихся у входа, все следили за перешептываниями Ежова со Сталиным, все думали: «Пронеси, господи!» Над всеми царил дух обреченности, покорности и ожидания»¹⁶³.

2.2.ДЕЛА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ

На заседании Военного совета большое внимание уделили положению дел на Дальнем Востоке. Stalin рассказывал, как группа Тухачевского и Гамарника пыталась сместить маршала Блюхера с должности командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДВА).

Выступившие на заседании командующий ОКДВА маршал В.К.Блюхер, его бывший начальник штаба комдив К.А.Мерецков и командующий Приморской группы войск командарм 2-го ранга И.Ф.Федько говорили об ожесточенных спорах, интригах, борьбе группировок среди комсостава Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии.

Так как Блюхер много болел и по несколько месяцев отсутствовал, он не мог осуществлять повседневное руководство войсками Дальнего Востока. Тухачевский и Гамарник считали, что нужно назначить нового командарма. Эту же точку зрения высказывали и некоторые высшие командиры-дальневосточники.

На Военном совете разгорелся жаркий спор между двумя военачальниками – Блюхером и Федько. Оба они были героями гражданской войны, удостоенными за свои подвиги четырех орденов Красного Знамени! В 1937 году группа войск под командованием Федько входила в состав армии Блюхера. Между этими двумя героями существовали большие разногласия по поводу структуры военного управления на Дальнем Востоке. Блюхер предлагал создать на этом театре военных действий управления стрелковых корпусов, а Федько видел в этом предложении намерение маршала упразднить Приморскую группу войск и оставить его без должности.

«Товарищи, нашими врагами подготавлялось поражение не только здесь, на Западе, в Белорусском ВО, в Украинском ВО и в других округах, велась соответствующая шпионская работа. Эта шпионская работа ни в какой степени не могла не вестись и на Дальнем Востоке и несомненно, что на Дальнем Востоке подготавлялось такое же поражение, какое подготавливали Якир, Уборевич и Тухачевский здесь на западе. Я хочу доложить о той обстановке, которая складывалась в течение ряда лет на Дальнем Востоке и о той группе шпионов-вредителей, врагов народа, которая подготавливала

¹⁶³ Там же.

поражение на Дальнем Востоке. Теперь становится совершенно ясным, почему я, будучи присланным Народным комиссаром обороны, Центральным комитетом и т. Сталиным на Дальний Восток, был буквально встречен в штыки со стороны Лапина, Аронштама, Сангурского. Этой группе, несомненно принадлежит муссирование слухов о том, что т.Блюхер не вернется на Дальний Восток, что группа т.Федько, присланная Центральным Комитетом на ДВ, является варягами, призванными спасать ДВ, укреплять обороноспособность Дальнего Востока, что та работа, которая проводилась до нашего приезда, она не такая плохая и прочее.

Третье – этой же группе принадлежит травля т.Блюхера, дискредитирование командующего ОКДВА – т. Блюхера, и это дискредитирование прикрывалось на 1-й взгляд теми обстоятельствами, которые складывались лично для т.Блюхера.

БЛЮХЕР: А ты назови их, что за обстоятельства?

Федько: Я вот и хочу сказать об этих обстоятельствах. Т.Блюхер часто болел. Это же не являлось секретом ни для кого. Он долго отсутствовал на Дальнем Востоке, и по сути говоря, фактически заправилами армии являлись Аронштам, Сангурский, Лапин, и надо еще прямо сказать, т.Блюхер, что эта группа в известной степени пользовалась и вашей поддержкой. Я об этом дальше скажу. Но я ни в какой степени не хочу сказать ...

БЛЮХЕР: Не совсем так.

Федько: ...и у меня никаких данных нет, чтобы указать на то, что т.Блюхер в какой бы то ни было степени замешан в этом деле – никаких у меня данных нет, - но я знаю целый ряд фактов, и я считаю, и в этом убежден и это можно проверить, что все общественное мнение ОКДВА в лице командного состава знает отношение т.Блюхера к этой группе. Т.Блюхер к этой группе прислушивался. Это можно проверить на отношении ко мне. Я не знаю, какие могли быть претензии т.Блюхера ко мне, я ведь работал. Моя работа была видна всему народу, находившемуся в ОКДВА.

И тот же самый враг Гамарник, который приезжал, он не мог ни в какой степени умалить моей работы, потому что это значило идти против общественного мнения начальствующего состава ОКДВА. И т.Блюхер неоднократно заявлял, что он работой моей доволен и считает, что Федько хорошо работает. Ведь было так? Тем более, почему же в течение ряда лет я не встречал со стороны т.Блюхера той поддержки, на которую я мог рассчитывать.

Я это объясняю исключительно тем. Что Вы очень часто слушали Сангурского и Лапина. Вспомните разговор в машине, когда мы ехали после вечера на даче у т.Ворошилова, когда вы мне сказали в машине: Почему ты не слушаешь Лапина, почему Флоровский твой начальник штаба не слушает Лапина. Я тогда заявил, что позвольте, я в 1-й раз слышу претензию ко мне со стороны Лапина и претензию Лапина в отношении Флоровского. Вы мне

тогда заявили, что Лапин является старым командующим моим, сидит на такой должности...

БЛЮХЕР: Не совсем так.

ФЕДЬКО: Я выдумывать не буду, я всегда говорю правду. Я хорошо это помню. Что он старый командир, что его держат на должности помощника командующего войсками по воздушным силам, что есть такой Грязнов, о котором вы очень плохо отзывались, я это особо доложу. Во всяком случае, все скажут, как Блюхер был взят в плен этой группой. Как т. Блюхер к этой сволочи прислушивался, и как эта группа травила меня. Ведь я же неоднократно писал письма Клименту Ефремовичу о той обстановке, которая сложилась. И я находил в себе силы работать только благодаря тому отношению и тому доверию, которое я встречал со стороны Клиmenta Ефремовича Ворошилова и т. Сталина¹⁶⁴.

СТАЛИН: Блюхер был на ножах с Аронштамом. Впоследствии, после ряда катастроф, которые он учинил, он был на ножах с Лапиным».¹⁶⁵

ФЕДЬКО: Это все верно. Я не могу бросить какого-либо обвинения т. Блюхеру, но я говорю, что эта группа в известной степени, в практической работе поддерживалась т. Блюхером.

СТАЛИН: Он их не замечал?

ФЕДЬКО: Он их не замечал. Я считаю, что т. Блюхер должен выйти на эту трибуну и сказать об этой группе, как она меня травила, как ставила мне палки в колеса. Я ожидаю, что будет арестован и другой работник штаба ОКДВА Дзыза.

ВОРОШИЛОВ: Сангурский арестован. (арест комкора Сангурского произошел в день начала заседания Военного совета при наркому обороны – А.П.)

ФЕДЬКО: Потом, почему Сангурский награждается орденом Красного Знамени, почему награждается орденом Красного Знамени Лапин, почему награждается орденом Красного Знамени Дзыза. Разве это не свидетельствует о отношении т. Блюхера к этим врагам и вредителям. Я опять подчеркиваю, что у меня нет никаких данных говорить о том, что т. Блюхер принимал в этом какое-либо участие. Нужно прямо говорить. А то, что он поддавался их влиянию, и они очень ловко все время меня травили, травили по целому ряду казалось невинных вопросов.

СТАЛИН: Главную атаку Аронштам вел не против Вас, а против Блюхера.

БЛЮХЕР: Святая простота в Вас оказывается, т. Федько¹⁶⁶.

ФЕДЬКО: Это все верно, я говорю, что Аронштам вел травлю против меня. Тов. Stalin, вы не слышали начала моей речи. Аронштам какую задачу себеставил? Он травил Блюхера. Он травил меня. Тов. Блюхер часто

¹⁶⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 66-67.

¹⁶⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 67.

¹⁶⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 68.

отсутствовал из армии и в руках этой группы, в руках Аронштама было все управление. Я о себе говорю.

Как вся эта группа ставила палки в колеса. Возьмем отношение к моей работе. Я уже говорил, как Гамарник оценивал мою работу. Но он не мог идти против течения, он не мог идти вопреки общественного мнения и он проводил определенную линию на то, чтобы меня выкурить всякими способами из Приморской группы. Появилась теория такого порядка: надо Приморскую группу ликвидировать, надо создать корпуса. Это дело не вышло. После вашего указания т.Сталин...

СТАЛИН: После совещания.

ФЕДЬКО: Так точно.

БЛЮХЕР: Корпуса – это дело не Гамарника. Гамарник был против корпусов.

ФЕДЬКО: Я же говорю не о Гамарнике.

СТАЛИН: Это Блюхер говорил.

ФЕДЬКО: Я о Блюхере тоже скажу. Какую он точку занимал. Хотели ликвидировать Приморскую группу и создать корпуса. Кто являлся идеологом этой теории. Лапин и Мерецков, который здесь присутствует. Он носился с этой теорией, которую я провал, когда пошли на вторые маневры. Вы помните, Климент Ефремович, выпад Лапина и Мерецкова, выпад в отношении меня (целый ряд членов Совета присутствовали тогда), когда они хотели развенчать мою работу, и только благодаря тому, что они встретили решительный отпор со стороны Клиmenta Ефремовича дело и не выгорело. Что же тогда предпринимает Мерецков? Он во время перерыва заседания Военного Совета подходит ко мне и говорит: «Слушай, иди к Василию Константиновичу заместителем». А я спрашиваю, «а кто на Приморскую группу?» «Лапина посадим». Я говорю ему: «Это дело не выйдет, кто дал тебе право предлагать мне это, что ты народный комиссар что ли?»

СТАЛИН: Предлагать может каждый член партии (смех)

ФЕДЬКО: Но вот теперь совершенно ясно, к чему была направлена эта линия, к тому, чтобы меня выжить с Приморской группы и посадить своего человека.

Дальше относительно мнения т. Блюхера по этому вопросу. Здесь в «Национале» т.Блюхер тоже предлагал мне пойти к нему заместителем. Он мне говорил так: «Смотри, мыши лезут в щели». Мышами он считал ту неурядицу и тот разнобой, который создавался в штабе ОКДВА. «Надо объединить». Я говорил ему: «Василий Константинович, ты же хозяин, ты же можешь объединить всех людей».

БЛЮХЕР: У вас все как-то по-своему выходит, Иван Федорович.

ФЕДЬКО: Насчет Приморской группы я у вас не спрашивал. Я говорю то, что было, ничего не прибавляю. А потом вы мне сказали: «Слушай, я получил от Сангурского письмо, в котором он пишет, что пикадоры требуют боя быков (смех). Вот видите, сам т.Блюхер смеется, а вы ответили Сангурскому телеграммой: «Боя быков не допускать, пикадоров унять»

(смех). А что в переводе на русский язык пикадоры? Это, как говорят, травители быков. Вот он сам смеется: «Ну какой же бык Сангурский против тебя» (общий смех).

ВОРОШИЛОВ: Так ведь то – пикадоры, бык – то вы! (общий смех).

ФЕДЬКО: Помните, т.Ворошилов, я вам послал телеграмму в отношении Сангурского, который срывал строительство. Так вот по этой телеграмме, по поводу этого вопроса пикадоры требовали от Сангурского, чтобы он дал бой мне. Тогда получили соответствующий ответ со стороны Блюхера.

БЛЮХЕР: Правильный или неправильный?

ФЕДЬКО: Правильный. Я хочу характеризовать Лапина и сидящего здесь Мерецкова. Пусть он выйдет на трибуну и скажет, почему он предлагал мне идти заместителем, почему он предлагал Лапина на Приморскую группу.

БЛЮХЕР: Мерецкову вообще не мешает выйти на трибуну.

ГОЛОС С МЕСТА: Подхалим известный.

ГОЛОС С МЕСТА: Близкий друг Уборевича.

ФЕДЬКО: По какой линии шла подрывная работа? Что я чувствовал, когда там работал? Главным образом работа шла по срыву строительства. На строительстве сидел Кащеев, ныне арестованный, один из активных троцкистов. Сидел Дзыза... Я вынужден был смертным боем драться за лес, за рабочую силу. Я не встречал никакой поддержки. Я был вынужден в целом ряде случаев посыпать Василию Константиновичу телеграммы о том, что Кащеев того-то не делает, Дзыза не обеспечивает вагонами и т.д. и во всех случаях Василий Константинович брал их под защиту и всегда считал меня виновником.

БЛЮХЕР: Иван Федорович, товарищу Сталину известна, кажется, моя записка о ста тысячах кубометров леса. Это был ответ на его просьбу.

ФЕДЬКО: Дальше. Срывался план боевой подготовки. Тов. Блюхер часто отсутствовал из армии. Составляешь планы боевой подготовки. Когда их читаешь, как будто бы все в порядке. Но как система эти планы боевой подготовки срывались. Возьмите 1935, 1936 и начало 1937 года, как правило 60-70% запланированных учений не проводилось.

БЛЮХЕР: Иван Федорович, назовите, пожалуйста, какое учение армии в 1937 году у вас сорвалось?

ФЕДЬКО: А вот учение, которое вы отменили.

БЛЮХЕР: Правильно, отменил зимние маневры, на которые вы хотели вывести 9 неподготовленных дивизий.

ФЕДЬКО: Были назначены они на 15 марта, вы просили перенести на 25, так как не могли присутствовать. Я сказал, слушаюсь. Потом вы опять перенесли, ведь это была система работы. Я не помню ни одного случая, чтобы хоть одно учение, одно совещание было проведено вовремя. Не было такого положения. Это весь народ ОКДВА скажет. Это так. Против фактов не попрешь. И в последнее время я буквально был поставлен в самое тяжелое положение, и я написал рапорт т. Блюхеру: «Прошу снять меня с

командования Приморской группой, потому что дальше работать невозможно было. 17 мая я уезжал из Приморской группы и не было плана учебы на летний период. Меня буквально атаковали командиры корпусов и дивизий: как же так, никаких установок нет? Я не мог дать им никаких установок. Я уже был научен, Василий Константинович, как вы без меня издаете приказы? Если бы я дал приказ, на следующий день поступил бы его? приказ, и я должен был бы все ломать. Разве в таких условиях можно было работать?

Второе. Пораженческая теория. Лапин носился со всякими пораженческими теориями, писал всякие доклады Сангурскому. Товарищ Егоров, можно извлечь из архива Генерального Штаба эти самые пораженческие теории. На что они были направлены? Именно посеять смятение в умах нашего командного состава, посеять сомнение к тем основным оперативным, тактическим установкам, которые дает Народный комиссар обороны товарищ Ворошилов. И эта сволочь, извиняясь за выражение, наушничала Василию Константиновичу и пыталась меня к этому делу пристроить в отдельных случаях.

БЛЮХЕР: И к тебе ведь, кстати сказать, ездили советоваться.

ФЕДЬКО: Кто ездил? Это неверно. Вы не найдете нигде моей визы, или моего высказывания насчет пораженческой теории в Военном Совете. Вы спросите командиров корпусов и командиров дивизий, как я их учил насчет этой «подвижной обороны», насчет действия в горно-таежных условиях. Приезжали ко мне, конечно. Приезжал Мерецков. Мерецков что заявил: «Целая группа во главе с Василием Константиновичем Блюхером поехала в Забайкалье инспектировать т.Грязнова», потом они возвращаются и Мерецков заявляет: «мы поехали в Забайкалье для того, чтобы Грязнова поставить на колени». Было такое заявление? Если он честный человек, пусть выйдет и скажет.

ГОЛОС: Его здесь нет.

ФЕДЬКО: Что это за система работы была? Я считаю, что эта группа во всей своей практической работе поставила т.Блюхера в такое положение, что он им больше верил.

Подбор кадров командующего состава. Ведь буквально мне приходилось пробивать брешь до Наркома обороны в вопросах подбора командного состава. В чем это сопротивление выражалось? Это сопротивление выражалось в том, что все вопросы, которые я ставил о перемещении командующего состава в ту или другую дивизию, они мариновались в штабе ОКДВА, и я мог продвигать эти вопросы только при личных докладах Народному комиссару. Это было в 1934 году, это было в 1935 году. Когда я к Фельдману являлся и говорил, что такого-то и такого-то нужно перевести, он мне на это отвечал: я тебе ничего не могу сделать, нарком против текучести, и не принимает меня по этим вопросам, я, говорит, вот уже 2 месяца никак

не могу добраться до Народного комиссара, вот иди сам и проводи все это дело.

ВОРОШИЛОВ: Кто это?

ФЕДЬКО: В 1935 году мне нужен был начальник инженерных войск.

СТАЛИН: Фельдман кем был?

ФЕДЬКО: Начальником кадров. Когда он меня вызывал на Военные советы, я докладывал целый ряд вопросов о материальном состоянии сначала ему, он отказывался и я вынужден был вам докладывать. Так вот я помню, что в последний раз в 1935 году сейчас это не подлежит никакому сомнению, он всучивал(?) свои кадры. Мне нужен был начальник инженерных войск, он мне Горячева рекомендовал и второго – это Галузо. Их надо будет проверить.

Дальше, товарищи, борьба с троцкистами. Здесь буквально чувствовалось величайшее сопротивление со стороны Аронштама. Вот вопрос с Зюком. Когда этот мерзавец приехал и начал разлагать дивизию, я неоднократно ставил этот вопрос и перед Сангурским, неоднократно ставил вопрос и перед Аронштамом. Аронштам взял его под защиту и Сангурский тоже взял его под защиту. Я вынужден был послать Народному комиссару телеграмму, где квалифицировал работу Зюка как троцкиста.

Дальше, Карклин был такой начальник штаба 66-й дивизии. Его выгоняли и никак не могли выгнать. У него отняли партбилет, а Аронштам дал ему опять билет. Дальше комендант был. Его исключили из партии как троцкиста, а они его опять восстановливают. Сейчас он посажен и даст показания о вредительской работе в области строительства. И целый ряд других троцкистов, врагов, которые у нас сидели. Я помню вашу директиву, товарищ Народный комиссар, о том, чтобы выгонять всякую путновскую сволочь, и я старался выполнять эту директиву. Когда я уезжал, то в штабе оставалось всего трое из всех тех, которые работали при Путна. Но это не значит, что не надо дальше проверять. Потому что в свете всех этих событий к каждому человеку надо подходить по иному. Я считаю, что на Дальнем Востоке готовилось такое же поражение, как на Западе, что там еще начинает развертываться клубок, что там было устремлено внимание японского Генерального Штаба. Это не подлежит сомнению. И вся наша задача заключается в том, чтобы дать полностью тот материал, который в головах у нас имеется с тем, чтобы товарищ Ежов мог размотать весь этот клубок. И товарищу Блюхеру надо выйти сюда на трибуну и сказать о своей политической слепоте.

Я уважаю товарища Блюхера и давал неоднократно ему большевистскую оценку как командующему ОКДВА.

БЛЮХЕР: Вы не обсуждали с Гамарником вопрос о пригодности Блюхера как командующего?

ФЕДЬКО: Когда приезжал Гамарник в последний раз, он вызывает меня к себе в вагон и говорит: Говорят, что Блюхер не пользуется авторитетом

среди начальствующего состава, что он плохо проводит занятия (80/81) и в военном отношении не совсем подготовлен. Я ему прямо заявил. Вот мое дословное выражение; я его тогда Яном Борисовичем называл. Я говорю: «Ян Борисович, это неверно. Товарищ Блюхер, и я начал давать полную характеристику, Товарищ Блюхер хорошо знает Дальний Восток, его знает хорошо Китай, он умеет вопросы стратегии и оперативного искусства сочетать с политическими элементами и вот в этом отношении я многому научился у Блюхера. Я считаю, что единственный его недостаток заключается в том, что он бессистемно, неорганизованно работает. Вот все, что я ему сказал»¹⁶⁷.

Ворошилов объявил перерыв, после которого слово было предоставлено командующему ОКДВА. Блюхер, разумеется, не стал отмалчиваться и изложил свою версию событий в Забайкалье и на Дальнем Востоке.

БЛЮХЕР: «Я вынужден буду ответить на некоторые вопросы, поставленные т.Федько, я с них начну. Тов.Федько, со свойственной ему простотой, по моему, оказал медвежью услугу т.Грязнову, упрекнув его в том, что я, якобы, вел неправильную политику в отношении командующего Забайкальской группой т.Грязнова. В чем тут доля правды, высказанная тов.Федько? Я действительно с ним делился своими впечатлениями после поездки в 1935 г. в Забайкалье и о делах, и о боевой подготовке, и о том, что очень много в Забайкальском округе кричали, что они овладели формой ведения войск в горных условиях, что фактически это неверно. Что они овладели, я бы сказал, показной стороной, формой этого боя, а по-настоящему эта форма ведения войск в горно-таежной местности или в горной местности – не отработана. Примером этому служило учение под Читой, корпусное учение, которое было проведено и которым руководил сам Грязнов, причем, я бы сказал, позорное учение, когда корпус, развернутый на фронте в 30 км, корпус, размотавший одну только связь на 60 км, в решающий момент боя, подведененный к противнику, связи не имел. Командир корпуса не знал, где дивизия. Дивизия не знала, что делали передовые части»¹⁶⁸

БЛЮХЕР: «Товарищ Грязнов знает, что я сделал очень резкую оценку этих учений, настолько резкую, что т.Грязнов на парад 1 мая 1935 г., устроенный в Чите, не явился, он заболел и отдыхал дома. Я помню, мы к этому еще раз вернулись на военном совете в 1936 г. и там я подчеркивал некоторую внешность и как пример этой внешности приводил ЗабВО ... Грязнов неплохой командир, способный командир, но мне кажется, что у него есть два недостатка. Вот Каширин улыбается, потому что мы оба знаем эти его недостатки, потому что Грязнов командовал в составе 30-й бригады. Первый его недостаток – чрезвычайное честолюбие.

¹⁶⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д.60. л. 63-81.

¹⁶⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д.60. л. 193-194.

Федько: По-моему, он скромный человек.

БЛЮХЕР: Вы тов. Федько, по простоте своей...

Федько: Меня Гамарник и все остальные считали всегда простачком, на которого можно влиять, которого можно привлечь.

БЛЮХЕР: Если вы возражаете против этого, я характеристику вас как простого человека, беру обратно. Вряд ли кто из членов Совета не согласится со мною о честолюбии Грязнова.

Голоса: Правильно.

БЛЮХЕР: Плохое ли это качество или нет? Конечно, нет. Почему не быть честолюбивым, когда ты прав. Честолюбие является стимулом хорошей работы. Но честолюбие – хорошее качество до тех пор, пока оно не переходит грани, пока оно здоровое, правильное, до тех пор, пока оно не переходит грани и не превращается в шахер-махер вплоть до склонности. Есть это качество у Грязнова? Есть. Об этом я говорил Федько (в 1925г статья Фрунзе к 5-летию Перекопа в Правде или «Известиях») Там эти качества очень хорошо показаны на одном моменте, который и т.Грязнов знает. И, наконец, последнее, что свидетельствует о некоторой склонности т.Грязнова к склоке, если можно так назвать. Пусть меня Климентий Ефремович не бранит. Я думаю, что может быть теперь можно будет сделать некоторую переоценку ценностей – взаимоотношений Климентия Ефремовича ко мне, но я хочу привести один пример, характеризующий т.Грязнова. Климентий Ефремович, все в армии знали, что вы меня недолюбливаете, вернее говоря, не недолюбливаете, а чрезвычайно критически относитесь ко мне. Так ведь это?

Ворошилов: Не совсем так.

БЛЮХЕР: Так толковали. И вот Грязнов, будучи работником АБТ РККА, приезжает инструктировать части ОКДВА, тогда только что нарождавшиеся. Он ночевал у меня одну ночь, обедал раза два. Я не отличаюсь большим гостеприимством, но мы старые товарищи по дивизии, выпили по 2-3 рюмки. Помню, что я выпил меньше, чем он. И вот заговорили о человеческих настроениях. Я ему говорю, что Климентий Ефремович не всегда, на мой взгляд, правильно оценивает мои просьбы, иногда мои предложения, усматривая в этом что-то неправильное. Товарищ Грязнов, давайте начистоту, что вы мне ответили? Правильно, правильно, Климентий Ефремович вас недолюбливает.

Грязнов: Неверно это, я утверждаю.

БЛЮХЕР: Это новое качество, которого я в вас раньше не знал (общий смех). Я вам точно назову место, где вы сидели. Вы мне сказали, что Климентий Ефремович относится ко мне не совсем дружелюбно, что у меня есть крупная поддержка в лице т.Сталина, у которого я до тех пор по делам ОКДВА ни разу не был, и что надо написать т.Сталину письмо.

Грязнов: Это правильно.

БЛЮХЕР: Если вторая часть правильна, то она вызывается первой частью (общий смех). Это логика вещей. Медвежью услугу, Иван Федорович, оказали вы ему.

Федько: В чем, не понимаю?

БЛЮХЕР: Не знаю в чем. Товарищ Федько поставил ряд вопросов. Я бы на них не стал отвечать, если бы они несколько не затуманивали правильного положения вещей, которое создалось в армии, а главное огромных фактов вредительства, шпионажа, диверсии, которые готовились на Дальнем Востоке, и которые мы имели в ОКДВА. Я утверждаю, что ни один округ, несмотря на все размеры этого вредительства ... Тов. Окунев, не смотрите на меня так, у вас непочатый край. По материалам армии к вам ведут очень много путей и вы от этого большого для нас несчастья и позора не отведены. Таким образом, ряд поставленных тов. Федько вопросов требуют ответа, иначе было бы неправильно.

Сталин: тов. Блюхер, я извиняюсь, вы о двух недостатках т. Грязнова говорили, а вы сказали один: честолюбие.

БЛЮХЕР: А второй недостаток – склонность. Он не совсем хочет сознаться в этом. В третьих, - это уже не недостаток, это общечеловеческий недостаток. Все мы думаем, что мы умнее, чем на самом деле есть (смех). Ведь так же выходит. Кто из нас согласится, если ему скажут, что он дурак? Таким недостатком все страдают и особенно т. Грязнов.

Тов. Федько говорил, что он был в армии встречен в штыки.

Федько: Я говорил со стороны кого.

БЛЮХЕР: Вы не можете пожаловаться на мою встречу вас.

Федько: Не могу.

БЛЮХЕР: Вы не можете пожаловаться ни единым звуком на т. Таирова.

Федько: Не могу.

БЛЮХЕР: А это определяло ваше положение в армии. Приехал Аронштам, я может быть ошибаюсь, но я не видел каких-нибудь острых столкновений между вами и Аронштамом, наоборот, я Аронштама еще в конце 1936 года упрекал – я тогда не знал о его действительной роли – и когда мне пришлось отчитываться за мои дела, на 70% правильные, но возведенные в квадрат, я тогда т. Сталину не мог прямо многого разъяснить, но сказал, что Аронштам – это типичный представитель Лиги Наций. Так ведь, товарищ Сталин?

Сталин: Так.

БЛЮХЕР: ... Аронштамссорил людей друг с другом. Но я знаю, что у вас (Федько – А.П.) неплохие были отношения с ним. С Сангурским да, вы часто дрались»¹⁶⁹.

Блюхер сказал, что Гамарник саботировал увеличение ОКДВА под предлогом нехватки казарм¹⁷⁰.

¹⁶⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 195-202.

¹⁷⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 204-205.

Далее маршал перешел к вопросу о намечавшейся реорганизации ОКДВА.

Блюхер: История с корпусом и группой. Я должен довести этот вопрос до сведения Военного совета. Ведь это, по-моему, стало краеугольным пунктом в наших отношениях между мною и Федько, за которыми скрывались и вредительство, и шпионаж, и диверсии, и вся контрреволюционная работа в армии. Я хочу этот вопрос довести до всеобщего сведения. Вы говорите, что Блюхер предлагал корпуса и упразднить группу. Так?

Федько: Так

БЛЮХЕР: Не так. Блюхер в течение 3-х лет и перед Народным комиссаром ставил вопрос, что необходимо в Приморье для мобилизационной готовности иметь готовое корпусное управление с тем, чтобы не терять времени на их организацию во время войны.

Федько: Я за это

БЛЮХЕР: Позвольте, Федько, я вас уличу. Вам почему-то вошло в голову, значит он хочет корпуса, значит хочет расформировать группу. У вас по простоте все смешалось в голове. Тогда Климентий Ефремович мне несколько раз отказывал, кажется 2 или 3 раза в этом отказывал. И я помню даже без его санкции я перенес этот вопрос на одно из заседаний Политбюро. Помните, я тогда просил корпуса.

Федько: И вы там заявляли, что я за ликвидацию группы.

БЛЮХЕР: Позвольте, я там не так заявлял. И хотя меня обвиняли¹⁷¹ в беспробудном пьянстве и составляли врачебный акт под руководством Аронштама, буквально врачебный акт о моей неизлечимости, не хватало только меня в сумасшедший дом посадить. Климентий Ефремович говорит: штатов больших нет, людей нет. Я говорил: я за то, чтобы в интересах корпусной организации расформировать группу. Почему? Тут скрывать нечего. Японцы знают наш оперативный план на 100%, нашу подготовку знают, наше расположение армии знают. У т.Федько во время войны будет не менее 4-х самостоятельных оперативных направлений ответственных ... Я считал, что при всей талантливости Федько, при всей его талантливости браться управлять на 4-х оперативных направлениях, при чем в каждом из них 2-3 соединения, - это значит надо быть немножко больше Наполеона. Ведь я тогда так Вам и говорил»¹⁷¹.

Далее Блюхер напомнил о тяжелой обстановке, царившей в штабе ОКДВА и Приморской группе: «Я тогда лечился в Барвихе и вот я получаю письмо, что в армии происходит огромный скандал, сводящийся к тому, что пикадоры и тореадоры из Приморской группы обратились на армейских быков, а пикадоры и тореадоры армейского управления обратились на штабную группу. Такой бой, товарищи, я помню, как это дело было у Аронштама, когда об этом написал Сангурский, как быть дальше, я буквально так ответил: отвести пикадоров и увести тореадоров; не осложняя

¹⁷¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 206-207.

ни на одну иоту, пока я не приеду, взаимоотношений. Уступите группе, но не в ущерб авторитету армейского управления по поставленным вопросам. Вот мой ответ. Приезжаю и выясняю, что тореадорами и пикадорами были Лапин и Мерецков. Были Ильф и Петров, или как их называли Кирилл и Мефодий (смех). Они навалились, между прочим, на Приморскую группу, что она не выполняет приказа, что она не доносит, что она самостийна. Этот грех был. Сантурский ходил к Аронштаму. (Голос: Да, ходил) Аронштам что ответил? Он воздействовал на Сантурского, а Сантурский не хотел принять меры. (Голос: Аронштам хотел отвести удар от Федько). Этим делом занимался Аронштам (Голос: И Сантурский). О Сантурском я не знаю. Видите ли, в этом бою испанских быков (голос: Тайны мадридского двора) я по-моему, занял совершенно правильную позицию. 5-е – я предлагал вам быть моим заместителем и два раза я с вами разговаривал по этому поводу. Я чувствовал, что нас с вами стравливают, и что работа в армии идет плохо. Я вам говорил тогда, что на наших личных взаимоотношениях люди расталкивают двери, создают щели, в которые лезут все мыши – мыши недостатков и неполадков. Я вам говорил это?

Федько: Говорили.

БЛЮХЕР: Я вам тогда говорил: для того, чтобы нам не допустить, чтобы в эти щели налезла всякая мразь, идите работать ко мне заместителем. Я исходил из объективных условий. Почему Вы усматривали в этом предложении мое желание вас угробить, я не знаю. К чему фактически привело бы такое сотрудничество. Оно привело бы к тому, что 6 месяцев вы бы командовали армией, так как я очень часто уезжаю, 6 месяцев я бы командовал армией. Мы, кстати сказать, неплохо друг друга дополняем. Я бы ему был полезен в вопросах политических, теоретических и партийных, как он сам мне давал характеристику, он бы мне был полезен в вопросах обучения полка (смех). Вы прошли очень хорошую школу у Тухачевского в Ленинграде.

Федько: При чем тут Тухачевский?

Блюхер: Вот в этом духе я предлагал вам работать вместе со мною. Я предлагал это и Климентию Ефремовичу, когда он тоже меня заподозрил.

Ворошилов: Вы только не забывайте, что у нас делят командующих на высоко образованных и некультурных. Смотрите, не сбейтесь на эту дорогу.

Блюхер: Вот о чем я говорил. Сейчас это же можно установить по документам. Я думаю, и т. Сталин скажет, какую я оценку давал Федько, когда разбирался мой личный вопрос. Я же ничего плохого тогда о нем не говорил, говорил только хорошее. Я говорил о том, что тактически он знает дело лучше, чем я, войска обучать тактике умеет лучше меня, а в оперативной подготовке вы были человеком отсталым. Почему? Потому ли, что у вас так сложена голова, или потому, что вам не приходилось над этими вопросами работать. Ясно, что вам не приходилось заниматься ими, будучи в

Приволжском округе. Тут же я заявил, что через 2 года Федько в этих вопросах будет неузнаваем»¹⁷².

Сталин, упомянув о закулисной борьбе на Дальнем Востоке, заявил, что эти действия инспирированы зарубежными врагами (японцами и немцами) с целью ослабления нашей армии. «И вот начинается кампания, очень серьезная кампания. Хотят Блюхера снять. И там же есть кандидатура. Ну, уж, конечно, Тухачевский. Если не он, так кого же. Почему снять? Агитацию ведет Гамарник, ведет Аронштам. Так они ловко ведут, что подняли почти все окружение Блюхера против него. Более того, они убедили руководящий состав военного центра, что надо снять. Почему спрашивается, объясните в чем дело? Вот он выпивает. Ну, хорошо. Ну, еще что? Вот он рано утром не встает, не ходит по войскам. Еще что? Устарел, новых методов работы не понимает. Ну, сегодня не понимает, завтра поймет, опыт старого бойца не пропадает ... Он, конечно, разумнее, опытнее, чем любой Тухачевский, чем любой Уборевич, который является паникером, и чем любой Якир, который в военном деле ничем не отличается»¹⁷³.

Командующий ОКДВА с большим беспокойством говорил: «Но, т. Сталин, должен вам доложить, если эти шпионы массовой базы не имели в других местах, то на Дальнем Востоке они такую базу имеют, и по материалам видно, что японцами эта база учтена. Там имеется 340 тыс. человек политических заключенных, работающих на оборонных стройках, на стратегических дорогах, шоссейных и железных дорогах. На крупных оборонных объектах имеется около 30 тыс. тылоополченцев, среди которых тоже имеется какой-то процент политических заключенных, не совсем благонадежных. И вот, что говорят арестованные диверсанты, что они уже с японцами договорились, если им не удастся захватить оружие в нашей Красной Армии, то японцы обязуются 300 тысяч человек вооружить своим собственным оружием. Это значит, что диверсанты имеют готовые кадры на ДВ в составе 300 тысяч, т.е. больше, чем мужское дальневосточное население»¹⁷⁴.

Маршал много говорил о вредительстве о поджогах, пожарах, приведших к гибели многих людей, о широко распространившемся пьянстве. Чрезвычайных происшествий стало так много, что на них перестали обращать внимание, не доискивались до причин такого безобразного положения.

БЛЮХЕР: Вот вы, т. Молотов, упрекали нас в том, что механизированный корпус не был готов, и мы никого за это не наказали. Я должен вам сказать, что мы так привыкли к чрезвычайным происшествиям, что перестали обращать на них внимание. Я делал доклад на активе и специально заострил

¹⁷² РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 209-212.

¹⁷³ Источник. 1994. № 3. С. 76.

¹⁷⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 224-225.

внимание на этих ЧП. Почему они происходят. С одной стороны потому, что у нас много разгильдяйства, а с другой стороны благодаря зверской руке диверсантов и шпионов. Сколько у нас еще не открыто всех этих ЧП и их причин ... В течение двух лет мы войска натаскивали в том, чтобы они по подъему, по тревоге быстро собирались, и в таком состоянии, чтобы по команде могли вступать в бой, затем мы требования снизили. И вот, когда Федько поднял по тревоге войска, они выскочили быстро, но без обоза ...

Федько: Потому, что я строительством занимался.

БЛЮХЕР: Конечно, это произошло отчасти и по вине командования армии. Они собрались без обоза, без обмундирования, в результате люди пострадали, пошли в дождь, в мороз, без теплой одежды, превратились в сосульки и падали на дороге. (Реплика Молотова не уловлена) Товарищ Молотов, теперь совершенно точно доказано, что это было умышленное действие. Тогда этим делом занимались Гамарник и Орлов.

Ежов: Есть показания, что они организовали это дело.

БЛЮХЕР: Умышленно было организовано. Все средства были пущены.

Молотов: Они действовали прямо нахальнейшим образом.

БЛЮХЕР: Мы несем за это полную ответственность. Как проходила расстановка кадров в ОКДВА. Развернулась армия, образовали из армии две группы. На одну посадили Путна, на другую – Горбачева. Они с самого начала организации армии начали свое зверское дело. Я не думаю, чтобы у Шестакова, который здесь выступал, волновалось сердце за его политическое ротозейство. Есть еще у нас второй товарищ Скворцов, мухи обидеть не может. Но, к сожалению, он не может обидеть, видно, и классового врага. Вряд ли такой член военного совета хорош.

Что произошло дальше? Нас крепко разругали по закону за боевую подготовку в 1933 году. И в 1934 году после этого законного вздрючивания всей армии нам прислали на помощь варягов. Пожалуйста, не принимайте это на свой счет, т.Федько. Я никак не думал включать Вас в число этих варягов. Но говорю это потому, что вы человек страшно подозрительный. Я говорю о налете, который был сделан из Белорусского военного округа в ОКДВА. Сознательно говорю – контрреволюционный диверсионно-шпионский налет. Лапин приехал с Новиковым, с целой группой людей, с хвостами из белорусского военного округа, с холуем летчиком, который вырос до командира эскадрильи, получил орден Ленина, потом арестован за пьянство и разложение, но не за политику. Прибыл к нам в качестве такого варяга Деревцов – начальник бронетанковых войск. Это род войск, которые мы по-настоящему не перевернули, искать там нужно, много людей уже нашли. (голоса с мест: правильно) Затем, почти одновременно прибыл Аронштам с особыми эмиссарскими полномочиями. Он привез Мирина, Рабиновича и до него был Суслов. Вот руководящая головка ПОАРМА. Плюс Коробочкин. По частям привезли: Когана и двух иксов, о которых я сейчас не хочу говорить, но которые, безусловно, попадут. Таким образом

расставили людей по артиллерию, по бронетанковым войскам, по авиации, приехал политический аппарат, сомкнулся с имеющейся группой, причем эту группу возглавлял Кащеев, который у Зиновьева играл такую же роль, какую Дрейцер играл у Троцкого. Мы по своей неопытности считали, что этот Кащеев строит плохие здания, а это была крупная политическая фигура у Зиновьева. И пошла работа! Расставили людей по УР-ам: Круглов – Благовещенский, Ржевский – Уссурийский УР, Кошелев – Николаевский на Амуре и два икса, очень сомнительные. Кто инспектировал армию? По оборонительному строительству – Петин, Максимов. По необоронительному – Горшков, по флоту – Муклевич, по общевойсковым делам – Василенко. И мы с вами, Иван Федорович, всех, каждого отдельно, за что-то снимали. Кащеева я тоже снял, но за что? За неорганизованность, за явное очковтирательство. В этом вся беда. Кого мы снимали за политическое вредительство? За шпионаж, за диверсии? Никого. Эту политическую сторону мы все просмотрели»¹⁷⁵. Маршал утверждал, что Гамарник, Фельдман, Осепьян и Аронштам спасали от разоблачения врагов народа.

БЛЮХЕР: Хотел еще несколько слов сказать по общеармейским вопросам и о своем отношении к Гамарнику и Якиру

Сталин: Что тут говорить, отношение у вас было нехорошее.

БЛЮХЕР: К Якиру я ездил в январе месяце новый год встречать. Я расскажу по каким соображениям я поехал. Стоял вопрос о моем снятии, меня интересовала кандидатура. Вы бы мне не сказали этого, и Гамарник мне не сказал бы этого. А есть в армии осведомленный человек, хитрец, очковтиратель. Я всегда эти качества за ним признавал. Но я не думал, что он контрреволюционер. Не глупый, но что очковтиратель и хитрец – для меня это ясно. Я приехал и узнал. У Вас было совещание, на котором присутствовали Гамарник, Алексей Ильич, Тухачевский, Уборевич и Якир, на котором Гамарник делал доклад об общем состоянии дел ОКДВА и на Дальнем Востоке.

Буденный: Ложь это. Я тоже на этом совещании был. Не было этого там. Он докладывал, но о кандидатуре и речи не было.

Блюхер: Ну, видимо, неправильно сказал.

Сталин: Тухачевский сам говорил: Если его снимают, меня пошлите.

БЛЮХЕР: Гамарник заявлял, если там все развалилось, я готов поехать на Дальний Восток. Он готов нести жертвы для партии и Народного Комиссариата.

Сталин: Вы это узнали от Якира?

БЛЮХЕР: К сожалению, от Якира.

Ворошилов: Так этот вопрос стоял на заседании у т. Сталина...

Блюхер рассказал как в конце мая 1937 года дальневосточники прибыли в Москву на заседание Военного совета: «Мы приехали с Хаханьяном (член

¹⁷⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 227-233.

Военного совета ОКДВА – А.П.) и позвонили Хмельницкому (адъютант наркома обороны – А.П.). Спрашиваем: Можно попасть к наркому? Нет, нарком занят. К кому за информацией? К начальнику Политуправления РККА. Причем нас выпроводили быстро, чтобы его особенно не затруднять, и следующий человек, который взялся закончить эту информацию, был Осипьян (заместитель начальника ПУ РККА – А.П.). Мы с Хаханьяном поехали на квартиру к Осипьяну. Мы ушли от него в 23 часа 30 минут, кажется, а в 23 часа 45 минут его не стало (в это время на квартиру Осепяна пришли чекисты и увезли его на Лубянку – А.П.).

Ворошилов и в этой трагической ситуации не удержался от черного юмора: «Ваше счастье. Посидели бы дольше, так вместе были бы (смех)»¹⁷⁶.

«...Общеармейские вопросы. Я считаю, что кое у кого есть разговоры, как мы будем разъяснять возвращение в армии военкомов, не будет ли это потерей авторитета? Я думаю, это неверно (...)

Блюхер нарисовал мрачную картину положения на Дальнем Востоке: «Федько упрекнул меня в том, что я во всем виноват. Правильно. Я виноват за то, что произошло в армии. Иного положения не может быть. Я отвечаю за то, что произошло в армии, также как вы отвечаете полностью за то, что произошло у вас в Приморской группе. Мы отвечаем с вами за то, политически прозевали крупнейшую шпионско-диверсионную работу.

Я должен доложить Народному комиссару, тов. Сталину и т. Молотову, что наши оперативные планы на Дальнем Востоке вскрыты, что вся ваша работа, т. Берзин, при помощи ваших же работников вскрыта и обнаружена, и что ваш аппарат расконспирировал сам себя, что численный состав армии японцам прекрасно известен, они прекрасно знают всю нашу дислокацию войск, что они даже знают пункты переправы. Дальний Восток раскрыт. Вот многие товарищи думали: как у них плохо, а у нас все хорошо. Есть кое у кого такие настроения. Конечно, у нас хуже, чем у других, и моя вина неизмеримо больше всей вашей вины, но и у вас неспокойно. И в авиации, и в бронетанковых частях, и во флоте не все так благополучно, а мы хлопаем ушами и не видим. Есть там кое-что. У нас по армейским делам есть уже некоторый подход в этом деле. Я кончу свое выступление. Я понимаю свою ответственность. Я считаю себя виноватым не только за армию, но и по личному вопросу, я остаюсь виноватым. Я не хочу искать себе оправдания ни в прессе сверху, ни в чем-либо другом. Это не оправдание. Вся наша задача состоит в том, что мы оскальдились больше любого наркомата, больше любой хозяйственной отрасли в нашем Советском Союзе (там много вскрыто нехорошего), у нас вскрыто больше и роль нашего организма политическая неизмеримо выше, удельный вес более ответственен. Наша задача состоит в том, чтобы выправить все это, как можно быстрее. На нас с вами лежит ответственность. Мы так должны стране, партии и т.Сталину,

¹⁷⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 238.

что нам теперь нужно все переделать так, чтобы очистить армию, а для этого не бояться выдвижения молодых кадров, среди которых есть прекрасные люди, верные, преданные. Единственное желание, которое я лично мог бы доложить Народному комиссару т. Ворошилову, т. Молотову и т. Сталину, что единственное желание мое состоит в том, что мы должны уехать отсюда и постараться в кратчайший срок восстановить доброе наше имя перед страной, перед армией и перед товарищем Сталиным»¹⁷⁷.

Свои пояснения о событиях в руководстве ОКДВА дал маршал А.И.Егоров, напомнив Мерецкову: «Только один раз вы пришли и заявили о том, что обстановка работы на Дальнем Востоке тяжелая. Это было после вашей телеграммы, которую подписали вы, Лагин и Сангурский о невозможности дальше работать с Василием Константиновичем.

МЕРЕЦКОВ: Такой телеграммы я не подписывал.

БЛЮХЕР: Я этого не знал.

ЕГОРОВ: Есть ваша подпись. Найдем, не беспокойтесь!

ГОЛОС с МЕСТА: Мерецков, верно это, что игнорировали мы Александра Ильича, и я сказал ему об этом прямо в глаза.

ЕГОРОВ: Вы сказали о том, что сложились невыносимые условия работы. Я говорю: действительно, это положение нетерпимое, когда командующий не принимает по месяцам. Я говорил т.Сталину и в Политбюро относительно Василия Константиновича. Здесь говорят, что я был за снятие Василия Константиновича.

СТАЛИН: Все вы были за снятие.

ВОРОШИЛОВ: Не за снятие, так за замену (общий смех).

ЕГОРОВ: Нет. Я говорил, что Василию Константиновичу нужно полечиться (общий смех). Но, товарищи, я в простоте души это сказал, я сюда не вкладывал никакого-то общего потока преднамеренных данных всех этих подлецов.

СТАЛИН: Это правильно.

ЕГОРОВ: Я не мог предположить, что они хотят снять Блюхера под этим предлогом. Я болел душой и обязан болеть за это дело, потому что положение вещей слишком ответственное. Василий Константинович был болен, по месяцам не принимает докладов ...

БЛЮХЕР: Этого не было.

ЕГОРОВ: Но вопрос сводится к этому.

СТАЛИН: Это многие говорили, что Блюхер любит решать сам все вопросы. Это, говорят, хорошо, но он не может успеть все вопросы рассмотреть сам.

БЛЮХЕР: Это тоже, товарищ Сталин, неправильно, потому что я решающие вопросы действительно решал сам, но зато целый ряд вопросов решал со штабом.

¹⁷⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л. 243-244.

ЕГОРОВ: Ну, не будем спорить. Я почему остро пережил заявление Мерецкова? Потому что у нас с вами, Василий Константинович, было перед этим очень много таких моментов.

БЛЮХЕР: Это деловые моменты, они еще будут.

ЕГОРОВ: Но ни в какой степени лично я не хотел помешать авторитету, тем более оперативному авторитету Василия Константиновича никогда!

Это верно»¹⁷⁸ - подтвердил Сталин.

Сталин охотно прощал военачальникам склонность к выпивке и даже недостаточный профессионализм, лишь бы они не сплотились в какие-либо группировки, опасные для него. А поскольку за маршалом Блюхером подобного стремления не замечалось, Сталин сквозь пальцы смотрел на его просчеты в боевой подготовке. В июне 1937 года генсек расхваливал маршала, а через 13 месяцев, когда войска ОКДВА у озера Хасан понесли серьезные потери, Сталин припомнил Блюхеру и морально-бытовые, и профессиональные недостатки, а главное заподозрил его в связях с японцами. Парадоксально: в июне 1937 года Сталин говорил, что Блюхера пытались выжить с Дальнего Востока Тухачевский и Гамарник, действовавшие по указке японцев, а через год он же самого Блюхера назвал давним японским агентом. Но все это произойдет позже, а пока улыбающийся маршал с удовлетворением высказывал похвалы генсека.

В перерыве заседания Сталин высказал предположение, что среди честных командиров и политработников есть люди, которые оказались случайно задеты врагами, а сами ничего плохого еще не сделали. Таких людей, если они придут сами и все расскажут о заговорщиках, по его мнению, не следует наказывать. «Простить надо, даем слово простить, честное слово даем», - сказал Сталин. А Щаденко тут же подсказал, где искать таких людей: «С Военного Совета надо начинать. Кучинский и другие». Д.А.Кучинский с возмущением отверг эти намеки: «Товарищ Ворошилов, я к этой группе не принадлежу, к той группе, о которой говорил т. Сталин. Я честный до конца». Ворошилов выругался: «Вот и Мерецков. Этот пролетарий, чорт возьми». «Это ложь, - возразил Мерецков, - тем более, что я никогда с Уборевичем не работал и в Сочи не виделся»¹⁷⁹. Через несколько дней наркомы обороны и внутренних дел издали совместный приказ, в котором гарантировали прощение всем, кто добровольно явится и расскажет о деятельности врагов народа. Однако этим обещаниям мало кто поверил. Из 42 выступивших в прениях по докладу Ворошилова 34 человека (т.е. 80%) впоследствии были арестованы и расстреляны.

«Восстановливая в памяти ход всего этого заседания ..., - писал генерал Полищук, - я убежден теперь, что поведение Сталина на этом заседании явно указывало, что в его лице мы имеем дело с автором сценария и режиссером

¹⁷⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д.61, л. 81 - 85

¹⁷⁹ Источник 1994. № 3. С. 85.

всей этой постановки. Он ее задумал и разработал давно и ко времени осуществления уже имел полный подбор действующих лиц, подготовил их действия и все мизансцены и рассчитал ожидаемый эффект игрового действия» (это пролог к последовательному, массовому уничтожению командных кадров Красной Армии) «В убийственном состоянии духа покинули зал все оставшиеся на воле высшие командиры Красной Армии, потеряв уверенность в себе, товарищах, руководителях, делах. Мысли, что же это происходит, что же будет дальше, стесняли волю, активность, деятельность»¹⁸⁰.

О том, какое значение Сталин придавал работе Военного совета 1-4 июня 1937 года, говорит тот факт, что в эти дни он отложил в сторону все другие дела. В обычные дни он ежедневно принимал в своем кремлевском кабинете от 5 до 30 человек, а в эти четверо суток лишь однажды, 1 июня, и то ненадолго к нему пришли Молотов (на 1 час), Ежов (на 40 минут) и Ворошилов (10 минут)¹⁸¹. Видимо они обсуждали, как провести вечернее заседание Военного совета. В 17-15 все четверо вышли из кабинета и пошли на заседание ВС НКО. Только вечером 5 июня Сталин возобновил прием посетителей.

Глава 3. ГИБЕЛЬ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ

3.1. ПРОЦЕСС 11 ИЮНЯ 1937 ГОДА

Следующая после заседания ВС НКО неделя прошла в заботах о подготовке процесса над военачальниками. Сталин лично провел отбор как судей, так и подсудимых, одобрил представленное Прокурором СССР А.Я.Вышинским обвинительное заключение и выслушал информацию Председателя Военной коллегии Верховного суда СССР (ВКС) армвоенюриста В.В.Ульриха. Из большого числа арестованных военных Сталин решил вывести на первый процесс самых знаменитых, известных всей армии лиц: 1-го заместителя наркома обороны (Тухачевский), двух лучших командующих войсками военных округов (Уборевич и Якир), начальника ведущей военной академии (Корк), бывшего главного кадровика армии (Фельдман), руководителя ОСОАВИАХИМА (Эйдеман) и для придания всей группе троцкистской окраски – двух комкоров Примакова и Путну, которые в 20-х годах были троцкистами. В бумагах Ворошилова сохранились черновики, в которых предлагались и другие кандидатуры, в частности комкор Сангурский, но его было решено не включать в эту группу. Таких людей, по мнению Сталина, должны были судить столь же известные военачальники, чтобы поднять в глазах публики авторитет приговора. Еще в ходе заседания Военного совета 1-4 июня Сталин взял

¹⁸⁰ Полищук К.Е. Указ. Соч. С. 32.

¹⁸¹ Исторический архив. 1995. № 4. С.54.

на заметку наиболее яростных критиканов (Буденного, Белова, Дыбенко, Горячева) и впоследствии включил их в состав Специального судебного присутствия, которое должно было оформить приговор группе арестованных военачальников. Кроме них в состав суда был введен маршал В.К.Блюхер, у которого были сложные отношения с Тухачевским, Уборевичем и Якиром. Разумеется, любой состав суда в той обстановке вынес бы решение, которое им продиктовал Сталин. Но в то же время генсек хотел показать военной элите, что суд составлен не из одних только давних врагов подсудимых, но и людей нейтральных, а следовательно, объективных. Назначив членами этого суда Я.И.Алксниса и Б.М.Шапошникова, Сталин хотел показать, что процесс будет беспристрастным. Эти люди, выступая на заседании ВС НКО, вели себя достойно, не злобствовали, не клеветали на арестованных. Новый начальник Генштаба Б.М.Шапошников бывший полковник царской армии, был известен своей образованностью и порядочностью. Во время выступления на заседании Военного совета Борис Михайлович самокритично говорил о собственных упущениях и своей политической близорукости, но не стал порочить подчиненных, хотя его к этому побуждали провокационными выкриками из зала¹⁸².

Членами Специального судебного присутствия Верховного суда СССР были назначены маршалы Блюхер и Буденный, командармы 1-го ранга Белов и Шапошников, командармы 2-го ранга Алкснис, Дыбенко, Каширин и комдив Горячев. Уже после завершения следствия, 10 июня, следователь заставил подсудимого Примакова дать дополнительные письменные показания о принадлежности к военному заговору самих судей – Шапошникова, Дыбенко и Каширина¹⁸³. Имея такое признание, Ульрих получил дополнительный рычаг давления на членов суда.

Накануне процесса Ежов встречался с Примаковым. «Железного наркома волновал вопрос: как поведут себя подсудимые на суде, не откажутся ли они о вырванных у них под пытками ложных признаниях, и не рассыплется ли вся эта пирамида лжи, построенная чекистами. Чтобы повлиять на судей, Ежов устроил очередное беззаконие. 10 июня следователю Авсеевичу поручили взять Примакова показания на членов суда Шапошникова, Дыбенко и Каширина, что было выполнено: составили отдельный протокол, в котором значилось, что заговору примкнули упомянутые выше лица и что они должны были вести работу по вербовке новых участников их антисоветской, заговорщической организации. Никого не смущало то обстоятельство, что следствие уже закончено обвинительное заключение утверждено, дело передано в суд, а тут проводятся какие то дополнительные допросы, причем выдвигаются обвинения против судей которые в этом случае становятся заинтересованными лицами и с юридической

¹⁸² РГАСПИ, ф. 17, оп. 165, д. 60, л.118-124.

¹⁸³ Викторов Б.А. Викторов Б.А. Без грифа «секретно». Записки военного прокурора -М., 1990. С. 250.

точки зрения теряют право участвовать в процессе. Но кого волновали в то время эти формальности! Незаконный протокол был вручен Ульриху, а уж он знал, как и когда воспользоваться им.

Ежов заверил Примакова, что если он подтвердит в суде сочиненную чекистами версию о «военно-фашистском заговоре» в Красной Армии, то ему сохранят жизнь. Примаков обещал повторить в суде все, что выдумали ежовские следователи относительно «заговора», а чтобы он ничего не напутал, следователь Авсеевич дал Примакову возможность еще раз перечитать фальсифицированные протоколы с «признаниями». Следователи до самой последней минуты сопровождали своих подследственных в здании суда, убеждая их в необходимости повторить на процессе версию НКВД. Фельдман и Корк также должны были на процессе изобличать других подсудимых. Так оно и случилось. Они свои обещания выполнили, а Ежов, разумеется, их обманул.

В 9 часов утра 11 июня начался процесс, а к полуночи все уже было кончено. Некоторые люди думают, что судебного заседания не было вообще.

Во многих публикациях, основанных, как правило, на слухах, легендах, рассказах родственников, содержится множество ошибок и искажений. Так в книге «Измена Родине» дается далекое от истины описание самого процесса и предшествовавших ему событий.

11 июня 1937 г. одни военачальники судят, другие — судимы. Пройдет совсем немного времени, и большинство судей сложит голову в подобных же обстоятельствах. Кое-кого это ждет через несколько месяцев, иных — через год-два. Возможно, у них есть такое предчувствие. Но не станем забегать вперед.

За что судят заслуженных командиров? Даже нам, через четыре десятилетия, нелегко ответить на этот вопрос. В еще более затруднительном положении находились современники. Того же 11 июня в газетах появилось следующее сообщение:

«В ПРОКУРАТУРЕ СССР

Дело арестованных в разное время органами НКВД: (перечисление знакомых нам фамилий).

...обвиняются в нарушении воинского долга (присяги), измене родине, измене народам СССР, измене РККА.

Следственными материалами установлено участие обвиняемых, а также покончившего самоубийством Я.Б.Гамарника, в антигосударственных связях с руководящими военными кругами одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР. Находясь на службе у военной разведки этого государства, обвиняемые систематически доставляли военным кругам сведения о состоянии Красной Армии, пытались подготовить на случай военного нападения на СССР поражение Красной Армии и имели своей целью содействовать восстановлению в СССР власти помешников и капиталистов.

Все обвиняемые в предъявленных им обвинениях признали себя виновными полностью.

Рассмотрение дела будет происходить сегодня в закрытом заседании Специального судебного присутствия Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР: (следует состав суда).

Дело слушается в порядке, установленном законом от 1 декабря 1934 г.»

Вот и все, что могли узнать из газет советские граждане. В дальнейшем цитированное сообщение оставалось, пожалуй, единственным, что им полагалось знать об этом деле.

Воздержимся пока от анализа документа. Отметим бросающуюся в глаза стилистическую шероховатость текста, что позволяет предположить поспешность написания. Суммируем кратко основные положения:

- подсудимые были агентами иностранной разведки (шпионаж и диверсия);
- они готовили поражение страны в войне и государственный переворот (государственная измена);
- приговор, по всей вероятности, будет вынесен в тот же день (на это указывает формулировка: «рассмотрение дела будет происходить сегодня», иначе было бы сказано «начнется». Об этом говорит также ссылка на закон от 1 декабря, предусматривающий ускоренную процедуру суда над врагами народа).

Так и случилось. Приговор вынесли 11 июня и назавтра обнародовали. Ход процесса ни тогда, ни позже в печати не освещался. Широкая публика и узкие партийные круги так и остались в неведении, каким образом за несколько часов безапелляционно осудили цвет командования собственной армии»¹⁸⁴.

Рапопорт и Геллер признавали, что при описании обстоятельств суда они пользовались недостоверными сведениями. «Попытаемся воссоздать ход процесса. Сведения, которыми мы будем пользоваться, отрывочны и существуют в виде изустных рассказов. Проверке поддается далеко не все. Иногда приходится иметь дело с мифами. Но не будем ими пренебрегать. Народ наш — великий мифотворец поневоле, потому что значительная часть истории от него скрыта. Мифы, однако, не произвольные измышления. Основа у них реальная, чаще всего кровавая.

Заседание началось в 10 часов утра. Формула обвинения была столь же неконкретна, как в газете, хотя более развернутая. Никакие документы или иные вещественные доказательства на процессе не фигурировали.

Более или менее известны обвинения, предъявленные троим. Тухачевский:

- 1) организатор государственного переворота,
- 2) связь с германской разведкой,
- 3) моральное разложение (так обычно именуют в официальных бумагах

¹⁸⁴ Рапопорт В.Н., Геллер Ю.А. Измена Родине. – М., 1995. С. 18-21.

пристрастие к прекрасному полу)¹⁸⁵.

Якир также обвинялся в попытке свержения советской власти и связях с немцами, но здесь были специфические детали, не вполне, впрочем, ясные. Так, Якиру инкриминировалась связь с арестованным в 1936 его подчиненным Д.А.Шмидтом, командиром единственной тогда в РККА тяжелой танковой бригады. По одной версии, Якир дал Шмидту указание держать бригаду в боевой готовности, чтобы в нужный момент бросить ее на Москву, по второй — приказал уничтожить и приводить в негодность матчасть. Неясно, какое из взаимоисключающих обвинений было предъявлено командарму. Известно только, что, по утверждению НКВД, оба показания Шмидт дал, точнее, подписал.

Уборевич обвинялся, в частности, в том, что при строительстве линии пограничных укреплений в Белоруссии в ней намеренно оставлялись бреши для облегчения прорыва противником. Такие разрывы действительно существовали, но диктовались они условиями местности. В районе Пинска оборонительные сооружения были отодвинуты за непроходимые болота, что их, разумеется, усиливало. Когда член суда Шапошников спросил Уборевича, какими соображениями это вызвано, председательствующий Ульрих пресек наводящий вопрос.

Насколько известно, остальным подсудимым вменялись связь с германской разведкой и преднамеренное ослабление боевой мощи Красной Армии.

Все восемь на вопрос о виновности ответили отрицательно¹⁸⁶. В сохранившейся машинописной справке из дела эти НЕТ чернилами исправлены на ДА, исключение сделали для одного Тухачевского. Тухачевский больше вообще на вопросы не отвечал (отвечал и даже пытался давать развернутые пояснения – А.П.). Остальные все отрицали (признавали одни обвинения и отрицали другие – А.П.). По окончании допроса не выдержал Якир. Этот человек, известный своей беспримерной храбростью и самообладанием, закричал своим бывшим товарищам по оружию: «Посмотрите мне в глаза! Неужели вы не понимаете, что все это ложь?!» Сидевший рядом Примаков пытался его остановить: «Брось Иона, перед кем бисер мечешь! Не видишь разве, кто здесь сидит...» (очень похоже на красивую легенду – А.П.). Якир все же попросил, чтобы ему дали бумаги, и написал письма Сталину и Ворошилову.

Некоторым членам суда было не по себе. Явную неловкость ощущал Шапошников, который своим вопросом хотел дать Уборевичу возможность для оправдания. Блюхер сослался на недомогание и ушел из зала. Он отсутствовал довольно долго, но вернулся к вынесению приговора.

Буденный, напротив, ничуть не размягчился. В ходе заседания он послал

¹⁸⁵ Обвинение в моральном разложении не предъявлялось. См. обвинительное заключение.

¹⁸⁶ Все восемь на вопрос о виновности ответили положительно.

донесение наркому Ворошилову (оно сохранилось) все сволочи, ни один не сознается, по лицам видно, что враги и пр¹⁸⁷.

К 14 часам все было кончено (судебное заседание завершилось в 21 час 15 минут, а приговор был оглашен в 23 часа 35 минут – А.П.). Приговор, не подлежащий обжалованию, был для всех одинаков: к высшей мере наказания. Осужденных увезли на Лубянку»¹⁸⁸.

В мемуарах сына командарма И.Э.Якира Петра Якира приводится его рассказ о процессе 11 июня: «Заодно передам все, что говорил Батнер и по другим вопросам. Он рассказал, что суд над моим отцом и другими проходил на третьем этаже здания военной коллегии, где сейчас помещается городской военкомат. Батнер был секретарем на этом суде. Всем командовал Фриновский, заместитель Ежова. В зале сзади подсудимых стояли два кресла, в них сидели начальник генштаба Егоров и начальник военно-морских сил Орлов (которого на следующий день после суда арестовали). Все здание, а также зал, охранялись военными с винтовками. В зале находились еще человек десять командиров высокого звания. Кто они такие, он не помнит. Суд шел гладко. Каждому из подсудимых задавали два-три отвлеченные вопросы. Задавал вопросы один Ульрих¹⁸⁹, председатель Военной коллегии Верховного суда, советуясь с членами Особого присутствия только для формы. Ими были Буденный, Дыбенко, Шапошников, Блюхер, Алкснис, Каширин, Белов и Горячев. (Горячев, командир конного корпуса им. Сталина, застрелился через несколько дней после суда¹⁹⁰.) Во время суда было только две заминки. Одна - когда Блюхер, ссылаясь на болезнь живота, попросил разрешения уехать. К нему приехали домой, чтобы он подписал приговор. Вторая произошла после вопроса Шапошникова Уборевичу: "Иероним Петрович, а может быть, плохая защита Пинских болот была преднамеренной ловушкой для немцев. Вы хотели их заманить и окружить?" Ульрих цыкнул на Шапошникова и велел Уборевичу не отвечать. Моего отца, по словам Батнера, спросили: "Знали ли вы о том, что офицер, приставленный к вам во время учебы в Германии, был сотрудником немецкой разведки?" Отец ответил, что он в этом не сомневался, но сведения получал не офицер у него, а он у офицера. Перед концом судебного заседания мой отец потребовал, чтобы на суд пригласили Сталина, так как он считал, что Сталин ничего не знает. Примаков бросил ему в ответ реплику, что Сталин не только все знает, но даже все это организовал. Суд длился около четырех часов¹⁹¹. После зачтения приговора

¹⁸⁷ Ошибка. Буденный наоборот писал, что Корк, Путна, Примаков полностью признавались в своих преступлениях.

¹⁸⁸ Рапопорт В.Н., Геллер Ю.А. Измена Родине. – М., 1995. С. 21-23.

¹⁸⁹ Неверно. Как минимум шестеро из восьми судей задавали вопросы посудимым.

¹⁹⁰ Горячев, застрелился не через несколько дней после суда, а через полтора года (12 декабря 1938 г.)

¹⁹¹ Суд длился весь день, приговор был оглашен в 23 часа 35мин.

осужденные взялись за руки и запели "Интернационал" (Никакого хорового исполнения «Интернационала» не было – А.П.). Комендантом присутствия был Егоров. Все рассказы о том, как вели себя люди при исполнении приговора, исходят от его адъютанта»¹⁹².

Однако имеющиеся документы опровергают эти версии.

Так Буденный 26 июня 1937 г. в докладной записке на имя Сталина подробно рассказал о ходе заседания и поведении обвиняемых¹⁹³. 14 июля Ворошилову о своих впечатлениях от процесса доложил другой член суда Белов¹⁹⁴. Эти докладные записки двух членов суда демонстрируют заведомую неприязнь и даже ненависть судей к подсудимым, их предвзятость. «До входа в зал судебного заседания, я много передумал о людях, так подло обманувших доверие партии и народа, - писал Белов. – Читал я все их показания. Возмущался, ненавидел, доискивался причины, почему они так подло изменили, так низко пали морально, когда произошло это падение. Но это было все не то. Когда я увидел этих мерзавцев в зале суда, меня затрясло. Зверь проснулся во мне, мне хотелось не судить их нашим советским судом, а бить и бить до остертвенения. Сдержал я себя – понимал, что нельзя этого делать. Сидел я, смотрел на мерзавцев, слушал их подлые голоса, задавал и вопросы, хотя и знал, что ответа не получу ни на один волнующий вопрос. Двенадцать часов сидели мы друг против друга, глядели друг другу в глаза. Нелегкое это было дело. Ненависть бушевала к ним, но не без злобы думал и о себе. Сотни ведь раз и верней тысячу думал и говорил многим товарищам, что это подлецы и не от злобы, а в результате анализа их отношения к делу и поведения. Ведь знал же я, что Уборевич и Якир лгуны, знал, что они очковтиратели, знал, что Тухачевский к делу относится небрежно, задумывался я десятки раз и над поведением Гамарника. Мне также казалось странным его исключительно любовное отношение к Якиру, причем не к тому Якиру, которого знало наше руководство, а к Якиру-очковтирателю. Я-то понимал, что начальник ПУРа РККА не мог не знать, что Якир очковтиратель. Не понятна была его роль в сводничестве Якира с Уборевичем и Тухачевским. И говорил я с Гамарником по этим вопросам. Содержание ответов меня не удовлетворяло. Он говорил, что это директива т.Ворошилова: - «Ликвидировать «междоусобицу» между тремя зубрами». Не на прикрытии же всех грехов этой «троицы» надо мирить их, думал я. Я не могу изображать себя наивным человеком»¹⁹⁵.

Далее Белов поведал о внешнем облике и поведении подсудимых.

¹⁹² Якир П.И. Детство в тюрьме: Мемуары Петра Якира. Лондон, 1972.

¹⁹³ Военно-исторический архив. 1997. Вып. 1. С. 199-200.

¹⁹⁴ Репрессии в Красной Армии (30-е годы). С. 192-198.

¹⁹⁵ Репрессии в Красной Армии (30-е годы). С. 192, 194.

«Облик в целом у каждого из них естественно был неестественный. Печать смерти уже лежала на всех их лицах. В основном цвет лиц был, так называемый, землистый. Вели они себя каждый по - разному, но каждый был похож на себя. Тухачевский старался хранить свой «аристократизм» и свое превосходство над другими, начиная с прекрасного английского костюма, с дорогого тонкого галстука, кончая посадкой головы и точностью выражений. Пытался он демонстрировать и свой широкий оперативно-тактический кругозор»¹⁹⁶.

«В голосе у обоих (Тухачевский и Якир – А.П.) были спазматические явления, но, правда редкие. Уборевич растерялся больше первых двух. Это выражалось уже и в одежде. Он выглядел в своем штатском костюмчике, без воротничка и галстука, бояком. Исчезли обычная надменность фигуры и лица, - фигура превратилась в фигурку, лицо, совсем небольшое и раньше, превратилось в сморщеный грибок. Он старался тоже подать свою роль в большом плане, но у него из этого ничего не вышло, кроме жалкой потуги – в голосе были сильные спазмы и логика рассуждений была уже сильно ослабевшей»¹⁹⁷.

Надежды чекистов на то, что Корк, Фельдман и Примаков будут на процессе разоблачать «заговорщиков», вполне оправдались. «Корк, хотя и был в штатском костюме, но выглядел, как всегда, по-солдатски. На ногах стоял крепко и прямо, плечи развернуты и голос четкий, только глушше, чем обычно, - писал Белов. - Лицо у него на процессе было умней, чем всегда. В официальной жизни он играл, как видно роль простачка и не плохо играл. Рассказывал он прямей и откровенней, чем первые три, так казалось, но верить этому не надо, что якобы он рассказал все, что знает. Но было ясно, и то, что знает он далеко не все. Фельдман старался бить на полную откровенность. Упрекнул своих собратьев по процессу, что они, как институтки боятся называть вещи своими именами, занимались шпионажем самым обыкновенным, а здесь хотят превратить это в легальное общение с иностранными офицерами. Голос у него был почти в порядке, но фигура была обмякшей больше, чем у предыдущих подсудимых. Она сделалась почти в два раза тоньше. Тов. Блюхер даже спрашивал у т. Леплевского, какой у него рецепт питания для арестованных и нельзя ли этим рецептом воспользоваться ему?» Пройдет всего 16 месяцев и маршал Блюхер в полной мере сможет ознакомиться не только с особенностями питания на Лубянке, но и с другими методами воздействия чекистов на арестованных полководцев.

«Эйдеман. Этот тип выглядел более жалко, чем все. Фигура смякла до отказа, он с трудом держался на ногах, он не говорил, а лепетал прерывистым глухим спазматическим голосом.

¹⁹⁶ Репрессии в Красной Армии (30-е годы). С. 194.

¹⁹⁷ Репрессии в Красной Армии (30-е годы). С. 194, 196.

Примаков - выглядел сильно похудевшим, показывал глухоту, которой раньше у него не было. Держался на ногах вполне уверенно. На вопросы отвечал отчетливо и твердым, уверенным голосом. Чувствовалось, что враг этот один из сильных и умных.

Путна только немного похудел, да не было обычной самоуверенности в голосе. О Путне осталось впечатление, что это старый матерый шпион»¹⁹⁸. Во время процесса И.П.Белов обратился к подсудимому Путне с вопросом: «Для какой цели вы создавали провокации против Белова?»

На этот вопрос Путна ответил образом: «Я не создавал. В инциденте с Беловым с моей стороны никакой провокации не было»¹⁹⁹. Больше никаких разъяснений в стенограмме не содержалось. Видимо Белов имел ввиду инцидент в Берлине, когда ему дали меньше денег, чем другим. Этот вопрос задан Беловым не случайно. Между ним и Путной существовали враждебные взаимоотношения. Вероятно, это было учтено при рассмотрении кандидатур в состав суда над Путной, Тухачевским и другими. Stalin, зная об этих столкновениях рассчитывал на возможную «месть» со стороны Белова, Буденного, Блюхера и Дыбенко.

Судя по стенограмме судебного заседания участие Блюхера в допросах подсудимых было минимальным. Им было задано несколько вопросов Путне и Якиру.

Блюхер спросил Путну: «Вы вели систематическую работу по дискредитации авторитета Блюхера по заданию Гамарника?

Ответ Путны: Да, пытался дискредитировать вас.

Вопрос Блюхера подсудимому Якиру: В чем конкретно выражалась ваша подготовка поражения авиации в будущей войне?

Ответ Якира: Я вам толком не сумею сказать ничего, кроме того, что написано там в деле...»²⁰⁰.

Внешний вид и поведение подсудимых ясно показывали, какую трагедию они пережили. Пытки, лишение сна, зверские избиения, страх за судьбу родных, невозможность опровергнуть чудовищные обвинения, огромные нравственные страдания привели к значительному расстройству здоровья и утрате волевых качеств.

В ходе судебного заседания судьи вели себя по-разному. По свидетельству генерал-лейтенанта юстиции Б.А.Викторова, Б.М.Шапошников за весь день не задал подсудимым ни одного вопроса. Для этого умнейшего человека все было ясно. Не имея возможности уклониться от участия в этом судилище, Борис Михайлович молча выслушал все показания и скрепил своей подписью несправедливый приговор. Можно только догадываться, какие нравственные мучения он при этом пережил. Stalin высоко ценил огромные знания и способности Шапошникова,

¹⁹⁸ Репрессии в Красной Армии (30-е годы). С. 194, 196.

¹⁹⁹ Викторов Б.А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М., 1990. С. 243.

²⁰⁰ Викторов Б.А. Без грифа «Секретно». Записки военного прокурора. М., 1990. С. 248.

доверял ему самые ответственные посты в РККА, в 1940 году присвоил ему маршальское звание. Из всех военачальников, подписавших 11 июня смертный приговор своим коллегам, только Шапошников и Буденный умерли своей смертью.

Член суда командарм 2-го ранга Я.И.Алкснис задал несколько вопросов А.И.Корку: «Вы сказали, что неоднократно встречались на дипломатических приемах с Кестрингом, причем сообщили ему ряд сведений, Вы тут говорите «мы». Кто это «мы»?

Корк: «Мы – это Тухачевский, Якир, Эйдеман. Я также принимал участие в разговорах с немцами».

Алкснис: «Значит, вы, Корк, сообщили германскому военному атташе Кестрингу в устной форме о состоянии войск Московского военного округа».

Корк: «Да. Но вместе с тем должен добавить, что я имел право давать сведения Кестрингу, которые было разрешено дать, с ведома Тухачевского»... Но Алксниса такой ответ не устроил: «Нас сейчас не интересует, с ведома или без ведома Тухачевского вы передали сведения. Нас интересует – передали?» Корк ответил утвердительно. В этот момент было бы логично уточнить характер переданных сведений, содержание переданной информации, являлась ли она секретной, и только после выяснения этих моментов делать вывод о вине или невиновности Корка. Но судьи поступали иначе. «Значит, вы лично участвовали в шпионаже?» - сделал вывод Алкснис. Далее в стенограмме секретарь записал: «На этот вопрос Корк ничего не ответил»²⁰¹. Да и что он мог ответить, ведь в то время рассуждали прямолинейно, если не сказать – примитивно: разговаривал с немецким военным атташе, значит – шпион. Подробности никого не интересовали.

Другим тяжким обвинением было вредительство с целью ослабления моци Красной Армии. По поводу этого пункта обвинения Тухачевский, Якир, Корк, Уборевич разъяснили, было немало недостатков и упущений в боевой подготовке войск, в чем они признавали свою ответственность, что замедлялись темпы строительства военных объектов, реконструкции железнодорожных узлов, формирования воздушно-десантных частей и т.д. Тухачевский заявил: «Если бы немного поднажали и дополнительные средства дали, то я считаю, что нет никаких в этом затруднений, наше положение чрезвычайно сильно выиграет и мы польско-германский блок можем поразить».

Как вредительство со стороны Тухачевского Уборевича и Якира расценивалось их настойчивое отстаивание концепции ускоренного формирования танковых соединений за счет сокращения численности и расходов на кавалерию. С резким осуждением такой политики выступил на

²⁰¹ Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 47-48.

суде С.М.Буденный. И другие члены присутствия задавали подсудимым вопросы, пытаясь изобличить их в предательстве интересов Красной Армии.

Поскольку многие показания, данные на суде, нередко отличались от протоколов допросов, Ульрих неизменно спрашивал: «Вы подтверждаете показания, которые давали на допросах в НКВД?» Именно в фальсифицированных протоколах допросов содержались основные улики, позволявшие приговорить подсудимых к высшей мере наказания. Суд не истребовал никаких объективных документальных доказательств, необходимых для оценки правильности предъявленных обвинений, не вызывал свидетелей, не привлекал экспертов. Да и зачем это делать, если приговор был предопределен Сталиным. Требовалось лишь соблюсти видимость судебного разбирательства. Что и было сделано.

Вот отрывок из стенограммы судебного заседания:

«Подсудимый Тухачевский: Со времени гражданской войны я считал своим долгом работать на пользу советского государства, был верным членом партии, но у меня были определенные, я бы не сказал политические колебания, а колебания личного, персонального порядка, связанные со мною служебным положением... Я всегда, во всех случаях выступал против Троцкого. Когда бывала дискуссия, точно так же выступал против правых. Я, будучи начальником штаба РККА... отстаивал максимальное капиталовложение в дело военной промышленности и т.д. Так что я на правых позициях не стоял. И в дальнейшем, находясь в Ленинградском военном округе, я всегда отстаивал максимальное развитие Красной Армии, ее техническое развитие, ее реконструкцию, развитие ее частей...

Председатель: Вы утверждаете, что к антисоветской деятельности примкнули с 1932 года? А ваша шпионская деятельность — ее вы не считаете антисоветской? Она началась гораздо раньше.

Подсудимый Тухачевский: Я не знаю, можно ли было считать ее шпионской. Я сообщил фон Цюллеру данные... о дислокации войск в пограничных округах... Книжку — дислокацию войск за границей можно купить в магазине...

Председатель: Я хочу выяснить все о вашей антисоветской контрреволюционной деятельности. Еще в 1925 г. вы были связаны с Цюллером и Домбалем и были одновременно агентом и польской, и германской разведок. Ведь вы же знали, что имеете дело не с просто любопытным, а с офицером иностранной разведки.

Обвиняемый Тухачевский: Совершенно правильно. Я повторяю — не хочу смягчать свои показания. Я только хочу объяснить, что в то время у нас с немцами завязывались тесные отношения. У нас был один общий противник — Польша, в этом смысле были и в дальнейшем, как я уже говорил, разговоры с генералом Адамс. С генералом Адамс мы говорили о наших общих задачах в войне против Польши, при этом германскими офицерами

вспоминался опыт 1920 года, говорилось, что германское правительство тогда не выступило против Польши.

Я опять повторяю, что это можно квалифицировать и должно квалифицировать как шпионскую деятельность.

Председательствующий товарищ Ульрих: Ваше заявление о том, что у вас был один противник — Польша, опровергается вашим же заявлением о том, что вы одновременно были связаны с германскими офицерами и с польским офицером-шпионом Домбалем.

Подсудимый Тухачевский: Я не знал, что Домбаль — польский шпион. Домбаль был принят в Советский Союз как член парламента, который выступал за поражение польской армии и за призыв в Красную Армию при вступлении ее в Варшаву. Под этим углом зрения было и мое знакомство с ним и встречи. Я знал его как члена ЦК Польской компартии. О шпионской деятельности я не знал...».

На подобные реплики даже не обращали внимания.

«Председатель: Какие цели вы преследовали, информируя германских офицеров о мероприятиях Красной Армии?

Тухачевский: Это вытекало из наших разговоров о совместных задачах по поражению Польши. До прихода Гитлера к власти у нас были тесные отношения с Германским генеральным штабом...

Председатель: Как организован был центр военной организации, по чьей директиве и какие задачи этот центр ставил?

Тухачевский: Центр составился, развиваясь, неодновременно. Был центр входили помимо меня — Гамарник, Каменев С.С., Уборевич, Якир, Фельдман, Эйдеман, затем Примаков и Корк. Центр не выбирался, но названная группа наиболее часто встречалась.

Председатель: С какого года принимал участие в этом центре Гамарник?

Тухачевский: С 1934 года.

Вопрос: Чем вы объясняете, что в ваших показаниях фамилия Гамарника сначала не упоминалась?

Тухачевский: Я сначала не все показывал следствию, о чем я сказал. В дальнейшем я показывал все...

Председатель: Какие были взаимоотношения внутри центра между вами и Гамарником? Вы считались руководителем?

Тухачевский: Я был по западным делам, Гамарник по восточным.

Председатель: Значит, вы были руководителем организации по западному театру военных действий. Но кто чей признавал авторитет? Вы Гамарнику или Гамарнику ваш?

Тухачевский: Я бы сказал, что здесь было как бы двоецентрие.

Председатель: Вы считаете себя руководителем центра? Это проходит красной нитью по всем показаниям.

Тухачевский: Гамарник вступил в центр позже, но авторитет его был выше, чем у меня»²⁰².

Дыбенко проявлял активность в разоблачении Тухачевского:

«Дыбенко: Вы когда-либо считали себя членом нашей партии?

Тухачевский: Да.

Дыбенко: Вы преследовали поражение нашей армии; в 1921 году вы вызывали диверсанта Путна, чтобы усилить восстание под Кронштадтом... в 1918 году, как вы говорите, приехали в Россию, бежав из плена. Мне кажется, что вы не бежали из плена, а приехали как немецкий шпион».

Кажется, в ответе Тухачевского сквозит ирония:

«Я убежал из Германии до Октябрьской революции, поэтому такую задачу, как разложение советской армии, я получить не мог».

И Дыбенко взрывается: «Вы сами пишете в своих показаниях, что вы с 1925 года вели шпионскую работу в пользу Польши и Германии. О шпионской деятельности было известно вашему руководящему центру — Уборевичу, который пригласил вас в Париже зайти на могилу Наполеона, и известно было Якиру. Считаете ли вы, что Якир являлся не только вредителем, но и прямым шпионом, связанным с немецким генеральным штабом?

Тухачевский: Да, каждый член центра несет такую ответственность.

Дыбенко: Что значит — несет ответственность?

Тухачевский: Является шпионом.

Член суда Дыбенко: Подсудимый Тухачевский, как вы можете сочетать эту измену, предательство и шпионаж с 1929 г. с тем, что вы носили партийный билет? И как вы могли ответить положительно на мой вопрос, считали ли вы себя членом партии?

Подсудимый Тухачевский: Я повторяю, что эта работа началась с Уборевичем и Якиром не с 1929 года, а значительно позже — с 1932 года. Конечно, здесь есть раздвоение: с одной стороны, у меня была горячая любовь к Красной Армии, горячая любовь к отечеству, которое с гражданской войны я защищал, но, вместе с тем, логика борьбы затянула меня в эти глубочайшие преступления, в которых я признаю себя виновным.

Член суда Дыбенко: Как можно сочетать горячую любовь к родине с изменой и предательством?».

Подсудимый Тухачевский: «Повторяю, что логика борьбы, когда становишься на неправильный путь, ведет к предательству и измене»²⁰³.

В своем выступлении Тухачевский пытался выйти за рамки кратких ответов на тенденциозные вопросы судей. Якир и Уборевич тоже иногда пытались что-то разъяснить судьям. Это разрушало примитивный сценарий процесса, поэтому председательствующий Ульрих грубо обрывал их: «Вы

²⁰² НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О «ДЕЛЕ ВОЕННЫХ»//История государства и права. 2006. № 3. С. 19 – 20.

²⁰³ НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О «ДЕЛЕ ВОЕННЫХ»//История государства и права. 2006. № 3. С. 21.

не читайте лекций, а давайте показания». Буденный писал Сталину 26 июня: «Тухачевский с самого начала процесса суда при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и все, что записано в обвинительном заключении, - все это не совсем правда, не соответствует действительности. Иными словами, становился в позу непонятого и незаслуженно обиженного человека, хотя внешне производил впечатление человека очень растерянного и испуганного. Видимо, он не ожидал столь быстрого разоблачения организации, изъятия ее и такого быстрого следствия и суда ... Тухачевский в своем выступлении вначале пытался опровергнуть свои показания, которые он давал на предварительном следствии. Тухачевский начал с того, что Красная Армия до фашистского переворота Гитлера в Германии готовилась против поляков и была способна разгромить польское государство. Однако при приходе Гитлера к власти в Германии, который блокировался с поляками и развернул из 32 германских дивизий 108 дивизий, Красная Армия, по сравнению с германской и польской армиями, по своей численности была на 60 – 62 дивизии меньше ... Тухачевский пытался популяризовать перед присутствующей аудиторией на суде как бы свои деловые соображения в том отношении, что он все предвидел, пытался доказывать правительству, что создавшееся положение влечет страну к поражению и что его якобы никто не слушал. Но тов. Ульрих, по совету некоторых членов Специального присутствия, оборвал Тухачевского и задал вопрос: Как же Тухачевский увязывает эту мотивировку с тем, что он показал на предварительном следствии, а именно, что он был связан с германским генеральным штабом и работал в качестве агента германской разведки еще с 1925 г. Тогда Тухачевский заявил, что его, конечно, могут считать и шпионом, но что он фактически никаких сведений германской разведке не давал»²⁰⁴.

«Якир и на процессе играл в свой подлый демократизм, - вспоминал Белов. - Он пытался бить на чувства судей некоторыми напоминаниями о прошлой совместной работе и хороших отношениях с большинством из состава суда. Он пытался и процесс завести на путь оценки его роли, как положительной и свою подлую предательскую роль свести к пустячкам»²⁰⁵.

Буденный писал о поведении подсудимых: «...Якир остановился на сущности заговора, перед которым стояли задачи реставрации капитализма в нашей стране на основе фашистской диктатуры... В последующих выступлениях подсудимых, по сути дела, все они держались в этих же рамках выступления Якира.²⁰⁶ ...Уборевич в своем выступлении держался той же схемы выступления, что и Якир... Корк показал, что ему все же

²⁰⁴ Военно-исторический архив. Вып. 1. С. 199 -200.

²⁰⁵ Репрессии в Красной Армии (30-е годы). С. 194, 196.

²⁰⁶ Военно-исторический архив. Вып. 1. С. 199.

было известно, что руководители военно-фашистской контрреволюционной организации смотрят на связь с Троцким и правыми, как на временное явление... Эйдеман на суде ничего не мог сказать... Путна – этот патентованный шпик, убежденный троцкист ... показал, что состоя в этой организации, он всегда держался принципов честно работать на заговорщиков и в то же время сам якобы не верил в правильность своих действий ... Примаков держался на суде с точки зрения мужества, пожалуй, лучше всех ... Примаков очень упорно отрицал то обстоятельство, что он руководил террористической группой против тов. Ворошилова в лице Шмидта, Кузьмичева и других ... Фельдман показал то же самое, что и Корк».

Описывая последнее слово подсудимых, Буденный отмечал, что Якир, Уборевич, Путна, Фельдман говорили, что признались и раскаялись они «в стенах НКВД». В конце докладной записки Сталину Буденный сообщает: «1... для того, чтобы скрыть свою шпионскую и контрреволюционную деятельность до 1934 года, подсудимые, разоблаченные в этом Корком, пытались выставить Корка как вруна и путаника. 2. Участие Гамарника в заговоре все подсудимые пытались скрыть... 3. ...Подсудимые, хотя и заявляли о том, что они пораженческого плана германскому генштабу не успели передать, я же считаю, что план поражения красных армий, может быть не столь подробный, все же германской разведке был передан»²⁰⁷. В «последнем слове» все подсудимые, за исключением Примакова, заявили о своей преданности делу революции, Красной Армии и лично товарищу Сталину. Просили о снисхождении... Раскаивались, если в чем-то были виноваты²⁰⁸.

Боясь, что на суде обвиняемые могут отказаться от признательных показаний, вырванных у них в ходе следствия, Ежов внушал им, что в случае признания собственной вины, они не будут расстреляны. Нарком лично встретился с Примаковым за день до суда требуя, чтобы он полностью признал все свои «преступления», обещая за это снисхождение. Комкор обещал все повторить на суде и «разоблачать заговорщиков до конца». А чтобы он не забыл ничего из сочиненных чекистами подробностей «заговора», следователь Авсеевич перед самым заседанием суда вручил Примакову копии пописанных им признательных показаний²⁰⁹. Этот маневр чекистов полностью удался.

«Последнее слово» Примакова на суде оказалось по сути обвинительной речью в адрес всех остальных подсудимых. Он заявил: «Я должен сказать последнюю правду о нашем заговоре. Ни в истории нашей революции, ни в истории других революций не было такого заговора, как наш, ни по целям,

²⁰⁷ Военно-исторический архив. Вып. 1. С. 200.

²⁰⁸ Правда. 1988. 29 апреля.

²⁰⁹ Военно-исторический архив. М., 1997. Вып. 1. С. 196-197.

ни по составу, ни по тем средствам, которые заговор для себя выбрал. Из кого состоит заговор? Кого объединило фашистское знамя Троцкого? Оно объединило все контрреволюционные элементы, все, что было контрреволюционного в Красной Армии, собралось в одно место, под одно знамя, под фашистское знамя Троцкого. Какие средства выбрал себе этот заговор? Все средства: измена, предательство, поражение своей страны, вредительство, шпионаж, террор. Для какой цели? Для восстановления капитализма. Путь один – ломать диктатуру пролетариата и заменять фашистской диктатурой. Какие же силы собрал заговор для того, чтобы выполнить этот план? Я назвал следствию больше 70 человек-заговорщиков, которых завербовал сам или знал по ходу заговора... Я составил себе суждение о социальном лице заговора, т.е. из каких групп он состоит, его руководство, центр. Люди, входящие в заговор, не имеют глубоких корней в нашей Советской стране потому, что у каждого из них есть вторая родина: у Якира – родня в Бессарабии, у Путны и Уборевича в Литве, Фельдман связан с Южной Америкой не меньше, чем с Одессой, Эйдеман – с Прибалтикой не меньше, чем с нашей страной...»²¹⁰. Таким образом Примаков выполнил обещание, данное Ежову, но снисхождения не получил.

Кроме того, следствие очень надеялось на выступление Корка. Его тщательно подготовили к процессу и предоставили возможность выступить с развернутой разоблачительной речью, занявшей 20 листов стенограммы судебного заседания, в то время как другим, менее сговорчивым подсудимым председательствующий Ульрих постоянно затыкал рот. Когда Тухачевский пытался дать подробный ответ, опровергающий ложные обвинения, Ульрих потребовал от него «не читать лекции, а отвечать на вопросы». Когда Уборевич отверг обвинения во вредительстве и шпионаже, председательствующий прервал его и объявил перерыв, после которого стал допрашивать других подсудимых.

Фельдман тоже до самого конца надеялся на благополучный для себя исход. Он обратился к суду с просьбой: «Я просил бы, гр-н председатель, позволить мне вкратце (я долго не буду задерживать Вашего внимания) рассказать то, что мне известно как члену центра, то, что я делал. Я думаю, это будет полезно не только суду, но и всем тем командирам, которые здесь присутствуют»²¹¹. Конечно, Ульрих не возражал. Фельдману была предоставлена возможность развернутого покаяния и обвинения товарищей по несчастью в тяжких преступлениях. Его речь, занявшая 12 страниц стенограммы, была благожелательно воспринята судьями, но не повлияла на суровость приговора.

По свидетельству Белова, «последние слова все говорили коротко. Дольше всех тянули Корк и Фельдман. Поощады просили Фельдман и Корк.

²¹⁰ Викторов Б.А. Без грифа «секретно». С. 233.

²¹¹ Военно-исторический архив. М., 1997. Вып. 1. С. 197.

Фельдман даже договорился до следующего: - «где же забота о живом человеке, если нас не помилуют».

Остальные все говорили, что смерти мало за такие тяжкие преступления против Родины. Все клялись, что умирают раскаявшимися и сказавшими все. Клялись в любви к Родине, к Партии, к вождю народов т. Сталину. Приговор принял все, без особых перемен в лицах и в фигурах»²¹².

По мнению Белова, «самым сильным бандитом из осужденных выглядел Примаков, за ним, по порядку, идут Путна, Якир, Корк, Тухачевский, Уборевич, Фельдман и Эйдеман»²¹³.

В последнем слове подсудимого Тухачевский сказал: «Я хочу сделать вывод из этой гнусной работы, которая была проделана». Затем — завуалированная оценка сталинской демократии: «Я хочу сделать вывод, что в условиях победы социализма в нашей стране всякая группировка становится антисоветской группировкой». Но дальше в стенограмме — запрограммированная процессом каноническая риторика, а возможно, даже и дописанная уже позже — для Сталина. «Всякая антисоветская группировка сливаются с гнуснейшим троцкизмом, гнуснейшим течением правых. А так как базы для этих сил нет в нашей стране, то волей-неволей эти группировки скатываются дальше, на связь с фашизмом, на связь с германским генеральным штабом. Вот в чем гибель этой контрреволюционной работы, которая по существу была направлена к реставрации капитализма в нашей стране. Я считаю, что в такой обстановке, как сейчас, когда перед советской страной стоят гигантские задачи по охране своих границ, когда предстоит большая, тяжелая и изнурительная война, в этих условиях не должно быть пощады врагу. Я считаю, что наша армия должна быть едина, сколочена и сплочена вокруг своего наркома Климентия Ефремовича Ворошилова, вокруг великого Сталина, вокруг народа и нашей великой партии. Я хочу заверить суд, что полностью, целиком оторвался от всего того гнусного, контрреволюционного и от той гнусной контрреволюционной работы, в которую я вошел... Я хочу сказать, что я Гражданскую войну провел как честный советский гражданин, как честный красноармеец, как честный командир Красной Армии. Не щадя своих сил, дрался за Советскую власть. И после Гражданской войны делал то же самое. Но путь группировки, ставившей меня на путь подлого правого оппортунизма и трижды проклятого троцкизма, который привел к связи с фашизмом и японским генеральным штабом, все же не убил во мне любви к нашей армии, любви к нашей советской стране, и, делая это подлое контрреволюционное дело, я тоже раздавался. Вы сами знаете, что, несмотря на все это, я делал полезное дело в области вооружения, в области боевой подготовки и в области других сторон жизни Красной Армии.

²¹² Репрессии в Красной Армии (30-е годы). С. 194, 196.

²¹³ Репрессии в Красной Армии (30-е годы). С. 198.

Преступление настолько тяжело, что говорить о пощаде трудно, но я прошу суд верить мне, что я полностью открылся, что тайн у меня нет перед советской властью, нет перед партией. И если мне суждено умереть, я умру с чувством глубокой любви к нашей стране, к нашей партии, к наркому Ворошилову и великому Сталину»²¹⁴.

11 июня, получив в ходе судебного заседания необходимые признания, Ульрих объявил перерыв и в 16-00 прибыл в кабинет Сталина²¹⁵. Через 20 минут, получив санкцию вождя на вынесение смертного приговора, он вернулся в суд. В 23-35 подсудимым объявили приговор и в ночь на 12 июня расстреляли. Слухи о том, что расстрелом якобы командовал маршал Блюхер, не имеют ничего общего с действительностью. Для этих целей существовали постоянные исполнители приговоров – комендант ВКВС Игнатьев и комендант НКВД Блохин. Они же совместно с присутствовавшими во время казни Вышинским, Ульрихом и Цесарским подписали акт об исполнении приговора²¹⁶.

В книге Рапопорта и Геллера утверждается: «Командарм Якир был расстрелян в тот же день, остальные на рассвете 12 июня (Всех осужденных расстреляли в ночь на 12 июня – А.П.). Тела вывезли на Ходынку на место, где шли строительные работы. Было выставлено оцепление из красноармейцев. Расстрелянных свалили в траншею, засыпали негашеной известью, потом землей»²¹⁷. Это еще одна легенда. На самом деле тела расстрелянных кремировали, а прах захоронили на Донском кладбище.

Комкор А.И.Тодорский вспоминал: «Через несколько дней после расстрела Нарком обороны К.Е.Ворошилов рассказывал нам ..., что во время казни обреченные на смерть товарищи выкрикивали: «Да здравствует Сталин», «Да здравствует коммунизм!»²¹⁸.

3.2. ИЗ СУДЕЙ В ПОДСУДИМЫЕ

Судьи ненадолго пережили подсудимых. Они выполнили отведенную им роль и стали не нужны. Из судей они превратились в обвиняемых. Уже через два месяца Stalin санкционировал арест Каширина, а через пять месяцев – Алксниса. В начале 1938 года арестовали Белова (7 января) и Дыбенко (28 февраля), а 22 октября был арестован Блюхер. В декабре 1938 г. застрелился комкор Е.И.Горячев. Почти всех судей обвинили в участии в том самом заговоре, членов которого они приговорили к расстрелу. Не подвергались аресту только Буденный и Шапошников, хотя у Сталина было достаточно

²¹⁴ НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О «ДЕЛЕ ВОЕННЫХ»//История государства и права. 2006. № 5. С. 29.

²¹⁵ Исторический архив. 1995. № 4. С. 55.

²¹⁶ Военно-исторический архив. М., 1997. Вып. 1. С. 199.

²¹⁷ Рапопорт В.Н., Геллер Ю.А. Измена Родине. – М., 1995. С. 21-23.

²¹⁸ Военно-исторический архив. М., 1997. Вып. 1. С. 201.

«материалов» для расстрела и того, и другого. Но генсек, отлично знавший цену добытому НКВД компромату, не дал санкции на арест этих лиц. Они ему еще были нужны.

Командарм Н.Д.Каширин под пытками сознался, что участвовал в право-троцкистском заговоре. Но затем на очной ставке 26 февраля 1938 года в присутствии Молотова и Ворошилова отказался от этих показаний, заявив, что никакого военного заговора нет, а в застенках НКВД под пытками вымогают ложные показания. Понимая, что после ухода высокопоставленных визитеров его снова будут избивать, Каширин сказал Ворошилову: «Не верьте ничему, что бы я ни писал в своих дальнейших показаниях»²¹⁹. 14 июня 1938 г. Каширина осудили к расстрелу.

Арестованному Я.И.Алкснису предложили подписать состряпанный чекистами протокол, в котором значилось: «По шпионской деятельности против СССР я был связан с бывшим начальником штаба латвийской армии Гартманисом. В контрреволюционную латышскую националистическую организацию я был завербован Яном Берзиньем (начальник Разведуправления Красной Армии – А.П.) и по ее заданию занимался вредительством в РККА». Яков Иванович ответил следователю М.З.Эдлину: «Пусть его подписывает тот, кто составил его». Эдлин впоследствии рассказал, что «Алксниса жестоко избивали несколько человек, которые специально были для этого в штате тюрьмы»²²⁰.

Все судьи, превратившиеся в арестантов, поначалу пытались сопротивляться, отвергали предъявленные им дикие обвинения в заговоре, измене и вредительстве. Но на них уже был собран большой компромат, состоявший из фальсифицированных показаний других военачальников, в том числе и расстрелянных.

Так против командующего БВО командрма 1-го ранга И.П.Белова дали показания бывший начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА А.С.Булин (затем был заместителем начальника ПУ РККА) и начальник Разведывательного управления РККА С.П.Урицкий. Кроме того, начальник УНС РККА Е.А.Щаденко заставил комкора И.Р.Апанасенко написать несколько разоблачительных заявлений на Белова, Буденного и других членов суда 11 июня 1937 года.

«Родной и дорогой народный комиссар тов. Ворошилов

... Я правый дурак и тем хуже соучастник правой шайки: Уборевич, Белов, Егоров и Булин. Я всегда остаюсь ярым противником троцкистов, особенно Якировской и Гамарниковской банды...

Белов когда он пришел в БВО, он сначала вел себя незаметно, несколько времени не давал себя знать. Потом начал разговор со мною о Буденном: "Как Вы его представляете, какие отношения между Буденным, Егоровым и

²¹⁹ Военно-исторический архив. М., 1997. Вып. 2. С. 54.

²²⁰ Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 47.

Дыбенко?" Я сказал, что это неразлучная тройка, если надо говорить об одном, то это значит, можно говорить о троих, как одно. Белов тут же сказал, что Егоров враг, а через некоторое время сказал, что Егоров состоит в организации правых. Белов вел разговор о Чернове, быв. Наркомземе, которого хвалил, но не сказал, где он и почему он понадобился ему в разговоре...

Часто Белов говорил за Горбачева, Сердич и Ковтюх, что они пропали. Я сочувствие Белова разделял. Белов жил тем, что скорей бы война, а война развязывает руки, больше ни черта он не говорил. В августе в округ прибыл (замкомвойск) Брянских из МВО. Какую он имел к Белову политическую связь, я не знаю, но одно знаю, что каждый день заходил и расхваливал до одурения Белова. Я думаю, что между ними тоже есть и политическая связь! Видимо, он это скажет.

Перемытов – никакого сомнения человек Белова, как сказал Белов, это мой кадр.

Когда Белов узнал, что жену Буденного посадили, он сказал, что тоже будет и с женой Егорова, с Исаенко (быв. НачПуОкр МВО). Белов буквально дрожал. Когда он узнал, что эти люди арестованы, он хотел стреляться. Буденный. Начиная с 1925-26 года Буденный вел самую антипартийную работу и антисоветскую работу. Часть таких разговоров не могла не отражаться на мне и других конноармейцах.

А он по поводу и без ругался против Ворошилова и особенно, когда он бывал пьян ... Он говорил, что т. Ворошилов не знает ничего в военном деле и знать не хочет. Особенно об этом он толковал, когда сам учился...

До 1936 г. Семен Михайлович был на ножах с Уборевичем и Якиром. С середины 1936 г. они стали неразлучные друзья: Буденный, Уборевич-Якир. Сам Уборевич мне сказал, что мы с Якиром теперь стали с Буденным очень в близких отношениях, Егоров помог сблизиться.

...Дыбенко. Во-первых, Дыбенко самый задушевный друг и приятель был Уборевича. В 1936 г. была игра двух округов в БВО, руководил Уборевич. После игры тост поднял Дыбенко на банкете как за лучшего непревзойденного полководца и т.д. Уборевич, провожая Дыбенко, расстались объятиями, как друзья до гроба.

Дыбенко рассказывал, и когда ехали на дачу мне и Семен Михайловичу 25 ноября, что его быв(шая) жена шпионка, Седякин тоже, что он знает, их обоих посадят. Как мог знать Дыбенко, что она шпионка? Добавлю упущеный момент разговора Семен Михайловича, когда мы ездили по Ставропольщине в 1935 году, он ругался, что в колхозах плохо, что эту политику проводит партия и ЦК ...

Я прошу и умоляю тов. СТАЛИНА, Вас тов. ВОРОШИЛОВ, ПАРТИЮ, ПРАВИТЕЛЬСТВО простить меня, умоляю не губить мою буйную голову, мою гордую жизнь пастуха. Я клянусь, что на любом месте, куда пошлет

меня партия, там, где сражаются на Западе или Востоке, я буду там неустранимо сражаться.

Обещаю быть лучшим сыном нашей родины.

Москва 1 февраля 1938 г. И.Р.Апанасенко»²²¹.

7 января 1938 г. Белова допрашивал лично Сталин в здании ЦК ВКП(б), но тогда он виновным себя ни в чем не признал. После этого Белову 7 января в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Ежова была дана очная ставка с Булиным и Урицким, которые «изобличали» его в антисоветской деятельности. Белов вновь отрицал вину, однако на следующий же день под воздействием истязаний, угроз, шантажа и обещаний он вынужден был написать следующее заявление: «Я вчера во время очной ставки совершил новое тяжелое преступление, обманув руководителей Советского правительства. Мне особенно тяжело писать об этом после того, как я имел полную возможность в присутствии Сталина, Молотова, Ворошилова и Ежова честно раскаяться и рассказать всю правду, как бы тяжела она ни была, о моей преступной деятельности против Родины и советского народа»²²².

Заместитель наркома внутренних дел М.П.Фриновский писал: «как подготовлялись арестованные к очным ставкам и особенно к очным ставкам, которые проводились в присутствии членов правительства? Арестованных готовили специально... По существу происходил сговор и репетиция предстоящей очной ставки. После этого арестованного вызывал к себе Ежов или делал вид, что он случайно заходил в комнату следователя, где сидел арестованный, и говорил с ним о предстоящей ставке, спрашивал – твердо ли он себя чувствует, подтвердит ли, и между прочим вставлял, что на очной ставке будут присутствовать члены правительства... Как пример можно привести подготовку очной ставки Урицкого (начальник РАЗВЕДУПРА) с Беловым... Урицкий отказался от показаний на Белова при допросе его Ежовым. Не став с ним ни о чем разговаривать, Ежов ушел, а спустя несколько минут Урицкий через Николаева извинился перед Ежовым и говорил, что он «смалодушничал»²²³. Ложными были и показания Булина о Белове, которые он дал 3 января 1938 года, а затем их подтвердил на очной ставке 7 января 1938 года в присутствии Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б). Об этом 24 июня 1938 г. Булин прямо заявил на допросе: «В контрреволюционной организации и в антисоветском военном заговоре я не состоял. Мои показания от 3 января 1938 г. вымысленные... Меня мучает совесть, что я оклеветал себя и честных, преданных партии людей»²²⁴.

²²¹ РГАСПИ, коллекция документов.

²²² Военно-исторический архив. 1997. Вып.2. с. 51.

²²³ Военно-исторический архив. 1997. Вып.2. С. 51.

²²⁴ Военно-исторический архив. 1997. Вып.2. С.52.

На повторной очной ставке 28 июня 1938 г. между Булиным и Беловым, Булин заявил, что на предыдущей очной ставке он оклеветал себя и Белова. Белов же, доведенный к тому времени истязаниями до отчаяния, признал, что он и Булин занимались совместной преступной деятельностью. Булин, отвергая это, заявил: «...В своих показаниях я оклеветал себя и Белова... Никогда никаких антисоветских разговоров с Беловым не было... Он говорит неправду, так же, как я сам себя оговорил и других, о чем я уже сделал заявление Правительству»²²⁵. Однако эти попытки опровергнуть лживые обвинения уже ничего не могли изменить. В конце июля 1938 года Ежов направил Сталину очередной список военачальников с предложением расстрелять всех. Генсек утвердил список и Военная коллегия Верховного суда СССР за два дня (28 и 29 июля) проштамповала десятки смертных приговоров. Белов до самого конца надеялся, что личное обращение к вождю с напоминанием о своей преданности и прежних заслугах перед советской властью может смягчить его участь. После заседания военной коллегии Белов «подал через председателя суда Ульриха заявление на имя тов. Сталина, в котором он просил уделить ему несколько минут для передачи чрезвычайно важного сообщения государственного значения». Обеспокоенный этим случаем Ежов срочно потребовал из Военной коллегии это заявление Белова и оставил его у себя, не доложив о нем Сталину²²⁶. Поняв, что вождь его уже не спасет, Белов смирился со своей участью. По свидетельству начальника Особого Отдела НКВД Федорова, «при расстреле Белова, Ткалуна и других присутствовал лично нарком Ежов, он каждого спрашивал, нет ли чего сказать. Белов ответил, что нет, теперь уже здесь нечего»²²⁷.

В январе 1938 года на специальном совещании с военачальниками Stalin беспощадно критиковал некоторых героев гражданской войны, прежде всего Буденного, Егорова и Дыбенко.

«1. Прежде всего я хочу внести ясность в вопрос о характере совещания. Тут многие говорили о бытовых недостатках товарищей. Может создаться впечатление, что мы только рассматриваем морально-бытовую сторону товарищей, в частности Дыбенко. Это неправильно. Мы не Сольц. Его морально-бытовая сторона, взятая сама по себе, это мелочь, о которой не следовало бы рассуждать на таком совещании. Нет людей без недостатков. Один любит выпить. У других это превращается в болезнь. Таких людей мы лечим, но из партии не гоним. Таких людей мы перевоспитываем. Иные любят девочек. Это тоже нас мало интересует. Пусть себе с ними возятся сколько им угодно. У Дыбенко, видимо, это выходит грубее с насилием. Видимо - это болезнь. Тоже лечить можно. Ничего страшного в этом нет.

²²⁵ Военно-исторический архив. 1997. Вып.2. С. 52-53.

²²⁶ Военно-исторический архив. 1997. Вып.2. С. 53.

²²⁷ Военно-исторический архив. 1997. Вып.2. С. 53.

Так что сама по себе, взятая в отдельности, морально-бытовая сторона нас мало интересует. Она играет тогда только роль, когда разложение сочетается с политическими преступлениями. Стало быть, главное не в этом. В чем же главное?» По мнению вождя, в Красной Армии продолжают существовать отдельные группировки, которые могут перерасти при определенных условиях в антипартийные, антисоветские группировки. В данном случае Сталин имел в виду Егорова, Буденного и Дыбенко. «Это не группировка друзей, - сказал он, - а группировка политических единомышленников, недовольных существующим положением в армии, а может быть и политикой партии»²²⁸. Генсек потребовал покончить с групповщиной. Но времени на исправление ошибок не оставил. Уже 25 января 1938 года он продиктовал постановление ЦК ВКП(б), решившее судьбу героя Октября.

В проекте постановления «О т. Дыбенко» утверждалось:

- «а) т. Дыбенко имел крайне подозрительные связи с некоторыми американцами, которые оказались разведчиками, и недопустимо для честного советского гражданина использовал эти связи для получения пособия от американского правительства живущей в Америке своей сестре.
- б) СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают также заслуживающим серьезного внимания опубликованное в заграничной прессе сообщение о том, что т. Дыбенко является немецким агентом. Хотя это голословное сообщение опубликовано во враждебной белогвардейской прессе, тем не менее нельзя пройти мимо этого, так как одно такого же рода сообщение о бывшей провокаторской работе Шеболдаева при проверке оказалось правильным.
- в) т. Дыбенко вместо добросовестного выполнения своих обязанностей по руководству округом систематически пьянствовал, разложился в морально-бытовом отношении, чем давал очень плохой пример подчиненным.

Ввиду всего этого СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Считать невозможным дальнейшее оставление т. Дыбенко на работе в Красной Армии.
2. Снять т. Дыбенко с поста командующего Ленинградским военным округом и отзывать его в распоряжение ЦК ВКП(б).
3. Предложить т. Маленкову внести свои предложения о работе т. Дыбенко вне военного ведомства.
4. Настоящее постановление разослать всем членам ЦК ВКП(б) и командующим военными округами»²²⁹.

Известно, что Дыбенко не был безупречным человеком, и к нему можно было бы предъявить претензии нравственного порядка, но обвинять героя революции, члена первого Советского правительства в шпионаже на основании сообщений в белогвардейской прессе, конечно, было неправомерно. 30 января Дыбенко направил Сталину письмо, в котором

²²⁸ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1120, л. 103 – 107.

²²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп 163, д. 1181, л. 56-60.

отверг выдвинутые обвинения о связях с американцами, объяснял, что все его контакты с иностранными представителями проходили в присутствии сотрудников госбезопасности и наркоминдела, что заявление Керенского о связях Дыбенко с германской разведкой является провокацией белогвардейской эмиграции. «Я понимаю, - писал Павел Ефимович, - что я не буду возвращен в армию, но я прошу, и я на это имею право, дать мне возможность остаток моей жизни отдать целиком и полностью делу строительства социализма в нашей стране, быть до конца преданным солдатом ленинско-сталинской партии и нашей Родины»²³⁰. Аргументы солдата революции не были приняты во внимание. Ему сначала подыскали работу в лесной промышленности, а 28 февраля арестовали. Фамилия Дыбенко была включена в один расстрельный список с Алкснисом и Беловым, и 29 июля 1938 пули палачей оборвали жизни еще трех членов суда.

Осенью 1938 года пришла очередь маршала Блюхера. После того, как руководимые им войска в боях с японцами на озере Хасан понесли большие потери, его сняли с должности и 22 октября 1938 года арестовали. В начале следствия Блюхер в приписываемых ему обвинениях виновным себя не признавал. Тогда против него были использованы ложные показания, полученные 10 сентября 1938 года от арестованного первого заместителя наркома обороны И.Ф.Федько. 28 октября 1938 г была проведена очная ставка, на которой Федько заявил: «Преступные антисоветские связи с Блюхером я установил в ноябре месяце 1935 года, когда работал Военный совет». Блюхер на очной ставке заявил: «Как Вам не стыдно, Федько. Все, что сказал Федько, я категорически отрицаю».

В тот же день, 28 октября 1938, была проведена очная ставка между Блюхером и арестованным комкором Г.Д.Хаханьяном. На очной ставке Блюхер отрицал утверждения Хаханьяна от антисоветской заговорщической деятельности. Допрос Блюхера и очные ставки с Федько и Хаханьяном проводил Берия...

После того, как ...очные ставки желаемых результатов не дали, Блюхер Подвергся страшным избиениям, мучительным пыткам. Бывший начальник Лефортовской тюрьмы Зимин написал в 1957 году:

«Часто на допросы приезжали и наркомы НКВД, как Ежов, так и Берия, причем и тот и другой также применяли избиение арестованных. Я лично видел ..., как Берия избивал Блюхера, причем он не только избивал его руками, но с ним приехали какие-то специальные люди с резиновыми дубинками, и они, подбадриваемые Берия, истязали Блюхера, причем он сильно кричал: «Сталин, слышишь ли ты, как меня истязают». Берия же в свою очередь кричал: «Говори, как ты продал Восток»²³¹.

²³⁰ Военно-исторический архив. 1997. Вып. 2. С. 57-58.

²³¹ Военно-исторический архив. 1997. Вып.2. С. 50.

Это подтвердил и заместитель Зимины Харьковец: «Применение физических методов воздействия при допросах заключенных началось при Ежове, который лично подавал пример следователям. Узаконилось это и широко стало применяться при Берии. Я однажды лично был свидетелем, как он с Кобуловым в своем кабинете избивали резиновой дубинкой заключенного Блюхера».

Жена маршала Кольчугина-Блюхер, находясь в тюрьме, рассказала своей соседке по камере И.Русаковской об очной ставке с Василием Константиновичем, который «был до неузнаваемости избит и, находясь почти в невменяемом состоянии, в присутствии ее ... наговаривал на себя чудовищные вещи». Кольчугина-Блюхер с ужасом говорила о жутком растерзанном виде, который имел Блюхер на очной ставке, бросила фразу: «Вы понимаете, он выглядел так, как будто побывал под танком»²³².

В 1956 г. бывший начальник санчасти Лефортовской тюрьмы Розенблюм рассказала в КГБ, что в конце 1938 г. она оказывала медицинскую помощь находившемуся под стражей Блюхеру. На лице Блюхера имелись кровоподтеки, около глаза был огромный синяк. По заявлению Розенблюм, удар по лицу был настолько сильным, что в результате этого образовалось кровоизлияние в склеру глаза, и скlera была переполнена кровью²³³.

В целях получения показаний о «преступной» деятельности Блюхер подвергался обработке во время нахождения в камере внутренней тюрьмы НКВД СССР. В камеру к Блюхеру был помещен арестованный начальник Управления НКВД по Свердловской области комиссар госбезопасности 3 ранга Д.М.Дмитриев. По заданию Берия он применял различного рода провокации с единственной целью – склонить Блюхера к самооговору. Беседы, маршила с внутрикамерным агентом записывались с помощью оперативной техники. Вот, например, такой разговор между Блюхером и Дмитриевым происходил 26 октября 1938 года (Б – Блюхер, А – агент):

Б.: Физическое воздействие ... Как будто ничего не болит, а фактически все болит. Вчера я разговаривал с Берия, очевидно, дальше будет разговор с Народным комиссаром.

А: С Ежовым?

Б: Да. Ой, не могу двигаться, чувство разбитости.

А: Вы еще одну ночь покричите, и все будет замечательно.

Когда Блюхер возвратился с очередного допроса, дежурный из

надзорсостава предупредил его, что он подлежит отправке в Лефортово.

Дежурный: Приготовьтесь к отъезду, через час вы поедете в Лефортово.

Б: С чего начинать?

Дежурный:... Вам тов. Берия сказал, что от вас требуется, или поедете в Лефортово через час. Вам объявлено? Да?

²³² Военно-исторический архив. 1997. Вып.2. С. 48.

²³³ Военно-исторический архив. 1997. Вып.2. С. 48.

Б: Объялено... Ну вот сижу и думаю. Что же выдумать? Не находишь даже.
А: Вопрос решен раньше. Решение было тогда, когда вас арестовали. Что было для того, чтобы вас арестовать? Большое количество показаний. Раз это было – нечего отрицать. Сейчас надо найти смягчающую обстановку. А вы ее утяжеляете тем, что идете в Лефортово...

Б: Я же не шпионил.

А: Раз люди говорят, значит, есть основания

Б: Я же не шпион.

А: Вы не стройте из себя невиновного. Можно прийти и сказать, что я подтверждаю и заявляю, что это верно. Разрешите мне завтра утром все рассказать. И все. Если вы решили, что надо теперь все это сделать...

Б: Меня никто не вербовал.

А: Как вас вербовали, вам скажут, когда завербовали, на какой почве завербовали. Вот это и есть прямая установка...

Б: Я могу сейчас сказать, что я был виноват.

А: Не виноват, а состоял в организации...

Б: Не входил я в состав организации. Нет, я не могу сказать...

А: Вы лучше подумайте, что вы скажете Берия, чтобы это не было пустозвоном... Кто с вами на эту тему говорил? Кто вам сказал и кому вы дали согласие?

Б: Вот это письмо – предложение, я на него не ответил. Копию письма я передал Дерибасу (нач. УНКВД Хабаровского края).

А: Дерибас донес... Вы должны сказать.

Б: Что я буду говорить?

А: Какой вы чудак, ей-богу. Вы знаете (называет непонятную фамилию). Три месяца сидел в Бутырках, ничего не говорил. Когда ему дали Лефортово – сразу сказал...

Б: Что я скажу?

А: ...Вы меня послушайте, я вас считаю японским шпионом, тем более что у вас такой провал. Я вам скажу больше, факт, доказано, что вы шпион. Что, вам обязательно надо пройти камеру Лефортовской тюрьмы? Вы хоть думайте»²³⁴.

Во время нахождения под стражей 9 ноября 1938 года Блюхер умер. Нет сомнения, что жестокие избиения явились главной причиной этой смерти. Дело арестованного маршала было закрыто. Чекистам не удалось довести его до суда. О смерти Блюхера было сообщено Сталину, однако он не стал выяснить действительные причины гибели самого знаменитого героя гражданской войны. (Блюхер был первым в стране кавалером орденов Красного Знамени и Красной Звезды, а всего его грудь украшали восемь боевых наград.) Бывший сотрудник НКВД Головлев в 1963 г. сообщил: «В нашем присутствии Берия позвонил Сталину, который предложил ему

²³⁴ Военно-исторический архив. 1997. Вып.2. С. 49-50.

приехать в Кремль. По возвращении от Сталина Берия пригласил к себе Меркулова, Миронова, Иванова и меня, где он нам сказал, что Stalin предложил отвезти Блюхера в Бутырскую тюрьму для медосвидетельствования и сжечь в крематории»²³⁵.

На заседании ВС НКО 29 ноября 1938 г., т.е. через двадцать дней после его трагической гибели в застенках НКВД, разбирали причины больших потерь наших войск в боях у озера Хасан. Нарком и другие выступавшие во всем обвиняли командующего Дальневосточным фронтом Блюхера. Один из членов Военсовета выкрикнул с места: «Я предлагаю отдать под суд и Блюхера». (Присутствующие еще не знали, что его уже нет в живых). Член Политбюро Ворошилов, вероятно, уже знал, но предпочел сказать следующее: «К вашему сведению он уже находится в соответствующем месте и пытался уже несколько раз покончить с собой. Его выдал его родной брат. Сейчас Блюхер уже признает, что он враг и заговорщик, а его родной брат говорит, что Блюхер не только заговорщик и враг советской власти, но что он пытался в самый последний момент, когда мы его вызвали к себе, улететь с братом к японцам. Вот, кто такой Блюхер. Это конченная сволочь»²³⁶.

Щаденко продолжал интенсивный поиск врагов народа среди бывших конармейцев, вовлекая в эту кампанию многих людей.

«Заместителю Народного Комиссара Обороны СССР тов. Щаденко

1. В беседе с Вами 2 февраля 1938 года я упустил сказать Вам один очень существенный момент моего разговора с С.М.Буденным. Числа 4 июня 1937 г. после заседания Военного совета из Кремля мы заехали на квартиру к Семен Михайловичу – правда сначала в больницу, где он перевязал руку. На квартире в присутствии его жены Ольги Семен Михайлович начал рассказывать, что он не верит т.Кагановичу. Мне было непонятно, зачем он затеял такой разговор, когда я его не просил. К тому, что такой политически важный вопрос он его вел присутствии быв. жены Ольги. Правда, меня это не удивляло, т.к. все, что знал Семен Михайлович, знала и его жена Ольга, для нее не было секретов вообще.

Не верить члену Политбюро – значит не верить Политбюро, так выходит с настроением Семен Михайловича...

13.11 – 38 И.Р.Апанасенко»²³⁷.

К декабрю 1938 года из всего состава Специального судебного присутствия в живых остались армвоенюрист В.В.Ульрих, начальник Генштаба Б.М.Шапошников, маршал С.М.Буденный и комкор Е.И.Горячев. Ульрих еще много лет служил Сталину в качестве главного военного карателя. К Шапошникову генсек претензий не имел. Иное дело Буденный.

²³⁵ Военно-исторический архив. 1997. Вып.2. С. 51.

²³⁶ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 47, л. 138.

²³⁷ РГАСПИ, коллекция документов.

Имелось множество сигналов, что главный кавалерист страны в период коллективизации в разговорах с сослуживцами резко высказывался против разорения крестьянства, приведшего к снижению сельскохозяйственного производства, что, по его мнению, подрывало оборонную мощь и ограничивало возможности развития красной кавалерии. Кроме того, Буденный считал, что его заслуги перед советской властью недостаточно оценены, что он больше, чем Ворошилов, заслуживает должности наркома обороны. Сталин неоднократно и прилюдно упрекал Семена Михайловича за ошибочные высказывания и поступки, но не считал нужным отдавать его на расправу в НКВД. Вождь был уверен, что этот человек никогда в большую политику не полезет и в заговорах участвовать не станет. Покровительство Сталина спасло Буденного от репрессий.

Елисей Иванович Горячев был храбрым кавалеристом, в 1937 году в звании комдива командовал казачьим корпусом, продолжал продвигаться по служебной лестнице: получил звание комкора, был избран депутатом Верховного Совета и в 1938 году занял должность заместителя командующего Киевским военным округом по кавалерии, ему покровительствовал С.К. Тимошенко. Зато другие бывшие сослуживцы – Е.А.Щаденко, И.Р.Апанасенко, И.И.Хорун, С.М.Кривошеин – сигнализировали наркому обороны, что раньше Горячев пользовался покровительством Уборевича, благодаря чему и сделал карьеру, а потом участвовал в суде над своим покровителем и, не покаявшись в прежних связях с «врагом народа», продолжает служить на высоких должностях. Особенно усердствовал в разоблачениях врагов народа заместитель наркома обороны по кадрам Е.А.Щаденко. Он беспощадно громил своих бывших друзей по Первой Конной армии, находя все новые доказательства их контрреволюционной деятельности.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР

2 августа 1938 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР

Маршалу Советского Союза т. Ворошилову К.Е.

Вчера, 1 августа, разговаривая с комвойсками КВО т.Тимошенко по служебным вопросам, относительно замещения вакантных должностей командного состава в округе, между прочим коснулся личности комкора Горячева. Тимошенко ответил, что он работает хорошо и никаких нет оснований думать, что он состоял в связях с Уборевичем, Буденным, Егоровым, Сердичем и т.д. Когда я указал т.Тимошенко на некоторые данные, то он рассказал мне следующее: недавно в округ приезжал инспектор кавалерии РККА Городовиков Ока Иванович и в разговоре с Горячевым заявил: "Наверное нас всех перебьют, кто был близок с Буденным; останутся только те, кто пресмыкался перед Ворошиловым. Из всех конников останутся только Тимошенко да Щаденко, а всех остальных перебьют". Не знаю, докладывал ли Вам об этом Тимошенко. Но факт такого

разговора, переданный Горячевым Тимошенко, заслуживает, по-моему, безусловного внимания, тем более, что Буденный начисто продолжает отрицать свое участие в тройке.
Е.Щаденко»²³⁸.

Вот еще один из многих образцов его разоблачительной работы:

«ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР

6 декабря 1938 г.

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ОБОРОНЫ СССР

Маршалу Советского Союза тов. Ворошилову К.Е.

Представляю два заявления комкора Апанасенко от 13 и 14 ноября сего года, мою с ним беседу от 5 декабря, по поводу участия комкоров Городовикова и Горячева в к.р. заговоре, докладную записку бригадного комиссара Гапановича от 13.10.37 г., письмо комбрига Кривошеина от 14.1.38 и расследование т. Белова от 31 августа и копию моей записи от 2 августа 1938 года, прихожу к твердому выводу, что ранее мной высказанное предположение о существовании еще не раскрытоей к-р террористической группы, под руководством Егоро-Буденновской шайки, является по-моему реальным фактом.

Чем это доказывается?

Во-первых, наличием еще не ликвидированной крупной право-троцкистской группировки, в которую входят видные по занимаемому положению и по чину заговорщики. Во-вторых, наличием как прямых, так и косвенных улик против Буденного, Городовикова, Горячева об их активной роли в заговоре. В-третьих, прилагаемыми документами и, в-четвертых, тем фактом, что моя попытка еще в сентябре с/г раскрыть при помощи О.О. НКВД террористическую шайку успеха не имела не потому, что мало было доказательств, а исключительно потому, что во главе ОО НКВД стояла крепко спаянная шпионская банда в лице Николаева, Агаса, Федорова, заверявшая, что арестованные Пуят (латыш) и поляки Шестак и Жилинский оказались будто бы не террористами и вообще малозначущими людьми.

Теперь сопоставляя все факты, документы, показания арестованных и Апанасенко, я прихожу к твердому убеждению, что Городовиков является наиболее опасным исполнителем к-р воли военно-фашистской право-троцкистской банды заговорщиков, человеком крайних суждений и действий.

"Я стреляю без промаха со всех видов оружия, особенно из револьвера", - часто многозначительно заявляет Городовиков, но т.к. он крепко связан с Буденным и Горячевым до сих пор, то совершенно ясно, что его настроения не только известны последним, но исходят из суждений, а может быть и

²³⁸ РГАСПИ, коллекция документов.

заданий еще не до конца раскрытой и разоруженной банды Егоро-Тухачевского блока.

Прошу Ваших указаний по поводу дальнейшего пребывания на столь ответственных в РККА постах комкоров Городовикова и Горячева, которые изобличаются многими документами и показаниями арестованных и не арестованных заговорщиков, как активные участники право-троцкистского военно-фашистского заговора в Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Е.Щаденко

Дополнительно присоединяю извлеченный из архива материал т.Хоруна на комкора Горячева. Этот материал был спрятан врагами народа Шапошниковым и Смирновым, которые после Гамарника возглавляли ПУР»²³⁹.

Через шесть дней после этого доноса, 12 декабря 1938 года, не выдержав травли, комкор Горячев застрелился.

Так печально сложились судьбы пяти из восьми членов суда над группой Тухачевского.

3.3. ТРАГИЧЕСКИЕ ИТОГИ

Летом и осенью 1937 года репрессии приобрели всеармейский размах. «Уже через девять дней после суда над Тухачевским были арестованы как участники военного заговора 980 командиров и политработников, в том числе 29 комбригов, 37 комдивов, 21 комкор, 16 полковых комиссаров, 17 бригадных и 7 дивизионных комиссаров»²⁴⁰, - сообщалось в справке Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50 -х годов. По существовавшим тогда правилам разрешение на арест каждого офицера должен был давать нарком обороны. Получая из НКВД списки с десятками и даже сотнями фамилий военнослужащих, Ворошилов накладывал на них резолюции: «арестовать». Особенно активно преследовались высшие командиры: заместители наркома обороны, руководители Главных и Центральных управлений НКО, командующие военными округами, их заместители и помощники, командиры корпусов, дивизий, бригад и начальники штабов всех уровней.

5 июля 1937 г. Ворошилов докладывал Сталину и Молотову: «Сообщаю об увольнениях, перемещениях и назначениях высшего командного состава в связи с произведенными арестами врагов народа с 1 апреля по 5 июля». Согласно приведенной в документе информации, за этот период было «отстранено и уволено»: Командующих войсками округов – 5, их заместителей и помощников – 8, начальников штабов округов – 6, их заместителей – 7, командиров стрелковых корпусов – 13, командиров

²³⁹ РГАСПИ, коллекция документов.

²⁴⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С.57.

стрелковых дивизий – 14, командиров кавалерийских корпусов – 3, командиров кавалерийских дивизий – 3, командиров механизированных корпусов – 3, командиров механизированных, танковых, стрелково-пулеметных бригад-10, командиров авиакорпусов – 1, командиров авиабригад – 9. Кроме того, было уволено 19 начальников штабов корпусов и дивизий, 5 помощников командиров дивизий и 28 начальников центральных управлений и отделов НКО²⁴¹. Таким образом, за 3 месяца армия лишилась 140 высших командиров, к назначенному сроку (5 июля) удалось заменить только половину из уволенных.

В короткий срок был практически разгромлен Военный Совет при НКО. Динамика смены заместителей наркома обороны в 1937-1938 годах отражена в таблице.

РУКОВОДИТЕЛИ НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СССР В период 1934 – 1938 г.

Ворошилов К.Е.	Нарком обороны	6.1934 – 5.1940		
Гамарник Я.Б.	1-й заместитель Наркома обороны	6.1934 – 5.1937	Начальник ПУ РККА 1929 - 1937	Застрелился 31.5.1937
Тухачевский М.Н.	1-й заместитель Наркома обороны	6.1934 – 5.1937	Начальник вооружений РККА	Расстрелян 12.6.1937 г.
Смирнов П.А.	заместитель Наркома обороны	10 – 12.1937	Начальник ПУ РККА 6 – 12.1937	Расстрелян в 1939 г.
Егоров А.И.	1-й заместитель Наркома обороны	5.1937 – 1.1938		Расстрелян 23.2.1939 г.
Федько И.Ф.	1-й заместитель Наркома обороны	1.1938- 7.1938		Расстрелян 26.2.1939 г.
Щаденко Е.А.	заместитель Наркома обороны	11.1937- 12.1940	Начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА	В декабре 1940 г. отозван в распоряжение ЦК ВКП(б)
Мехлис Л.З.	заместитель Наркома обороны	1.1938- 8.1940	Начальник ПУ РККА	С 1940 г. нарком госконтроля.
Алкснис Я.И.	заместитель Наркома обороны	1.1937- 11.1937	Начальник ВВС РККА	Расстрелян 29.7.1938 г.
Орлов В.М.	заместитель Наркома обороны	1.1937- 7.1937	Начальник УМС РККА	Расстрелян 29.7.1938 г.
Шапошников Б.М.	Начальник Генерального штаба РККА	5.1937- 8.1940	С августа 1940 г. заместитель наркома обороны СССР	С июля 1941 г. Начальник Генерального штаба РККА

²⁴¹ Репрессии в Красной Армии (30-е годы).- Неаполь, 1996. С. 186, 188, 190.

Разоблачение так называемого «Военно-фашистского заговора в Красной армии» привело к массовым репрессиям, которые в наибольшей степени затронули высший кадровый эшелон Вооруженных Сил. В мае – июне 1937 года погибли два заместителя наркома обороны – Гамарник и Тухачевский. В июле был арестован начальник Морских сил РККА – заместитель НКО В.М.Орлов, в ноябре – начальник Военно-Воздушных Сил и заместитель наркома по авиации Я.И.Алкснис. Вместо них были назначены: первым заместителем НКО – маршал А.И.Егоров, начальником ПУ РККА и заместителем НКО – П.А.Смирнов, начальником Морских сил РККА М.В.Викторов, начальником ВВС – А.Д.Локтионов.

В течение 1937 года многие главные и центральные управления наркомата лишились своих руководителей. В 1937 году были арестованы и осуждены на 15 лет начальник военно-химического управления корабел Я.М.Фишман и начальник управления высших военно-учебных заведений комкор А.И.Тодорский. Они вышли на свободу после смерти И.С.Сталина. Были арестованы и затем расстреляны начальники управлений: автобронетанкового комдива Г.Г.Бокис, административно-мобилизационного комкор А.М.Вольпе, артиллерийского комкор Н.А.Ефимов, военных сообщений комкор Э.Ф.Аппога, военно-инженерного комкор Н.Н.Петин, военно-учебных заведений армейский комиссар 2-го ранга И.Е.Славин, Гражданского воздушного флота комкор И.Ф.Ткачев, обозно-вещевого снабжения корабелант Д.И.Косич, по командно-начальствующему составу комкор Б.М.Фельдман, продовольственного снабжения корабелант А.И.Жильцов, разведывательного комкор С.П.Урицкий, санитарного корврач М.И.Баранов, связи комкор Р.В.Лонгва, технического С.В.Бордовский. Но этим репрессии не ограничились. Вслед за первой волной репрессий пришла вторая. Новые руководители управлений, пришедшие на смену репрессированным, также вскоре были уничтожены. Всего один месяц возглавлял управление боевой подготовки Н.Д.Каширин, несколько месяцев руководил раздуправлением Я.К.Берзин, а военно-химическим управлением – М.О.Степанов, управлением Морских сил М.В.Викторов. Армейский комиссар 2-го ранга А.С.Булин, в апреле поставленный во главе управления по комначсоставу (УКНС) для очистки кадров РККА от врагов народа, уже в ноябре сам был обвинен в шпионаже и арестован. Кроме того, в 1937- 1938 годах были репрессированы многие начальники отделов наркомата обороны. Только бывшие конармейцы Е.А.Щаденко, Г.И.Кулик, А.В.Хрулев, возглавившие в 1937 году управления по комначсоставу (УКНС), артиллерийское (ГАУ) и строительно-квартирное (СКУ), смогли удержаться на занимаемых должностях, а затем добились повышения.

В справке о руководящих кадрах комначсостава РККА²⁴² подводились итоги кадровых изменений в центральном аппарате (без ВВС) за 1937 – 1939 годы. Отмечалось, что в 1938-1939 гг. состав начальников управлений и отделов НКО сменен на 75%, причем в некоторых управлениях в 1937-1938 гг. начальники сменялись по 2-3 раза, например: в Квартирно-эксплуатационном (КЭУ), Химическом управлении (ВХУ) и управлении связи. Руководителями этих управлений в 1937-1939 годах были: В КЭУ Хрулев, Шафранский и Кутузов, в Химуправлении Фишман, Степанов, Мельников, в Управлении связи Лонгва, Аксенов, Найденов. Заместители и помощники начальников управлений сменены на 80,7%, начальники отделов Центральных Управлений сменены на 95,1%. В справке подчеркивалось, что в результате этих кадровых перестановок повысилось качество руководящих кадров Центрального аппарата НКО: выросла партийная прослойка, уменьшилось число бывших служащих за счет увеличения удельного веса выходцев из рабочих и крестьян, поднялся образовательный уровень. Партийная прослойка центрального аппарата в 1939 г. достигла 91%. Рабочих и крестьян в 1936 г. было 21,7%, в 1939 г. – 43,7%. Окончивших академии в 1936 г. было 59,4%, в 1939 г. – 66,5%²⁴³.

	Начальники центральных управлений и отделов НКО		Заместители помощники начальников центральных управлений НКО		Начальники отделов центральных управлений НКО	
	1936	1939	1936	1939	1936	1939
Количество	23	24	28	31	115	149
Из них:	По партийности					
Члены ВКП (б)	23	24	27	29	107	129
беспартийные			1	2	8	20
	По соцположению					
Рабочих	1	5	2	10	19	43
Крестьян	3	4	2	3	13	23
служащих	19	15	24	18	83	83
	По военному образованию (окончили)					
Академии	15	22	17	23	64	89
ВАК и КУВНАС	3		4	2	10	8
КУКС		2		3	15	26
Училища и школы			1	2	8	9
Комкурсы	1					4
Только в старой армии	2		2			3
Без военного	2		4	1	18	10

²⁴² РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 121, л. 97.

²⁴³ РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 121, л. 97.

Во второй половине 30-х годов часто менялись высшие руководители родов войск и видов Вооруженных Сил: авиации, Военно-морского флота и войск противовоздушной обороны.

В период всеармейской чистки в большинстве военных округов произошла полная смена руководства. Во всех военных округах за 1937 – 1938 годы поменялись командующие, их заместители, многие командиры частей и соединений. Маршал Г.К.Жуков вспоминал: «Вскоре командующего войсками И.П.Белова постигла та же трагическая участь, что и предыдущих командующих, - он был арестован как «враг народа», и это тогда, когда И.П.Белов, бывший батрак, старый большевик, храбрейший и способнейший командир, положил все свои силы на борьбу с белогвардейщиной и иностранной интервенцией, не жалея себя в деле выполнения задач, которые перед ним ставили партия и правительство.

Как-то не вязалось: Белов – и вдруг «враг народа». Конечно, никто этой версии не верил. После ареста И.П.Белова командующим войсками округа был назначен командарм 2-го ранга М.П.Ковалев... На смену арестованным выдвигались все новые и новые лица, имевшие значительно меньше знаний, меньше опыта, и им предстояла большая работа над собой, чтобы быть достойными военачальниками оперативно-стратегического масштаба, умелыми воспитателями войск округа. В Белорусском военном округе было арестовано почти 100 процентов командиров корпусов. Вместо них были выдвинуты на корпуса командиры дивизий, уцелевшие от арестов»²⁴⁴.

На 1.01.1937 года должности командующих военными округами занимали 13 человек. Лишь один из них (Б.М.Шапошников) избежал репрессий. Остальные 12 человек были расстреляны. Все погибшие имели большой стаж военной службы, участвовали в 1-й мировой и гражданской войнах, были опытными командующими, прошли все ступени командной лестницы. Долгое время руководили войсками различных округов следующие военачальники: по 2 года командовали округами Гарьковый, Грязнов и Шапошников, по 4 года - Гайлит и Великанов, 6 лет Каширин, по 9 лет - Блюхер (ОКДВА и ДВО) и Дыбенко (Среднеазиатским, Приволжским и Ленинградским), 11 лет –Уборевич (Северо-Кавказским, Московским и Белорусским) и 12 лет - Якир (10 лет Украинским и 2 года Киевским ВО). Военачальникам, пришедшим им на смену в 1937 году, довелось командовать округами гораздо меньше.

округ	командующий	С какого времени командовал военным округом	примечание

²⁴⁴ Жуков Г.К. Указ. Соч. Т. 1. М., 1990. С. 229.

ПриВО	Дыбенко П.Е.	С 1935 г.	Расстрелян в 1938 г.
СКВО	Каширин Н.Д.	С 1931 г.	Расстрелян в 1938 г.
УрВО	Гарьковый И.И.	С 1935 г.	Расстрелян в 1937 г.
МВО	Белов И.П.	С 1935 г.	Расстрелян в 1938 г.
ЗакВО	Левандовский М.К.	С 1935 г.	Расстрелян в 1938 г.
ЗабВО	Грязнов И.К.	С 1935 г.	Расстрелян в 1938 г.
СибВО	Гайлит Я.П.	С 1933 г.	Расстрелян в 1938 г.
ЛВО	Шапошников Б.М.	С 1935 г.	Назначен начальником Генштаба
БВО	Уборевич И.П.	С 1931 г.	Расстрелян в 1937 г.
ОКДВА	Блюхер В.К.	С 1929 г.	Арестован в октябре 1938 г. Умер во время следствия 9.11.38.
КВО	Якир И.Э.	С 1935 г.	Расстрелян в 1937 г.
ХВО	Дубовой И.Н.	С 1935 г.	Расстрелян в 1938 г.
САВО	Великанов М.Д.	С 1933 г.	Расстрелян в 1938 г.

В течение 1937 года на освободившиеся должности командующих войсками военных округов были назначены 13 человек из числа наиболее подготовленных командиров корпусов и дивизий, а также командующих армейскими группами и работников центрального аппарата НКО. Из назначенцев 1937 года только Тимошенко, Буденный и Ефремов получили возможность командовать округами свыше трех лет, а затем были повышены в должности. Тимошенко возглавил НКО, Буденный стал его заместителем, а Ефремов - заместителем генерал-инспектора пехоты Красной Армии. В период Великой Отечественной войны все трое командовали фронтами. Остальные 10 человек командовали округами от трех месяцев до одного года. Многие из них также как их предшественники оказались репрессированными. Шестерых расстреляли в 1937 – 1939 годах, а одного - в 1941 году. Еще двое – Антонюк и Петровский – увольнялись из Вооруженных Сил, но затем были реабилитированы и в период Великой Отечественной войны командовали общевойсковыми армиями.

Лица, назначенные на должности командующих войсками военных округов в 1937 году

округ	командующий	Продолжительность командования военными округами	примечание
ПриВО	Брянских П.А.	8 месяцев	Расстрелян в 1938 г.
СКВО	Грибов С.Е.	4 месяца	Расстрелян в 1938 г.
УрВО	Горбачев Б.С.	2 месяца	Расстрелян в 1938 г.
МВО	Буденный С.М.	3 года	С 1939 г. зам. наркома обороны СССР
ЗакВО	Куйбышев Н.В.	8 месяцев	Расстрелян в 1938 г.
ПриВО	Ефремов М.Г.	4 года	Командовал ЗабВО, ОрВО,

			СКВО, ЗакВО
СибВО	Антонюк М.А.	Менее 1 года	Репрессирован, уволен из армии. Восстановлен в армии.
ПриВО	Тухачевский М.Н.	Был назначен, но в должность не вступил	Расстрелян в июне 1937 г.
САВО	Петровский Л.Г.	3 месяца	Репрессирован, уволен из армии. В 1941 г. восстановлен в армии.
УрВО	Софронов Г.П.	11 месяцев	Переведен в центральный аппарат НКО
КВО	Федько И.Ф.	8 месяцев	В январе 1938 г. назначен 1-м заместителем НКО. Расстрелян в 1939 г.
СКВО	Тимошенко С.К.	3 года	Командовал ХВО, КВО. С 1940 г. – нарком обороны СССР.
САВО	Локтионов А.Д.	3 месяца	В ноябре 1937 г. назначен начальником ВВС РККА. В 1940 г. командовал ПриВО. Расстрелян в 1941 г.

Стабилизация руководящего состава военных округов произошла к концу 1938 года. Из лиц, назначенных в этом году, был репрессирован только один человек. Остальные командовали округами от одного до шести лет. В войну лишь троим из них – Мерецкову, Тюленеву и Хозину доверили командовать фронтами. Настоящим полководцем можно считать только одного из них. Мерецков в годы Великой Отечественной войны командовал войсками Волховского и Карельского фронтов, стал маршалом Советского Союза и кавалером высшего военного ордена «Победа».

За два года – 1937 – 1938 – состоялось около 40 назначений на должность командующего военным округом. Это свидетельствует о настоящей кадровой лихорадке, поразившей высший комсостав. Не успев освоить новый для него круг обязанностей, командующий переводился в другой военный округ или арестовывался. Ему на смену выдвигали еще одного новичка. Положение в окружном звене стабилизировалось только в 1939 году.

Комвостками округов в 1937-1938 гг. сменялись по 3-5 раз, например: в Уральском ВО – 5 (Гарьковый, Горбачев, Гайлит, Сафонов, Ершаков), в Среднеазиатском ВО – 4 (Грязнов, Локтионов, Петровский, Апанасенко), Приволжском ВО – 4 (Дыбенко, Брянских, Мерецков, Шевалдин). Командующие войсками округов в 1938-1939 гг. сменены все, кроме Московского ВО, которым с июня 1937 г. командовал маршал Советского Союза С.М. Буденный. Заместители и помощники командующих войсками округов сменены все 100%. Начальники штабов округов в 1938-1939 гг. сменены все 100%. Заместители начальников штабов округов в 1938-1939 гг. сменены на 75%. Партийная прослойка в окружном аппарате в 1936 г.

была 87%, в 1939 г. – 91,5%. Рабочих и крестьян в 1936 г – 32%, в 1939 г. – 82,1%. Служащих в 1936 – 68%, в 1939 г. – 17,9%²⁴⁵.

Если брать не весь окружной аппарат в целом, а его отдельные части, то окажется, что в 1939 году среди начальников штабов округов почти половина (8 из 17) вышла не из рабочих и крестьян, а из служащих. Причем для них был характерен более высокий образовательный уровень. Если из 17 командующих 13 (76,47%) имели высшее военное образование, то из 17 начальников штабов округов военные академии окончили 16 человек (94,1%). Та же картина наблюдалась в армейском и корпусном звеньях. Высшее военное образование имели 75% командующих и 100% начальников штабов армейских групп. Следовательно, можно считать закономерностью, что на должности начальников штабов всех уровней назначались люди, как правило, более образованные, чем соответствующие командиры.

Серьезные перемены произошли в армейском и корпусном звене. Армейские группы были созданы в 1938 и 1939 годах и на их укомплектование были подобраны новые кадры. Партийная прослойка – 85,9%, рабочих и крестьян 77,1%. Среди командующих армейскими группами 83,1 % окончили военные академии и КУВНАС²⁴⁶.

В ноябре 1937 г. новым заместителем НКО по кадрам и начальником Управления по командному и начальствующему составу (УКНС) назначается Е.А.Щаденко – верный соратник Ворошилова по 1-й Конной армии. Он-то и стал одним из самых активных проводников репрессивной политики в армии. Щаденко собирал компромат на всех, в том числе и на бывших сослуживцев по Конной армии: С.М.Буденного, И.Р.Апанасенко, О.И.Городовикова и многих других. Едва вступив в новую должность, Щаденко написал донос на маршала Егорова, чем способствовал его быстрому падению. Еще 20 января 1938 г. на торжественном приеме в честь первых депутатов Верховного Совета СССР Stalin очень тепло говорил, что он больше всех уважает и любит героев гражданской войны и поднял тост за их здоровье. В стенограмме отмечалось: «Руководители партии и правительства приветствуют тт. Буденного, Егорова, Шапошникова, Городовикова, Кулика и др»²⁴⁷. В тот же вечер Stalin призвал постоянно повышать бдительность, корчевать врагов народа. «Но у нас есть один орган бдительности, т.к. мы в процессе работы можем кое-что прозевать ... Никому на слово, товарищи, верить нельзя. Я извиняюсь перед Вами, может быть это неприятно, но это крайне необходимо (Аплодисменты). За органы бдительности во всесоюзном масштабе, за чекистов, за самых малых и

²⁴⁵ РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 121, л. 98.

²⁴⁶ РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 121, л. 99.

²⁴⁷ Застольные речи Сталина. С. 172.

больших ... Я предлагаю тост за всех чекистов и за организатора и главу всех чекистов – товарища Ежова (Бурные аплодисменты)»²⁴⁸.

Через два дня Сталин собрал полтора десятка военачальников для разбора доноса о поведении маршала Егорова. В доносе говорилось, что во время ужина, на котором присутствовали маршалы Буденный, Егоров и корпусной комиссар Щаденко, Егоров высказывался о неправильном освещении истории гражданской войны, что он много сделал для победы, но слава досталась другим, а его личный вклад недооценен.

«Тут многие товарищи говорили уже о недовольстве Дыбенко, Егорова и Буденного. Само по себе недовольство отдельными моментами отношений к ним вполне законно. Мы не против того, чтобы товарищи были недовольны теми или иными фактами. Не в этом дело. Важно, чтобы они пришли и вовремя сказали Центральному Комитету, что тем-то и тем-то мы недовольны. Вот Егоров – недоволен тем, что не вытячивают его роль и затирают в Царицынской операции. Недовольство, возможно, законное, и я не против такого недовольства, но он же мог прийти в ЦК и сказать, что я недоволен тем-то и тем, мы бы поправили нашу печать, или бы разъяснили Егорову, что его недовольство неправильное. Недовольны тем, что, якобы, их мало выдвигают. Это неправильно. Нас можно упрекнуть в том, что мы слишком рано или слишком много выдвигаем и популяризуем таких людей, как Буденный, Егоров и др. Нас нельзя упрекнуть в том, что мы затираем талантливых людей. Это все неправильно ... Так что, товарищи, зазнаваться нечего и лезть в обиду, что того-то не наградили, того-то мало выдвигают – неправильно. А по отношению к военным – это неправильно в особенности»²⁴⁹. В заключение Сталин пригрозил Егорову и Буденному расправой, если они не подчинятся безоговорочно линии партии.

Уже через два дня в продиктованном Сталиным проекте постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О т. Егорове» говорилось, что «первый заместитель народного комиссара обороны СССР т. Егоров А.И., в период его работы на посту начальника Штаба РККА, как сейчас выяснилось, работал крайне неудовлетворительно, работу Генерального Штаба развалил, передоверив ее матерым шпионам польской, немецкой, итальянской разведок Левичеву и Меженинову», СНК СССР и ЦК ВКП(б) «считают крайне подозрительным, что т. Егоров не только не пытался контролировать Левичева и Меженинова, но безгранично им доверял и состоял с ними в дружеских отношениях». Далее в проекте постановления голословно утверждалось, «что целый ряд вопросов, разработанных в Штабе, шли вразрез с интересами обороны СССР, а многие важнейшие материалы секретнейшего оперативного значения оказались переданными иностранным разведкам».

²⁴⁸ Застольные речи Сталина. С. 181.

²⁴⁹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1120, л. 103-109.

Далее утверждалось, что «т. Егоров, как это видно из показаний арестованных шпионов Белова, Гринько, Орлова и других очевидно кое-что знал о существующем в армии заговоре, который возглавлялся шпионами Тухачевским, Гамарником и другими мерзавцами из бывших троцкистов, правых, эсеров, белых офицеров и тому подобное. Судя по этим материалам т. Егоров пытался установить контакт с заговорщиками через Тухачевского, о чем говорит в своих показаниях шпион из эсеров Белов».

Егорова обвинили в том, что он «безосновательно, не довольствуясь своим положением в Красной Армии и кое-что зная о существующих в армии заговорщических группах, решил организовать свою собственную антипартийного характера группу, в которую он вовлек т. Дыбенко и пытался вовлечь в нее т. Буденного».

На основании всего указанного СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановили:

«1) Признать невозможным дальнейшее оставление т. Егорова А.И. на руководящей работе в Центральном аппарате Наркомобороны ввиду того, что он не может пользоваться полным политическим доверием ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

2) Освободить т. Егорова от работы первого заместителя Наркома Обороны.

3) Считать возможным в качестве последнего испытания предоставление тов. Егорову работы командующего одного из неосновных военных округов. Предложить т. Ворошилову представить в ЦК ВКП(б) и СНК СССР свои предложения о работе т. Егорова.

4) Вопрос о возможности оставления т. Егорова в составе кандидатов в члены ЦК ВКП(б) поставить на обсуждение очередного пленума ЦК ВКП(б)

5) Настоящее постановление разослать всем членам ЦК ВКП(б) и командующим военными округами»²⁵⁰.

Вот уже и командрма Белова, которому в июне 1937 года доверили судить группу Тухачевского, обозвали «шпионом из эсеров», и достойнейших заместителей начальника Генштаба комкоров Левичева и Меженинова назвали материими шпионами трех разведок. В тот же день Егорова направили командовать войсками Закавказского военного округа, его предшественника на этом посту комкора Н.В.Куйбышева отзвали в распоряжение ЦК ВКП(б)²⁵¹. В начале февраля 1938 г. Куйбышева арестовали и впоследствии расстреляли.

Вместо Егорова заместителем Народного Комиссара Обороны стал И.Ф.Федько, командующим войсками Киевского военного округа. – С.К.Тимошенко, а его заместителем по кавалерии комкор Горячев²⁵².

²⁵⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп 163, д. 1181, л. 48 - 55.

²⁵¹ РГАСПИ, ф. 17, оп 163, д. 1181, л. 67.

²⁵² РГАСПИ, ф. 17, оп 163, д. 1181, л. 68.

Сталин был в курсе всех событий, направлял и регулировал репрессии. Так 5 августа 1937 г., ознакомившись с протоколом допроса заместителя начальника Разведуправления РККА М.К.Александровского, вождь написал Н.И.Ежову: «Арестовать: 1)Каширина. 2) Дубового. 3)Якимовича. 4) Дорожного (чекист). 5) и других» Кроме того, в этом протоколе против 30 фамилий он сделал пометки «арестовать», «взять».

Сталин единолично, а иногда с участием Молотова, Кагановича и Ворошилова просматривал присланые ему из НКВД списки лиц намеченных к расстрелу. В большинстве случаев он оставлял на обложке дела пометку: «За. И.Сталин», иногда вычеркивал из списка несколько фамилий, продляя тем самым жизнь обреченных военачальников еще на некоторое время. Однако почти все они попадали в очередной расстрельный список. Так 26 июля 1938 г. Ежов послал Сталину список на 139 человек, которых предлагал расстрелять. Stalin вычеркнул только одну фамилию и на обложке появилась надпись: «За разстрел всех 138 человек И.Ст. В. Молотов». 139-м в этом списке был маршал Егоров, который благодаря вмешательству вождя прожил еще полгода и был расстрелян в день Красной Армии - 23 февраля 1939 г.

Вопрос о масштабах репрессий в армии и о степени их влияния на боеготовность Советских Вооруженных Сил до сих пор остается дискуссионным. Разные авторы называют различные цифры репрессированных генералов и офицеров, соотнося их с численностью командного и начальствующего состава РККА в конце тридцатых годов, вычисляют проценты репрессированных и делают из этого свои выводы. На мой взгляд, это лишь часть проблемы. Необходимо рассмотреть и изменение морально-психологического климата в армии, произошедшее под влиянием репрессий.

Репрессии привели к снижению уровня боевой подготовки. Г.К.Жуков вспоминал о гнетущей атмосфере, сложившейся в Белорусском особом военном округе (БОВО): «Тягостная обстановка, создавшаяся в армии и в стране в связи с массовыми арестами, продолжала действовать угнетающе. Арестам подвергались уже не только крупнейшие государственные и виднейшие военные работники, но дело дошло и до командиров и политических работников частей. После ареста командующих войсками округа И.П.Уборевича и И.П.Белова учебная подготовка высшего командного состава в округе резко снизилась и мы почти не вызывались в округ на какие-либо учебные мероприятия. Чувствовалось, что командование округом само болезненно переживает сложившуюся обстановку»²⁵³. Такие же процессы происходили не только в Белорусском, но и в других военных округах. Кадровому составу армии был нанесен непоправимый ущерб.

²⁵³ Жуков Г.К. Указ. Соч. Т. 1. М., 1990. С. 235.

Никто не мог быть уверен в своей безопасности. Ни прошлые заслуги, ни высокие награды не могли защитить человека от произвола. Так комдив К.А.Мерецков, выдвинутый в 1937 г. на должность заместителя начальника Генштаба, подвергся преследованию карательных органов. Тяжелая атмосфера парализовала работу военачальника. Военком Генштаба писал о Мерецкове: «За последнее время работал не с полным напряжением, явно проявлял боязнь в принятии решений и даче указаний. Избегал подписывать бумаги и резолюций на бумагах никаких не писал, настроен был нервно и имел подавленное настроение. В разговоре со мною очень часто вспоминал, как его вызывали в НКВД и какие он давал объяснения»²⁵⁴. Мерецков волновался не напрасно, в 1941 году его арестовали, обвинили в подготовке военного заговора, подвергли жестоким пыткам и вырвали у него признание в несовершенных преступлениях. Через два месяца по личному указанию Сталина его освободили и направили на фронт. В 1944 году К.А.Мерецков стал Маршалом Советского Союза.

В 1993 году была опубликована статья двух военных юристов А.Т.Уколова и В.И.Ивкина²⁵⁵, в которой дается судебная статистика об осуждении военнослужащих за различные виды преступлений во второй половине 30-х годов. Авторы статьи опубликовали «Справку о числе уволенного комначполитсостава в 1937-1938 гг.» от 19 сентября 1938 г. В документе начальник 6-го отдела УКНС РККА полковник Ширяев докладывает заместителю наркома обороны Е.А.Щаденко, что в 1937 г уволено из РККА 20643 человека (12% к списочной численности), из них арестовано 5811 (28,2% к числу уволенных), а в 1938 году уволено 16118 ч.(8,5%), из них арестовано 5057 (31,4%)²⁵⁶. Приведенные цифры в сумме дают 36761 уволенный, из которых 10868 было арестовано. Авторы верно заметили, что причиной увольнения был не только арест, но и смерть, инвалидность и болезнь, а также пьянство, моральное разложение, исключение из ВКП(б). «К тому же в то время под репрессией в уголовном праве понималось наказание, назначенное государством или от его имени судом»²⁵⁷. Уколов и Ивкин приводят таблицу «Судимость военнослужащих кадрового состава РККА», в которой отражены все виды преступлений: контрреволюционные, воинские, должностные, имущественные, пьянство, хулиганство, дискредитация власти и прочие. В соответствии с данными таблицы за 1936 – 1940 гг. осуждены 67,2 тыс. военнослужащих, из них за контрреволюционные преступления 10 838 человек, в том числе 2218 офицеров и генералов²⁵⁸. Оговорившись, что «эта цифра не учитывает

²⁵⁴ Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 44.

²⁵⁵ Уколов А.Т. Ивкин В.И. О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 1993. № 1. С. 56 - 59.

²⁵⁶ Уколов А.Т. Ивкин В.И. Указ. Соч. С. 56.

²⁵⁷ Уколов А.Т. Ивкин В.И. Указ. Соч. С. 57.

²⁵⁸ Уколов А.Т. Ивкин В.И. Указ. Соч. С. 58.

осужденных Особым совещанием НКВД СССР и другими внесудебными органами, статистика которых пока недостаточно исследована», авторы предлагают читателю «с помощью простейших математических вычислений восстановить эти данные». Они сделали, на мой взгляд, не вполне корректное допущение, что военнослужащие осуждались внесудебными органами с такой же частотой, что и все граждане страны. В результате подобных расчетов получилось, что в 1936 – 1940 гг. за контрреволюционные преступления было осуждено и судебными, и внесудебными органами 9519 офицеров и генералов. Для проверки своих расчетов Уколов и Ивкин обратились к опубликованному докладу Е.А.Щаденко, в котором говорилось, что в 1937 г. по причине ареста было уволено из армии 4474 ч., в 1938 г. – 5032, в 1939 г. – 73 ч. (данные без ВВС)²⁵⁹. По ВВС за 1937 – 1939 гг. было уволено по разным причинам 5616 офицеров и за тот же период восстановлено в кадрах РККА 892 человека. «Однако не все были осуждены по политическим статьям: нельзя же насильников, мародеров, самовольщиков и им подобных уголовников считать жертвами политических репрессий»²⁶⁰, – справедливо восклицают авторы. Уколов и Ивкин полагают, что за 1937 – 1939 гг. всего осуждены 8624 офицера, в том числе 4454 – судебными органами. Правда, они оговариваются, что данные судебной статистики «за 1937 год приведены без учета так называемых участников «военно-фашистского заговора» и «право-троцкистских организаций», осужденных Военной коллегией Верховного суда СССР»²⁶¹. Очевидно, что без учета осужденных участников военного заговора и право-троцкистских организаций рассуждения о масштабах ПОЛИТИЧЕСКИХ репрессий в армии теряют всякий смысл. Поэтому вывод Уколова и Ивкина о том, что «число жертв политических репрессий в РККА во второй половине 30-х годов примерно в 10 раз меньше, чем приводят современные публицисты и исследователи»²⁶², нуждается в серьезной проверке.

Обратимся к архивным документам, свидетельствующим об изменениях в состоянии военных кадров в конце 30-х годов.

СПРАВКА о числе уволенного комначсостава в 1937 и 1938 годах по военным званиям

²⁵⁹ Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 188.

²⁶⁰ Уколов А.Т. Ивкин В.И. Указ. Соч. С. 58.

²⁶¹ Уколов А.Т. Ивкин В.И. Указ. Соч. С. 58.

²⁶² Уколов А.Т. Ивкин В.И. Указ. Соч. С. 59.

военные звания	за 1937 год		за 1938 год		всего за 1937 и 1938 годы	
	уволено	из них арестовано (без политсостава)	уволено	из них арестовано (без политсостава)	уволено	из них арестовано (без политсостава)
комкор	35	30	17	16	52	46
соответству ющие	25	11	1	1	26	12
комдив	73	54	50	42	123	96
соответству ющие	84	14	22	15	106	29
комбриг	124	65	140	100	264	165
соответству ющие	194	36	85	49	279	85
полковник	362	141	535	352	897	493
соответству ющие	513	108	461	231	974	339
итого:	1410	459	1311	806	2721	1265

В примечании к таблице говорилось: «В графе арестованных за 1937 год показан только тот комсостав, который увольнялся приказами по статье 44 пункт «в».

Всего от младшего лейтенанта и ему соответствующих до майора и ему соответствующих включительно за 1937 и 1938 годы уволено – 35.527 из них арестовано – 6.341 –или 17,8 % к числу уволенных указанной группы» Таким образом, к 28 ноября 1938 г. было уволено, но еще не арестовано. – 29.186 чел. Из них 14608 лейтенантов и старших лейтенантов (и им соответствующих) и 7942 капитанов, майоров и им соответствующих²⁶³.

За год после февральско-марговского (1937 г.) Пленума ЦК ВКП(б) уволено из армии 22260 человек, из них 14140 по политическим мотивам. В разделе «Увольнение» доклада УКНС приведена следующая таблица²⁶⁴.

За период с 1 марта 1937 по 1 марта 1938 года уволено 22.260 человек по следующим

мотивам:

	1.03.- 1.07. 1937	1.07-1.11. 1937	1.11.- 31.12. 1937	1.01.- 1.03.1938	ИТОГО
по политическим мотивам	3.419	9.205	1.407	109	14.140
арестованных	201	2.716	536	1.251	4.704
за невозможностью использования по политико- моральным причинам	447	541	3	148	1.139
по болезни	489	358	151	60	1.058

²⁶³ РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 121, л. 142-143.

²⁶⁴ РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 122, л. 139.

по личному желанию	262	58	6		326
по приговору суда	120	92	5		217
за выслугой лет	55	70			125
исключено за смертью	157	365		29	551
ИТОГО:	5.150	13.405	2.108	1.597	22.260

По кому же в первую очередь ударили репрессии? На это дает ответ следующая таблица.

ПО ОСНОВНЫМ ДОЛЖНОСТЯМ УВОЛЕНО:

	всего уволено	из них				
		1.03.37 - 1.03.38	1.03.- 1.07. 1937	1.07- 1.11. 1937	1.11.- 31.12. 1937	январь- февраль 1938
Комвойсками округов	14	5	4	1	4	
заместители и помощники комвойсками	16	5	9	2		
командиры корпусов	23	4	16	2	1	
командиры дивизий	50	4	32	6	8	
командиры бригад	22	2	17	2	1	
командиры полков	172	26	108	17	21	
начальники штабов округов	6		6			
заместители начальников штабов округов	8		6	2		
начальники штабов корпусов	9		6	1	2	
начальники штабов дивизий и бригад	60		41	3	16	
начальники штабов полков	123	24	69	20	10	
остальной начсостав	21.757	5.090	13.085	2.048	1.534	
ИТОГО:	22.260	5.160	13.399	2.104	1.597	

За год (с 1 марта 1937 по 1 марта 1938 г) уволено 44 командира окружного звена, 95 командиров соединений и 69 начальников штабов корпусов, дивизий и бригад, 295 командиров и штабистов полкового звена.

«Основная масса увольнений падает на период июль-октябрь, когда военным советам округов было предоставлено право самостоятельного увольнения командно-начальствующего состава по политическим мотивам и в составе военных советов округов находилось значительное число впоследствии разоблаченных врагов народа, а во главе Управления по комначсоставу, которое должно было контролировать работу округов, также в то время находились враги народа». И опять виноваты враги народа! В документе говорилось, что «допущенные при увольнении ошибки и вредительство исправляются путем пересмотра материалов увольнения военными советами округов и Управлением по комначсоставу РККА. В частности в последний период времени восстановлено в РККА, как неправильно уволенных 73 человека». Нечего сказать, исправили ошибки: уволили больше 22 тысяч, а восстановили из них пока лишь 73 человека. «Кроме того, увольнение

комначсостава властью военных советов округов воспрещено с конца октября 1937 года, а представленные ими материалы на увольнение 2.728 человек возвращены для пересмотра и более тщательной проверки.

За период декабрь 1937 г. - март 1938 г. производилось увольнение только политически враждебных элементов, причем из числа уволенных 3.705 чел., арестовано органами НКВД 1.787 чел. Данные о числе арестованных не полны, так как арестованные после увольнения из РККА нашим учетом не охватываются, а таких лиц имеется значительное число»²⁶⁵.

Поскольку вооруженные силы за один год лишились 22 тысяч офицеров, то на освободившиеся места были назначены военнослужащие с нижестоящих должностей, и им было необходимо присвоить соответствующие их новым должностям новые военные звания. О масштабах этого процесса в группе высшего командно-начальствующего состава говорят следующие цифры: С 1 января 1937 по 1 марта 1938 г. звания высшего комсостава получил 271 человек: 1 командарм 1-го ранга, 3 командарма 2-го ранга, 25 комкоров, 54 комдива, 188 комбригов. Кроме того, звания высшего политсостава получили 59 комиссаров: бригадных, дивизионных, корпусных и армейских²⁶⁶.

С 1 марта 1937 года по 1 марта 1938 года назначено на должности 51.724 человека комначсостава, из которых около 50% назначено внутри частей и соединений. В группе командующих округами за это время состоялось 28 назначений, также сменилось 18 их помощников и заместителей. Кроме того было назначено 48 командиров корпусов и 174 командира дивизий и бригад, 64 помощника командира дивизии и 541 командир полка. Еще 201 человек был назначен на высшие штабные должности: 27 в штабах военных округов и 174 начальника штаба бригады, дивизии, корпуса и их заместителей. По кварталам эти назначения распределялись следующим образом: подавляющее большинство командующих военными округами (19 из 28) сменили во втором квартале 1937 года, т.е. с апреля по июнь. А наиболее интенсивная замена командиров и начальников штабов соединений проходила в 3-м квартале. С июля по сентябрь 1937 года было назначено 26 командиров корпусов (55%), 103 командира дивизии и бригады (59%).

В справке-докладе УКНС отмечалось, что из 51 тысячи назначений за период с 1 марта 1937 по 1 марта 1938 г. до 10.000 составляли назначения по оргмероприятиям, переводы по болезни и для использования по специальности. «Остальные назначения были вызваны главным образом необходимостью замещения должностей уволенных из РККА и наряду с этим расстановкой своих людей впоследствии разоблаченными врагами народа, стоявшими во главе центральных управлений и округов.

²⁶⁵ РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 122, л. 140.

²⁶⁶ РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 122, л. 141.

Это... особенно резко выделяется во втором и третьем кварталах 1937 года, когда начавшееся разоблачение и разгром фашистской банды заговорщиков вызвали с их стороны стремление быстрее расставить своих людей в первую очередь на руководящие должности.

Стабильность числа назначений во 2-м, 3-м и 4-м кварталах 1937 года по ВВС и санитарно-ветеринарным кадрам объясняется умышленной задержкой бывшим вражеским руководством этих управлений проверки комначсостава ВВС и санитарно-ветеринарной службы, изъятия враждебных элементов и выдвижения молодых кадров.

Заполнение некомплекта в группе от комполка и выше значительно увеличивается в январе-феврале 1938 г. и на покрытие остающихся вакансий по этим должностям (219 должностей) подобрано 341 кандидат, из коих:

находится на решении в ЦК ВКП(б) – 29,
подготовлено к докладу Наркому обороны – 84,

имеются в резерве и подготавляются к докладу - 228 кандидатов»²⁶⁷.

И здесь собственную вину перекладывают на врагов народа. Они виноваты и частой смене кадров сухопутных войск, и, напротив, в стабильности авиационных и санитарных кадров.

Лихорадочные кадровые перемещения продолжались практически большую часть 1937 и весь 1938 год. Ворошилов на заседании ВС НКО 29 ноября 1938 г. с гордостью рапортовал: «Чистка была проведена радикальная и всесторонняя. Чистили мы, как и подобает большевикам, все, что подлежало очищению, начиная с самых верхов и кончая низами. Эта зловонная мерзость, к сожалению, не оставила почти ни одного участка, ни одного слоя командного и политического состава, чтобы так или иначе не загрязнить, не замарать, не загадить. Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма внушительным. Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше 4 десятков тысяч человек. Эта цифра внушительная. Но именно потому, что мы так безжалостно расправлялись, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки, и что РККА сейчас имеет свой, до конца преданный и честный, командный и политический состав»²⁶⁸. Хотя репрессии не закончились в ноябре 1938 г., но их масштабы существенно сократились.

В справке УКНС от 2 марта 1939 г. сообщалось, что «За 1937 год и 1938 г. произведено 67.594 перемещений и назначений командного и начальствующего состава РККА»²⁶⁹. Из них перемещено высшего командного состава (без ВВС):

ДОЛЖНОСТИ	1кв37	2кв37	3кв37	4кв37	1938	всего
-----------	-------	-------	-------	-------	------	-------

²⁶⁷ РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 122, л. 138.

²⁶⁸ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 47, л. 98-99.

²⁶⁹ РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 122, л. 129.

Комвойсками округа	1	19	3	3	3	29
замкомвойск округа		3	3	2	2	10
помкомвойск округа		1	3	2	1	7
командиры корпусов	1	15	26	1	6	49
командиры дивизий и бригад	18	36	103	20	11	188
помкомдивизий	7	27	27	3	5	69
командиры полков	68	60	212	115	136	591
ШТАБНОЙ СОСТАВ						
начштаба округа		4	4	1		9
замначштаба округа	6	1	12	1	3	23
начштаба корпуса	7	9	15	3		34
замначштаба корпуса	1	1	2	1		5
начштаба дивизии и бригад	26	15	55	44	21	161
начштаба полка	40	23	152	128	22	365

Некомплект кадров в Красной Армии существовал почти всегда. Но в период «ежовщины» он приобрел стойкий хронический характер. Об этом свидетельствуют многочисленные документы УКНС. Сравним две ведомости некомплекта комсостава за март и за апрель 1938 г.

СВОДНАЯ ВЕДОМОСТЬ
некомплекта высшего и старшего командного и политического состава
РККА на 5 марта 1938 года²⁷⁰.

наименование должностей	число вакансий	кандидаты, предста вленные на утверж дение в ЦК ВКП(б)	Кандидаты, включен ные в контроль ные листы приказы или находятся на проверке (политрабо тники)	Канди даты, допущен ные военными советами округов	Канди даты подби раются
комвойсками округов	4				4
зам.комвойсками округов	6	3	1		2
пом.комвойсками округов	7	5			2
нач.штаба округа	2	1			1
зам.нач.штаба округа	2				2
командиры корпусов(стр)	6	2	3		1
командиры корпусов(кав)	2	1			1
командиры корпусов (специальн)	2			1	1
начальники академий	1				1

²⁷⁰ РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 121, л. 219.

командиры стр дивизий	25	12	10		3
командиры кавдивизий	2	1			1
командиры специальн дивизий	1				1
начальники КУКС	2	1			1
начальники училищ	7	1	3		3
командиры бригад	10	4	6		
коменданты Укр.районов	4	2			2
начальники Центральных Управлений	10	1	1	1	7
командиры стр полков	63		23	26	14
командиры кав полков	36		2	27	7
командиры арт полков	23		10	12	1
командиры специальн полков	1			1	
ИТОГО КОМСОСТАВА	216	34	59	68	55
члены военных советов	2				2
нач-ки ПУОКР	3		1		2
зам.нач ПУОКР	12	1	2		9
военком штаба округа	11	1	4	2	4
военкомы корпусов	29		8	1	20
военкомы академий	2				2
военкомы дивизий	58		22	13	23
военкомы КУКС	5		3		2
военкомы училищ	28		6		22
военкомы бригад	16		4	6	6
военкомы полков	198		5	128	65
итого политсостава	368	2	55	152	159
ВСЕГО:	585	36	114	220	214

Как видно из сводной ведомости, в марте 1938 г. некомплект в высшем командном составе был очень солидным: 21 человек в окружном звене, 10 - в корпусном, 91 - в дивизионном, 10 командиров бригад и 60 командиров полков. Вакантными оставались должности 10 начальников Центральных управлений НКО. Кроме того, не хватало более сотни высших политработников. Кадровые органы постарались заполнить образовавшиеся вакансии, но в условиях продолжавшихся репрессий полностью ликвидировать некомплект было невозможно. Вновь назначенные командиры через некоторое время тоже становились новыми жертвами репрессий. Во многих военных округах, корпусах, дивизиях и бригадах за короткий срок поменялось по два, три и даже четыре состава командиров и начальников. Чтобы стабилизировать командный состав следовало остановить репрессии, а это стало возможным только к концу 1938 г. Следующий документ показывает, что если в марте 1938 г. вакантными были 216 должностей от командира полка до командующего войсками округа, то к 15 апреля – 198. Как видно, кардинальных перемен не произошло²⁷¹.

Увольнение из армии тысяч офицеров не только повлекло за собой появление множества вакантных должностей, и сделало необходимым присвоение более высоких военных званий тем лицам, которые пришли на место репрессированных. С января 1937 по 20 ноября 1938 г. новые звания получили свыше 50 тысяч человек, в том числе

²⁷¹ РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 121, л. 197.

свыше 9 тысяч старших командиров (майоров и полковников) и более трехсот высших (от комбрига до командарма). Кроме того, высшие звания были присвоены 187 лицам политического, юридического, технического, медицинского и административного состава. Пик этой работы пришелся на 1938 год, что объясняется не только репрессиями, но и массовым присвоением званий в связи с 20-летним юбилеем Красной Армии.

СВЕДЕНИЯ о количестве присвоенных военных званий за 1937 и 1938 г.

СОСТАВ	с января по сентябрь 1937 г	с октября по декабрь 1937 г.	по 20 ноября 1938 г.	с января 1937 по 20 ноября 1938 г
КОМАНДНЫЙ				
командарм 2-го ранга	2		1	3
комкор	6	2	19	27
комдив	13	3	48	64
комбриг	34	13	185	232
полковник	106	49	1531	1686
ПОЛИТСОСТАВ				
армейский комиссар 2-го ранга	2			2
корпусной комиссар	1			1
дивизионный комиссар	5	4	2	11
бригадный комиссар	3	3	2	8
ТЕХСОСТАВ				
дивинженер	2	2	11	15
бригинженер	6	1	39	46
АДМСОСТАВ				
дивинтендант			1	1
бригинтендант	5	3	10	18
МЕДИВЕТСОСТАВ				
корврач			1	1
дивврач			3	3
бригврач	3		31	34
ЮРИДСОСТАВ				
диввоенюрист			5	5
бригвоенюрист	8		37	45

За 1938 год присвоено первичных военных званий 28.118

А всего присвоено званий в 1938 году – 85.117 (...)²⁷².

Вред от репрессий не исчерпывается изгнанием из армии тысяч командиров. Вакханалия арестов, громких разоблачений, очернение вчерашних кумиров создали в армии жуткую обстановку. Как вспоминал

²⁷² РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 121, л. 137-139.

маршал Г.К.Жуков: «Никто никому не доверял, люди стали бояться друг друга, избегали встреч и каких-либо разговоров, а если нужно было – старались говорить в присутствии третьих лиц – свидетелей. Развернулась небывалая клеветническая эпидемия. Клеветали зачастую на кристально честных людей, а иногда на своих близких друзей»²⁷³. Все это привело резкому падению дисциплины в армии, подорвало авторитет командиров. Возникло самое страшное для армии явление – недоверие к командному составу. Стоит ли удивляться, если в течение нескольких лет происходило разнузданное шельмование командиров всех уровней, обвинение их в связях с зарубежными разведками, в заговорах против советской власти и других политических преступлениях. Красноармейцы нередко игнорировали приказы своих командиров, потому что считали их неправильными или даже вредительскими.

Последствия всех этих процессов наиболее ярко проявились в ходе военных конфликтов конца 30-х годов.

С 21 по 29 ноября 1938 г. прошло заседание ВС НКО нового состава. Прежний состав к тому времени был уничтожен на 90%, поэтому в октябре 1938 г. СНК СССР утвердил список новых членов ВС НКО. «Из 108 человек членов Военного Совета только 10 человек прежнего состава, - сказал Ворошилов во время заседания, - ...я должен вам сказать, что этот Военный Совет на меня лично – не знаю как на других – производил все время впечатление не менее серьезного по своей солидности, по своей политической и специальной подготовке, чем те, прежние Военные Советы, хотя там и были маршалы и командармы в большом изобилии. Стало быть, наша армия имеет и прекрасную голову, которая будет расти, развиваться, крепнуть, совершенствоваться, и огромные непочатые углы, непочатые пласти командного и начальствующего состава»²⁷⁴. Нарком явно льстил присутствовавшим, выдавал желаемое за действительное. Выступавшие на этом заседании говорили о слабой боевой подготовке красноармейцев и низкой квалификации командиров, о плохом взаимодействии родов войск и недостаточно эффективной работе штабов. Эти недостатки привели к большим потерям в боях на Хасане (июль-август 1938 г.). Разумеется, никто не назвал главную причину этих негативных явлений – истребление командных кадров. Напротив, Ворошилов и другие ораторы все провалы и недочеты объясняли поисками врагов, сознательно подрывавших боевую мощь страны. К моменту обсуждения маршал Блюхер уже погиб в застенках НКВД. Поэтому было решено отдать под суд командующего 1-й армии К.П.Подласа, начальника штаба А.И.Помощникова и члена Военного Совета армии М.В.Шуликова. К концу 1938 г. пагубные последствия массовых

²⁷³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1.- М., 1990. С. 220.

²⁷⁴ Побеждать врага малой кровью. Выступление К.Е.Ворошилова на заседании Военного Совета при нарките обороны СССР. 1938. /Публ. А.А.Печенина // Исторический архив. 1997. № 4. С. 69.

чисток стали очевидны, и Сталин был вынужден резко сократить масштабы репрессий. Поэтому и Ворошилов, не ставя под сомнение целесообразность проведенной чистки, призвал впредь действовать более осмотрительно. «Я полагаю, — говорил нарком, — что армия и страна выиграли не только от того, что мы поймали и раздавили гадину измены в своих рядах, но мы выиграли от того, что выдвинули тысячи новых молодых и честных командиров и политработников на руководящие посты. Это тоже бесспорно. Мы обновили, оздоровили кровь армии и это даст нам самые благотворные результаты и в самое непродолжительное время, разумеется, если мы ... будем по-настоящему работать над выращиванием этих кадров». После трескучих фраз нарком был вынужден признать, что «подготовка всех родов войск слаба, взаимодействие всех родов войск по-настоящему не отработано, штабы по-прежнему не слажены и плохо натренированы, следовательно руководить как следует боевыми операциями, а стало быть войной, не смогут; войсковая разведка, боевое охранение на походе и стоянках не отработаны, имеют малые достижения. Плохо взаимодействие родов войск...»²⁷⁵. Таковы были главные итоги всеармейской чистки.

К концу 1938 года кадровый голод охватил все ступени военной иерархии от командира отделения до командующих военными округами. Военные училища и академии были не в состоянии покрыть существующий некомплект. Поэтому пришли к выводу о необходимости вернуть на военную службу часть тех военнослужащих, которых изгнали из армии в предшествующий период.

В октябре 1938 г. начальник УКНС РККА Е.А.Щаденко докладывал Наркому Ворошилову о серьезных кадровых проблемах, возникших в РККА, и вновь предлагал пересмотреть результаты увольнения офицеров: «Докладываю: за 1937/38 гг. по неполным данным, уволено из РККА командного и начальствующего состава — 37 470 чел. (цифра, безусловно, преуменьшена), из них арестовано — 11 019 чел. Кроме того, арестовано после увольнения, ориентировочно, еще около 5000 чел»²⁷⁶. То есть арестовано, по далеко неполным данным около 16 тыс. человек.

Здесь имеется очень важное признание того факта, что вакханалия расправ с командным составом приняла такие уродливые формы и неконтролируемые масштабы, что даже главный кадровик армии не имел точных данных о числе уволенных командиров, а уж тем более, не знал, сколько из уволенных были затем арестованы органами НКВД уже как гражданские лица.

В 1937 году Щаденко много сделал для раздувания в РККА шпиономании, доносительства, сам преуспел в этом. Но когда пагубные последствия очистительной кампании стали очевидны не только армейскому начальству,

²⁷⁵ Побеждать врага малой кровью. С. 72.

²⁷⁶ РГВА, ф. 37837, оп. 22, д. 121, л. 156.

но и вождям страны, Щаденко заговорил о перегибах в кадровой политике и о необходимости их устранения.

Каковы же были итоги репрессий в среде высшего командного состава Красной Армии. Крупнейший специалист, занимавшийся изучением репрессий в Красной Армии О.Ф.Сувениров, обработав огромное количество материалов из архивов ВКБС и НКО, составил «сводную таблицу результатов истребления лиц высшего комначполитсостава РККА в 1936 – 1941 гг.»²⁷⁷.

Группа высшего комначполитсостава (звено)	Расстреляно	Умерли под стражей	Покончили жизнь самоубийством	Вышли из тюрьмы живыми	Общее число жертв по группе (звену)
Высшее звено	41	2	2	1	46
Корпусное звено	93	8	2	12	115
Дивизионное звено	222	18	2	51	293
Бригадное звено	373	35	4	66	478
ИТОГО	729	63	10	130	932

Красная Армия была по существу обезглавлена. И это знали наши вероятные противники. Гитлер и его приспешники неоднократно говорили, что момент для нападения на Советский Союз не следует откладывать, поскольку в настоящее время его армия лишена руководителей, а через несколько лет на смену погибшим вырастут новые военачальники, и тогда победить русских будет сложнее. Маршал Советского Союза А.М.Василевский считал, что без 1937 года не было бы и трагедии 1941 года, так на принятие немцами решения о нападении на СССР, по его мнению, серьезное влияние оказал тот уровень разгрома наших военных кадров в годы «ежовщины»²⁷⁸.

Конечно, высказываются и другие мнения. В 90-е годы прошлого века в России огромными тиражами выпускались книги В.Б.Резуна, пишущего под псевдонимом «Виктор Суворов». Одна из его работ – «Очищение»²⁷⁹ посвящена оправданию сталинских репрессий в Красной Армии. Автор выдвигает несколько тезисов: во-первых, масштабы репрессий в трудах «коммунистических историков» сильно преувеличены; во-вторых, не все уволенные из армии в 1937 – 1941 годах, были жертвами репрессий; в-третьих, расстрелянные офицеры и генералы, по мнению Суворова, были

²⁷⁷ Сувениров О.Ф. Трагедия РККА 1937 – 1938. – М.: ТЕРРА, 1998. С.305.

²⁷⁸ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. – М., 1988. С. 446.

²⁷⁹ Суворов В. Очищение: Зачем Сталин обезглавил свою армию? – М., 1998.

бездарностями, поэтому их ликвидацию надо рассматривать как положительное явление.

«И еще нас учили, что изводил Сталин не кого попало, но самых лучших: три маршала-гения – Тухачевский, Егоров и Блюхер – пошли под топор, а два маршала-идиота – Ворошилов и Буденный – остались здравствовать», – пишет Суворов и продолжает. – На первый взгляд – ужасно. На второй – не очень. Давайте представим, что во время очищения погибли не три Маршала Советского Союза, а все пять. Представим, что вместе с теми тремя гениями Сталин расстрелял еще и двух идиотов, Ворошилова и Буденного. Было бы от этого армии и стране лучше или хуже? Поднялась бы от этого боеспособность армии или упала? Думаю, что поднялась бы. Кто против этого возразит? Думаю, что такой шаг Сталина укрепил бы армию, а не ослабил ее. Потому вывод: если бы товарищ Сталин не ограничился полумерами, если бы не останавливался на достигнутом, не почивал бы на лаврах, а проявил бы чуть больше решительности и усердия в очищении армии, то народу, стране и самой армии от этого было бы лучше ... мало товарищ Сталин их стрелял. Три расстрелянных маршала – плохо, а пять расстрелянных маршалов – было бы лучше ... Ворошилова с Буденным товарищ Сталин тоже отстранил от власти. Ни Ворошилов, ни Буденный перед войной не занимали постов, которые требовали опыта, ума и знаний. Они уже ничего не решали и никакого влияния на ход событий не оказывали. Так что передвойной Сталин отставил от власти всю пятерку»²⁸⁰.

С последним утверждением Суворова никак нельзя согласиться. Ведь Ворошилов перед войной занимал пост заместителя Председателя Совнаркома СССР и был председателем Комитета обороны. А эти должности требовали от него и опыта, и ума, и знаний. От Ворошилова в этот период во многом зависело оснащение Вооруженных Сил современным оружием. Что касается Буденного, то он с августа 1940 по август 1942 года занимал должность первого заместителя наркома обороны СССР. Можно ли после этого утверждать, что эти маршалы «ничего не решали и никакого влияния на ход событий не оказывали»?

Оспаривая общую цифру репрессированных в армии, Суворов использует следующий прием. «Спросим: сколько перед войной было убито командиров Красной Армии? И моментально получаем ответ: 36761! Тут даже спрашивать не надо. Нам с каждой трибуны кричали: 36761! Из каждого учебника: 36761! С каждого газетного разворота под юбилей: 36761! И это не все. Добавляли: да еще во флоте – более 3 тысяч. Итого – 40 тысяч истребленных полководцев!»²⁸¹. Непонятно, какие учебники в советское время писали о 36761 репрессированном полководце, на каких юбилейных торжествах эта цифра многократно повторялась? Да, в специальной

²⁸⁰ Суворов В. Указ. соч. С. 42 – 44.

²⁸¹ Суворов В. Указ. соч. С. 56.

литературе, как правило, под грифом «для служебного пользования» эта цифра называлась²⁸². Лишь в конце 80-х годов она вновь стала достоянием гласности, и уж тут публицисты, не знающие проблемы, стали на все лады повторять фразу о 40 тысячах уничтоженных военачальниках. Так что Суворов тут борется не с советскими историками, а с постсоветскими журналистами, публицистами, политиками всех мастей.

В результате репрессий 1937 - 1938 годов погибли 7 заместителей наркома обороны: М.Н.Тухачевский, Я.Б.Гамарник, В.М.Орлов, Я.И.Алкснис, П.А.Смирнов, И.Ф.Федъко и А.И.Егоров. На смену погибшим пришли бывшие сослуживцы Ворошилова по 1-й Конной армии. Командующий этой армией С.М.Буденный в январе 1939 года стал заместителем наркома обороны, а начальник артиллерии этой армии Г.И.Кулик стал заместителем наркома по артиллерии. Бывший член РВС армии Е.А.Щаденко с 1937 по 1940 год был заместителем наркома по кадрам. Эти прославленные герои гражданской войны в межвоенный период почивали на лаврах, остановились в своем профессиональном развитии. Хотя Буденный, Кулик и Щаденко обучались в военной академии и имели дипломы о высшем образовании, они продолжали придерживаться безнадежно устаревших взглядов. Маршал Буденный во второй половине тридцатых годов, когда в передовых армиях мира шло сокращение кавалерии как устаревшего рода войск, продолжал твердить об особой роли конницы в будущей войне. Помимо конармейцев заместителями наркома являлись начальник Политического управления РККА Л.З.Мехлис и начальник разведывательного управления И.И.Прокуров. Мехлис, в двадцатые годы работавший в аппарате генерального секретаря ЦК ВКП(б), пользовался особым доверием Сталина. В тридцатые годы он возглавлял отдел печати ЦК и главную партийную газету «Правда». Став в январе 1938 года начальником ПУ РККА, Мехлис активно участвовал в репрессиях, нагнетал атмосферу подозрительности и поиска «врагов народа» в Красной Армии.

В ноябре 1937 г. был арестован и в 1938 году расстрелян заместитель наркома обороны по авиации Я.И.Алкснис. С 1937 по 1939 г. авиацией руководил командарм 2-го ранга А.Д.Локтионов. В ноябре 1939 года он был освобожден от должности начальника Военно-Воздушных Сил Красной Армии (ВВС РККА) и стал еще одним заместителем наркома обороны. А начальником ВВС РККА Stalin назначил знаменитого летчика дважды Героя Советского Союза Я.В.Смушкевича, который в 1936 – 1937 гг. под псевдонимом «генерал Дуглас» прославился в войне против испанских фашистов, а летом 1939 г. руководил советской авиацией в боях против японцев на реке Халхин-Гол. С августа 1940 по апрель 1941 года Военно-

²⁸² Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне. – М., 1963. С. 11.

Воздушными силами командовал молодой (29 лет) генерал-лейтенант авиации Герой Советского Союза П.В.Рычагов. Сталин неоднократно публично заявлял о своей особой любви к военным летчикам, щедро награждал их и назначал на высокие руководящие посты. Правда, если выдвиженец не оправдывал надежд вождя, то он также быстро низвергал недавнего любимца с высоты. Таким образом, за четыре года во главе Военно-Воздушных Сил побывали 4 генерала. Все четверо были сначала обласканы вождем, а затем расстреляны: Алкснис в 1938 году, а остальные трое (А.Д. Локтионов, Я.В.Смушкевич и П.В.Рычагов) - 28 октября 1941 года.

В 1937 – 1939 годах 5 раз менялся начальник Морских Сил РККА: один за другим были расстреляны флагманы флота 1 ранга В.М.Орлов и М.В.Викторов, армейский комиссар 1 ранга П.А.Смирнов и командарм 1-го ранга М.П.Фриновский. и все это произошло за неполных два года. Лишь весной 1939 года Сталин назначил Народным комиссаром Военно-Морского Флота СССР молодого (35 лет) талантливого флотоводца Николая Герасимовича Кузнецова, который оставался на этом посту до 1956 года²⁸³.

Особенно часто менялись руководители войск противовоздушной обороны (ПВО) с 1930 по 1938 год, то есть за неполные 9 лет сменилось 7 руководителей ПВО, пятеро первых из них были объявлены врагами народа: И.Ф.Блажевич (май – октябрь 1930 г.), Д.А.Кучинский (октябрь 1930 – февраль 1931 г), М.Е.Медведев (апрель 1931 – 1 июля 1934 г.), Каменев С.С. (1 июля 1934 – 25 августа 1936 г.), А.И.Седякин (январь – декабрь 1937 г.), Г.М.Кобленц (февраль – октябрь 1938 г.), Я.К.Поляков (31 октября 1938 г. – 4 июня 1940 г.), Настоящая кадровая чехарда подрывала боеспособность этого важного вида Вооруженных Сил. Выступая 29 ноября 1938 года нарком подвел итоги всеармейской чистки.

«Все ли нами сделано для полной очистки рядов армии от врагов народа, лазутчиков врага? Думаю, что еще не все, но основное и главное уже сделано. Враг уже лишился своих больших глаз и ушей в наших рядах. Но ушки и глазки, разумеется, еще кое-где остались и до них нужно добраться, иначе они разрастутся и принесут стране, огромный и тяжкий вред. РККА должна быть и будет очищена от всякой мерзости, предательства и измены»²⁸⁴.

Вы знаете, что собою представляла чистка рядов РККА. Я не стану здесь опубликовывать подробные цифры. Они довольно внушительны. Чистка была проведена радикальная и всесторонняя. Чистили мы, как и подобает большевикам, все, что подлежало очищению, начиная с самых верхов и кончая низами. Эта зловонная мерзость» к сожалению не

²⁸³ В работе Н.Г.Кузнецова был перерыв: с 1947 по 1951г. он служил на Дальнем Востоке, а в 1951 г. вновь возглавил Военно-Морское министерство СССР.

²⁸⁴ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 47, л. 98.

оставила почти ни одного участка, ни одного слоя нашего командного и политического состава, чтобы так или иначе не загрязнить, не замарать, не загадить. Поэтому и количество вычищенных оказалось весьма и весьма внушительным. Достаточно сказать, что за все время мы вычистили больше четырех десятков тысяч человек. Эта цифра внушительная. Но именно потому, что мы так безжалостно расправлялись, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки» и что РККА сейчас имеет свой до конца преданный и честный командный и политический состав.

Чистка повлекла за собою и не могла не повлечь, огромную передвижку командного состава. ...

Из этих кратких данных видно, что работа по выдвижению, по выращиванию, по сколачиванию наших командных и политических кадров, велась и ведется огромная. Из этого также видно, товарищи, что эту работу нам придется еще долго вести. Нам нужно работать с людьми, поставленными на новые посты, надо их выращивать, надо сделать их настоящими командирами, настоящими политработниками и начальниками нашей РККА.

Я должен, товарищи, предупредить, что если основную работу по очищению рядов армии мы уже проделали, то еще не скоро, если можно так выразиться, уляжется наш командно-политический состав, еще не скоро мы сможем сказать, что теперь мы можем по-настоящему его стабилизировать, т.к. еще и теперь в этой спешке мы имеем много всяких неправильностей и не всегда удачных решений по выдвижению новых людей...²⁸⁵

Теперь все это позади. Мы должны будем в нашей работе учесть эти уроки. При чистке, которую мы будем продолжать, ни одного мерзавца, ни одного предателя, Армия терпеть в своих рядах не будет, не имеет права. Но когда мы будем чистить армию от предателей, мы должны быть сугубо внимательными, мы должны по-настоящему изучать дело, по-настоящему знать человека, по-настоящему изучать обстановку, а не просто рубить с плеча, как это у нас любят делать, как к этому многие, к сожалению, даже не совсем скверные люди сейчас привыкли. Этому должен быть положен конец. Всякий честный командир и политработник, всякий честный начальник РККА, всякий боец нашей армии, если он честен, если он настоящий гражданин нашей страны, он имеет право на нашу защиту, и мы обязаны его защитить, даже если бы на него шишки сыпались со всех сторон. И этим делом должны заниматься не только командующие и Члены Военных Советов, но все командиры и политработники, а политработники в первую голову. Пора прекратить, товарищи командиры и

²⁸⁵ РГВА, ф. 4, оп 18, д. 47, л. 99-100.

политработники, такое размахивание руками там, где этого не подобает делать²⁸⁶.

Чистить от врагов, защищать честных, уметь перевоспитывать ошибающихся, защищать, поддерживать своих людей - обязательное и непременное условие всякого командира, и политработника РККА.

Что представляет собою обновленный командный и политический состав нашей армии? Можем ли мы быть уверенными, что выдвинутые новые люди справятся со своей работой, не провалят нам боевую и политическую подготовку армии, сумеет возглавить армию на войне? Этот вопрос, товарищи, закончен, и на него нужно дать ответ немедленно...²⁸⁷

И, наконец, последнее доказательство - это Хасан. Что собой представляла так называемая 1-я Отдельная Краснознаменная Армия и 40-я дивизия, вы уже, по-моему, достаточно основательно уяснили из доклада тов. Штерна и выступлений других товарищей. «Товарищи, наши успехи в истекшем учебном году весьма скромны. Об этом многие здесь говорили. Наши недочеты весьма солидные, многообразные ... Мы должны быть готовы к встрече с врагом в любой момент. Мы не знаем, когда враг на нас нападет, мы обязаны знать одно. Когда бы враг на нас не напал, мы каждый миг должны выступить и не только выступить, но и бить врага обязательно....

Можем ли мы так делать? Можем и так и будем поступать. Тогда вы и другие товарищи, здесь не присутствующие, могут сказать, что значит у нас все обстоит благополучно. Ничего подобного. Благополучия у нас с вами мало, работать нам предстоит очень много и очень серьезно. Мы обязаны проделать колossalную работу, чтобы поднять армию на такой уровень, когда, каждый из нас прямо мог бы сказать, что наша армия способна побеждать врага малой кровью. А это самое главное.

Я абсолютно убежден, что наша армия боеспособна и всегда будет бить любого врага и любых врагов в какой угодно комбинации. Но я не могу сказать, и Вы никто не можете утверждать, что наша армия способна побеждать врага малой кровью.

Возьмем тот же Хасан. Мы побили врага, много пролили вражеской крови, прямо целые реки. Это бесспорно, это факт. Но, товарищи, эта победа далась нам тоже большой кровью. Я думаю, что здесь совершенно необязательно

²⁸⁶ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 47, л. 101.

²⁸⁷ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 47, л. 102-103.

взаимозависимость – если у них реки крови, то у нас обязательно должны быть ручьи. А почему бы не добиться положения, когда у них реки крови, а у нас капли. Почему так не может быть? Может быть и обязательно так и должно быть.

Если бы мы были более организованы, более подготовлены, если бы у нас на Дальнем Востоке не было предательства, не было той мерзости, какая существовала на протяжении ряда лет, мы бы японцев так проучили, что они бы и своим внукам заказали нападать на большевиков, они не посмели больше шевельнуть пальцем против Советского Союза, против нашей Красной Армии. А у нас там дело оказалось слабо, плохо организованным²⁸⁸. Но, товарищи, на западной границе мы имеем врага не менее организованного, чем японцы. Здесь враг организованный, в особенности я имею ввиду Германию. Сейчас, когда мы говорим о западном нашем участке, мы имеем ввиду Германию; Польша, Румыния и всякие там Прибалтики, они уже у нас со счетов давным-давно сняты, этих господ мы в любое время при всех обстоятельствах сотрем в порошок (Аплодисменты) Но у нас имеется очень грозный – правда не столь уж грозный, как это многие думают, но по сравнению с поляками, румынами, латышами и эстонцами и всякими иными- прочими, конечно, более грозный, более организованный, и более злостный враг. Поэтому, товарищи, мы должны вести свою работу таким образом, чтобы наша армия никогда не очутилась бы в положении наших частей, наших замечательных, честных людей, как это было на озере Хасан»²⁸⁹. Затем нарком перечислил многие недостатки командного состава РККА.

В период «ежовщины» погибло большинство членов Военного Совета при НКО. В 1934 году было 80 членов, в 1935 стало 85, а в мае 1937 добавили еще девятерых. Всего – 94 человека. Из них не подвергались репрессиям только 8 человек (т.е. менее 9%): И.Р.Апанасенко, К.Е.Ворошилов, С.М.Буденный, О.И.Городовиков, Е.А.Щаденко, С.К.Тимошенко, А.В.Хрулев, Б.М.Шапошников, семеро из них вышли из 1-й Конной армии. Судьба остальных 86 человек оказалась трагичной. С.С.Каменев умер до начала репрессий и был уже посмертно причислен к врагам народа. Я.Б.Гамарник и А.С.Гришин успели застрелиться. Л.М.Галлер умер в тюремной больнице. Маршал В.К.Блюхер был замучен во время следствия. Комкор А.Я.Лапин покончил с собой в тюремной камере. Свыше 10 лет провели в заключении комкор А.И.Тодорский и корабел Я.М.Фишман. Они вышли на свободу уже после смерти И.В.Сталина. Выжили и

²⁸⁸ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 47, л. 105-106.

²⁸⁹ РГВА, ф. 4, оп. 18, д. 47, л. 106-107.

впоследствии были освобождены из заключения К.А.Мерещков был обвинен в военном заговоре и арестован в июне 1941 года, под пытками подписал все, что от него требовали на Лубянке. В сентябре 1941 г. По решению Сталина освобожден и направлен на фронт.

Корпусной комиссар Г.Г.Ястребов несколько месяцев находился под следствием, но был оправдан и освобожден из под стражи в 1939 году. Остальные 77 членов Военного Совета при НКО были расстреляны (главным образом в 1937 и 1938 годах.).

Кроме того, в 1937 – 1938 годах погибли не входившие в состав ВС НКО почти все командующие военными округами, большинство их заместителей и помощников, сменились все начальники штабов округов и многие командиры дивизий и корпусов. Таким образом, РККА лишилась не только будущих командующих фронтами и армиями, но и тех, командиров соединений, которые могли бы придти им на смену. Так Stalin уничтожил советскую военную элиту 30-х годов. Вместо постепенной плановой смены командных кадров произошла кардинальная перетряска, сопровождавшаяся гибелюю многих военачальников и стремительным выдвижением на вакантные должности новых людей. Не все новые выдвиженцы освоились с более серьезными обязанностями. Сказалась нехватка командного опыта и необходимых профессиональных навыков. Это очень дорого обошлось нашей стране в 1941 году.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос о взаимоотношениях И.В.Сталина с высшим руководством Красной Армии в переломном 1937 году представляет большой интерес для занимающихся военной историей. Элита советских вооруженных сил была разнородной по своему составу.

Маршалы, командармы и комкоры имели солидный боевой опыт, полученный в годы Первой мировой и гражданской войн. В этих войнах они командовали отдельными частями, соединениями и оперативными объединениями, т.е. уже тогда принадлежали к высшему комсоставу. В двадцатые годы многие из них подкрепили свой богатый практический опыт теоретической подготовкой, окончив военные академии или курсы усовершенствования высшего начальствующего состава. Однако часть советских военачальников 30-х годов, особенно те, кто прославился на полях былых сражений, продолжали жить представлениями периода гражданской войны, когда основу войск составляла слабо вооруженная пехота, а наиболее передовым родом войск считалась кавалерия.

С середины двадцатых до начала сороковых годов военное ведомство возглавлял К.Е.Ворошилов, являвшийся членом высшего политического руководства страны, имевший героическую революционную биографию, но лишенный какого-либо военного образования. Нарком ревностно поддерживал в армии традиции гражданской войны, выдвигал на

руководящие посты своих боевых друзей и единомышленников. В сугубо военных вопросах он был мало компетентен. В центральном аппарате наркомата обороны и в военных округах было много соратников Ворошилова по гражданской войне. Они, хотя и получили дипломы о военном образовании, но в основном продолжали жить старым опытом, не желая усваивать все новое в стратегии и оперативном искусстве, что появилось в тридцатые годы.

В Советском Союзе существовал культ героев гражданской войны. Действовали своеобразные землячества, объединяющие ветеранов гражданской войны по признаку прежней совместной службы: конармейцы, котовцы, примаковцы, щорсовцы. Бережно сохранялись традиции прославленных соединений, поддерживались и укреплялись старые связи. У каждой группировки были свои лидеры и покровители из числа действующих военачальников. Существовала определенная дистанция между членами разных землячеств. К старому соперничеству военных лет добавлялось новое, связанное с современным противостоянием групп военачальников. Нарком Ворошилов как бывший член РВС Первой конной армии покровительствовал конармейцам, что вызывало дополнительные трения в отношениях с представителями других групп.

Кроме того, в руководстве наркомата обороны был другой лидер - маршал М.Н.Тухачевский - высоко образованный военачальник, поддерживавший все новое в военной науке и технике, способствовавший развитию военной теории и внедрению ее достижений в практику строительства вооруженных сил. По ряду вопросов его поддерживал еще один заместитель наркома и начальник Политического управления РККА Я.Б.Гамарник. К ним примыкали командующие лучшими военными округами - И.Э.Якир и И.П.Уборевич. Последний законно считался мастером обучения войск, его школу прошли многие знаменитые полководцы Великой Отечественной войны. Уборевич был сторонником воспитания в Красной Армии всесторонне развитых, профессионалов военного дела. Противостояние «культурных командиров» и конармейцев было неизбежным. Факты свидетельствуют о том, что взаимоотношения между наркомом обороны и наиболее талантливыми представителями военной элиты были очень напряженными и не способствовали нормальной деловой работе. Это негативно сказалось на развитии событий в РККА в 1937 году.

В кругах высших военных высказывалась мысль о необходимости замены наркома обороны. Ворошилов знал об этих настроениях части военной элиты, но покровительство Сталина гарантировало его от любых происков конкурентов. Высказывания против своего протеже и попытки военных поставить перед высшим политическим руководством страны вопрос о замене главы военного ведомства Сталин рассматривал как вмешательство военных в прерогативы Политбюро, чего диктатор допустить не мог, однако до лета 1936 года никаких оргвыводов не делал.

Коллегиальным органом управления с 1934 года был Военный совет при наркому обороны СССР, членами которого в 1935 г. были 85 наиболее авторитетных военачальников Красной Армии и Военно-Морского флота: руководители наркомата обороны, начальники главных управлений НКО, начальники военных академий, командующие войсками военных округов, некоторые командиры корпусов и дивизий, ряд других работников центрального и окружного аппарата. На ежегодных заседаниях ВС НКО подводились итоги деятельности Рабоче-Крестьянской Красной Армии и разрабатывались планы боевой подготовки на будущий год. Заседание обычно завершалось приемом, на котором присутствовали члены Политбюро ЦК ВКП(б), и И.В.Сталин высказывал свое мнение по обсуждавшимся вопросам. До 1938 года глава партии формально не являлся членом ВС НКО и не участвовал в его заседаниях. Всего с 1934 по 1938 год состоялись 5 плановых ежегодных заседаний Военного совета (в ноябре или декабре каждого года) и одно внеочередное с 1 по 4 июня 1937 года, сыгравшее важную роль в судьбе военной элиты. Вот на это расширенное заседание Stalin не только пришел и выступил с речью, но и все четыре дня просидел в президиуме, внимательно слушая каждого выступавшего, задавая присутствовавшим десятки вопросов, участвуя в полемике, хваля одних и громя других, т.е. был самым активным участником этого военного форума.

С весны 1937 года Stalin развернул масштабную чистку РККА с целью избавления от авторитетных, мыслящих военачальников, сделав ставку на дисциплинированных, преданных лично ему командиров.

Участники расширенного заседания ВС НКО 1 – 4 июня 1937 года не воспротивились начавшейся кампании по выявлению «врагов народа» в Красной Армии. Напротив, многие из них, воспользовавшись обстановкой, поспешили свести счеты со своими соперниками из других группировок и вскоре сами стали жертвами репрессий. Из 42 выступивших в прениях по докладу Ворошилова 34 человека (т.е. 80%) впоследствии были арестованы и расстреляны.

Анализ стенограммы июньского заседания ВС НКО показывает, что в тот период Stalin довольно слабо разбирался в сугубо армейских проблемах, не был знаком с военной терминологией, лично знал лишь небольшую часть высшего командного состава Вооруженных Сил, допускал ошибки в трактовке функций тех или иных военных структур. Со временем Stalin ликвидировал этот пробел, лучше изучил советский генералитет, освоил основы военной стратегии и со знанием дела высказывался по вопросам строительства Вооруженных Сил. Но все это будет позже, в начале сороковых годов, а в 1937 году Stalin пытался решать военные вопросы насоком, опираясь на свой довольно ограниченный опыт периода гражданской войны.

Вскоре после гибели группы Тухачевского погибли те, кто ее осудил, а также сотни других генералов. 1937 и 1938 годы ознаменовались разгулом репрессий в армии, что особенно коснулось ее высшего командного звена. На 90% был уничтожен Военный совет при наркому обороны, состоявший из самых авторитетных, военачальников. В короткий срок были арестованы, а затем погибли 7 заместителей наркома, все командующие военными, округами и флотами, командиры многих соединений и объединений, начальники центральных управлений НКО, руководители и профессора военных академий. Чем выше была должность, тем больше был процент уничтоженных. Центральный и окружной аппараты, пережившие несколько волн чистки, оказались дезорганизованными. Военно-учебные заведения, лишившись многих преподавателей, не смогли правильно организовать процесс подготовки новых кадров.

Вообще смена поколений в армейской среде - это процесс неизбежный и необходимый: меняются исторические условия, возникают новые формы борьбы, меняется военная, техника и возникает потребность в новых кадрах, которые способны воспринять все новое, передовое, отбросив устаревшее. Но в 1937-1938 годах этот естественный процесс принял кровавые формы и гигантские размеры. Была нарушена преемственность между старой и новой военной элитой. Погибли не только большинство военачальников этого периода, но и многие командиры корпусов, дивизий и бригад, которые могли бы со временем составить ядро новой военной элиты. Репрессии в одинаковой степени обрушились как на талантливых, так и на бездарных командиров. Критерием выживания были не профессиональные качества военачальника, не его социально-демографические характеристики, а способность убедить начальство в собственной лояльности. Репрессии сопровождались публичным шельмованием руководящих кадров РККА, которые еще вчера считались героями, цветом армии. Это приводило к серьезному подрыву авторитета даже тех военачальников, которые не подвергались наказаниям. Возникло самое пагубное для военного организма - недоверие красноармейцев к старшим командирам, как к бывшим, так и вновь назначенным. Многие выдвиженцы 1937 года через несколько месяцев разделили печальную судьбу своих предшественников. Всего за годы «ежовщины» погибло вдвое больше генералов, чем за всю Великую Отечественную войну. Репрессии обезглавили Красную Армию, что явилось одной из важнейших причин поражений 1941 года.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. НАЧАЛО «ЕЖОВЩИНЫ» В КРАСНОЙ АРМИИ.	12
1.1. СТАЛИН, ВОРОШИЛОВ И ВОЕННАЯ ЭЛИТА	12
1.2. ЛУБЯНКА ФАБРИКУЕТ ЗАГОВОР	34
 Глава 2. КРЕМЛЕВСКИЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ	52
2.1. О «ВОЕННО-ФАШИСТСКОМ ЗАГОВОРЕ» В КРАСНОЙ АРМИИ	52
2.2. ДЕЛА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ	79
 Глава 3. ГИБЕЛЬ ВОЕННОЙ ЭЛИТЫ	97
3.1. ПРОЦЕСС 11 ИЮНЯ 1937 ГОДА	114
3.2. ИЗ СУДЕЙ В ПОДСУДИМЫЕ	114
3.3. ТРАГИЧЕСКИЕ ИТОГИ	126
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	155

Научное издание

Печенкин Александр Алексеевич

СТАЛИН И ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Лицензия

**Редакционно-издательский отдел
Всероссийского заочного финансово-экономического института (ВЗФЭИ)
123995, Москва, Г-96, ГСП-5, ул. Олеко Дундича, 23.**

**Подписано в печать 10.10.2006 Формат 60x90/16. Печать оперативная.
Усл.-печ. л. 10. Тираж 1000 экз. Заказ № 598.**

**Отпечатано в типографии издательского центра ВятГГУ
610002, Киров, ул. Ленина, 111.**